

РЕБЕККА КУАНГ

ПЫЛАЮЩИЙ БОГ

18+

«Эта серия –
просто чудо».

Виктория Шваб

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Ребекка Куанг
Пылающий бог

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Куанг Р.

Пылающий бог / Р. Куанг — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-110538-9

После кровавых сражений с остатками мугенской армии и союзниками гесперианцев, желающих присвоить никанские богатства, Рин снова остается ни с чем. Преданная и искалеченная, она бежит из Арлонга, чтобы собраться с силами и ударить по врагу. Но ее новые союзники в руководстве Южной коалиции лукавы и ненадежны, Рин быстро понимает, что настоящая сила в Никане – это миллионы простых людей, которые жаждут мести и почитают ее как богиню спасения. Однако по мере роста ее силы и влияния крепнет опьяняющий голос Феникса, призывающий ее сжечь весь мир. И противостоять ему все сложнее... Эффектное завершение трилогии «Опиумной войны», на шумевшего, отмеченного наградами эпического фэнтези Ребекки Куанг, которое сочетает в себе историю Китая как средних веков, так и недавнего прошлого с опасным миром богов и монстров.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110538-9

© Куанг Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Действующие лица	6
Коалиция южан и ее союзники	6
Семья Инь	7
Триумвират	8
Гесперианцы	9
Цыке	10
Пролог	11
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	79
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ребекка Куанг Пылающий бог

Rebecca Kuang
THE BURNING GOD

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Моим читателям, оставшимся до конца трилогии и
приготовившим ведро для слез*

Действующие лица

Коалиция южан и ее союзники

Фан Рунин – сирота войны из провинции Петух, бывший командир цыке, последняя оставшаяся в живых спирка

Чен Катай – сын бывшего министра обороны империи, единственный наследник семьи Чен, якорный близнец Рин

Шрин Венка – лучница из Синегарда, дочь бывшего министра финансов империи

Лиу Гужубай – наместник провинции Обезьяна, блестящий политик

Ма Льен – главарь бандитов, входящий в руководство Коалиции южан

Лиу Дай – один из руководителей южан, давнишний союзник Гужубая

Ян Суцзы – лидер бойцов сопротивления из провинции Петух, командир Железных волков

Цюань Чолан – молодой наместник провинции Собака, назначен недавно

Чиан Муг – королева пиратов Анхилууна, она же Каменная стерва и Лживая вдова

Семья Инь

Инь Вайшра – наместник провинции Дракон, глава Республики Никан

Инь Саихара – правительница Арлонга и жена Иня Вайшры

Инь Цзиньчжа – старший сын наместника провинции Дракон, маршал республиканской армии, убит Су Дацзы *

Инь Мучжа – сестра-близнец Цзиньчжи, единственная дочь Вайшры

Инь Нэчжа – второй сын наместника провинции Дракон

Инь Минчжа – третий сын наместника провинции Дракон, убит драконом Арлонга в детстве *

Триумвират

Су Дацзы – бывшая императрица Никана, она же Гадюка, призывает богиню-улитку
Нюйву

Цзян Цзыя – Страж, призывает чудовищ из императорского зверинца

Инь Жига – Дракон-император, считается погибшим в конце Второй опиумной войны

Гесперианцы

Генерал Жозефус Таркет – командующий войсками Гесперии в Никане

Сестра Петра Игнатиус – представительница Серой гильдии (гесперианского религиозного ордена) в Никане, один из самых блестящих ученых своего поколения

Цыке

Алтан Тренсин – спирец, бывший командир цыке *

Рамса – бывший узник тюрьмы в Бахре, эксперт по боеприпасам *

Бацзы – шаман, призывающий неизвестного бога, который наделяет его громадной силой

*

Суни – шаман, призывающий бога-Обезьяну *

Чахан Сурен – шаман из клана Наймад, брат-близнец Кары

Кара Сурен – меткий стрелок, заклинательница птиц и сестра-близнец Чахана *

Араша – шаман, призывающий речного бога *

* Покойные.

Пролог

– Не стоит этого делать, – сказала Дацзы.

Костер полыхнул странным пурпурным цветом, заискрил и зашипел с укоризной, словно чувствовал ее вину. Языки пламени взметнулись жадными руками и превратились в мерцающие лица, которые даже спустя несколько месяцев вызывали у Дацзы стыд и боль в груди. Она отвернулась.

Но мертвецы навеки запечатлелись под ее веками, их возмущенно разинутые рты винили ее в предательстве. В голове отдавался эхом их шепот, и каждую ночь они шептали в ее снах.

Убийца, говорили они. Неблагодарная. Шлюха.

Грудь Дацзы сковал страх.

– Жига, вряд ли...

– Слишком поздно что-либо менять, милая.

По другую сторону от костра Жига с присущей ему безжалостной четкостью душил вырывающегося оленя. Он уже приготовил три разделочных ножа, снятых с трупов лучников из клана Кетрейдов, и разложил их вокруг костра идеальным треугольником. К своему ножу Дацзы не притронулась. Она была слишком напугана – блестящий металл выглядел ядовитым, жутковатым.

– Пути назад уже нет, – сказал Жига.

Олень выгнул шею, пытаясь освободиться. Жига схватил его за рога рукой и треснул головой о землю.

Пламя взметнулось выше, шепоты усилились. Дацзы вздрогнула.

– Мне кажется, это неправильно.

Жига фыркнул.

– И давно ты стала такой трусихой?

– Я просто беспокоюсь. Тсевери сказала...

– Какая разница, что она там сказала? – ошетинился Жига, явно защищаясь.

Дацзы знала, что ему тоже стыдно. Знала – в глубине души он жалеет, что встал на этот путь. Но никогда в этом не признается. Иначе будет просто сломлен.

Прижав оленью шею коленом, Жига связал его передние ноги веревкой. Олень открыл пасть, словно для крика, но раздался лишь хриплый и жуткий скрежет.

– Тсевери вечно несет всякую чушь. Какие-то пророчества... Не верь этой болтовне. Она говорила лишь то, что хотела нам втолковать Сорган Шира.

– Она сказала, что мы можем из-за этого погибнуть, – напомнила Дацзы.

– Не совсем так.

– Но близко.

– Ох, Дацзы.

Жига суровым рывком затянул последний узел, бросил секундный взгляд на результат своей работы и переместился ближе к Дацзы. Мягкими кругами погладил ей спину. Он хотел успокоить, но Дацзы чувствовала себя в западне.

– Неужели я могу допустить, чтобы с тобой случилось несчастье? – сказал он.

Дацзы с трудом удавалось дышать ровно.

Делай, что он говорит, напомнила она себе. Такой у них договор с Цзыей. Не поднимай головы и подчиняйся, иначе Жига найдет способ от тебя избавиться. Она должна радоваться предстоящему ритуалу. Эта защита – твердая гарантия того, что Жига не убьет ее, иначе умрет сам. Это щит и для нее, и для Цзыи.

Но она все равно боялась. А если это будет хуже смерти? Она собралась с духом:

– Должен же быть какой-то другой способ...

– Его нет, – отрезал Жига. – Так мы долго не протянем. Война стала слишком серьезной. Врагов слишком много. – Он помахал ножом в сторону леса. – А если Цзыя будет так себя вести, он и дня не протянет.

«Не протянет, потому что ты его оттолкнул», – хотелось огрызнуться Дацзы. Но она сдержалась из страха вызвать приступ его гнева. Его жестокости.

У нее не было другого выбора. Дацзы давным-давно поняла, что должна стать незаменимой для Жиги, если хочет жить спокойно. Скованной с ним, его якорем, на котором держится сама его жизнь.

– Эй, Цзыя! – позвал Жига, приложив ладони ко рту. – Давай покончим с этим.

Лес остался тих.

– Цзыя! – повысил голос Жига. – Я знаю, что ты там.

Может, он сбежал, подумала Дацзы. Мерзавец умен.

Она задумалась о том, что сделает Жига, если Цзыя и впрямь удерет. Конечно же, погонится за ним и, скорее всего, схватит – Жига всегда был самым сильным и быстрым из их троицы. Наказание будет чудовищным. Но Дацзы смогла бы несколько минут сдерживать Жигу, оттянуть время, и даже если это будет стоить ей жизни, хотя бы один из них спасется.

Однако через несколько секунд Цзыя вышел из леса, спотыкаясь, как пьяный. У него был затуманенный, безумный взгляд, который Дацзы так часто видела в последнее время, что уже привыкла. Она знала, что это предвещает опасность. И втихую потянулась к ножу.

Жига встал и пошел навстречу Цзые, как дрессировщик к тигру, осторожно раскинув руки.

– Ну, как ты?

– Как я? – наклонил голову Цзыя. – О чем это ты?

Дацзы заметила, как запульсировала вена на шее Жиги.

– Может, присядешь? – спросил Жига.

Цзыя покачал головой и хихикнул.

– Что тут смешного? – рявкнул Жига. – Идем, Цзыя.

– Цзыя? – Цзыя закатил глаза к небу. – А кто это?

Жига потянулся к мечу. Дацзы подняла нож. Они ведь к этому готовились, все втроем, и с согласия Цзыи. Нужно нанести удар, прежде чем откроются врата...

Лицо Цзыи исказила кошмарная ухмылка:

– Шучу.

Жига расслабился.

– Да чтоб тебя!

Дацзы выдохнула и попыталась утихомирить бешено колотящееся сердце. Цзыя сел перед костром, скрестив ноги. Взгляд небрежно скользнул по связанному оленю.

– Совсем как ручной, да?

Он взял с земли свой нож и поиграл с ним перед оленем. На зазубренном лезвии сверкнуло пламя. Олень лежал неподвижно. Как будто мертвый, если бы не тяжелое хриплое дыхание.

– Дацзы проглотила шарик опиума, – сказал Жига.

– Ясно. – Цзыя подмигнул ей: – Вот и умница.

Дацзы страстно желала, чтобы наркотик подействовал быстрее. Чтобы Жига дал ей время. Но это требует сострадания, которым он уж точно не обладал.

– А ты оживилась, Дацзы, – сказал Жига, покачав перед ней ножом. – Давай не будем затягивать.

Дацзы замерла. На краткий миг она подумывала сбежать. У нее задрожали колени.

Нет. Пути для отступления нет. Ей придется это сделать, если не ради себя, то ради Цзыи.

Он обожает дурацкие шутки. Не способен ничего принять всерьез, даже безумие, возможно, ожидающее впереди, его лишь забавляет. Но ее страх и страх Жиги – реальные. Цзыя месяцами балансировал на границе здравого рассудка и безумия, и они не знали, когда он рухнет в бездну навеки. Лишь этот шаг мог его вернуть.

Только вот это дорого им обойдется.

– Поднимите ножи, – скомандовал Жига.

Они подчинились. Олень смиренно лежал под блестящими клинками, его остекленевшие глаза были открыты.

Жига заговорил. С каждым словом заклинания, с каждой ложью, зверством и убийством, которые они совершили, пламя поднималось все выше и выше, пока не взметнулось выше человеческого роста, прямо в ночное небо. Когда эти слова произносила Тсевери, они звучали музыкой. С языка Жиги они слетали проклятиями. Дацзы крепко зажмурилась, стараясь заглушить крики в голове.

Жига завершил песнопения. Ничего не изменилось.

Они долго сидели у костра, в растущем смятении, пока тишину не прервал хохот Цзыи.

– Да что с тобой творится? – огрызнулся Жига.

– Ты произнес все неправильно, – сказал Цзыя.

– Это еще что значит?

– Твой акцент. Ничего не выйдет, если так исказить слова.

– Тогда говори ты.

И Жига выплюнул еще несколько непонятных слов.

Мугенских слов, грязного говора, которому он научился в детстве. «Любитель кобыл».

– Я не знаю слова, – ответил Цзыя.

– Нет, знаешь. – В голос Жиги вкрались угрожающие нотки. – Она же научила тебя первым.

Цзыя оцепенел.

«Не надо, не делай этого, – подумала Дацзы. – Давай убьем его и сбежим».

Цзыя начал произносить заклинание. Его голос постепенно изменился – от хриплого шепота до крика, мощного и ясного. На этот раз слова звучали ближе к тому, как говорила их Тсевери. На этот раз они имели силу.

– Пора, – прошептал Жига, и они занесли ножи, чтобы принести невинную жертву.

Когда все закончилось, они вернулись из бездны обратно в материальные тела, словно их окатили ледяной водой. Дацзы дернулась, тяжело дыша. Земля под ногами была такой прочной, воздух таким свежим. Все в мире было столь знакомым, но странным – крепким, прекрасным и загадочным. Внутри у Дацзы все горело, вибрировало чистой энергией, так что тело изгибалось дугой.

Она никогда еще не чувствовала себя такой живой. Теперь у нее три души вместо одной, теперь она стала целой, стала чем-то гораздо большим, чем была.

Они еще не полностью вернулись из мира духов. Их связь еще не закреплена. Дацзы читала души Цзыи и Жиги, их мысли обрушивались на ее разум и звучали так громко, что трудно было отделить от собственных.

Она чувствовала холодный и чистый страх Цзыи вместе с громадным облегчением. Цзыя этого не хотел. Никогда не хотел. Был страшно напуган тем, в кого может превратиться, но и радовался тому, что спасся от грозящего в противном случае. Он был рад, что теперь связан.

Жига излучал ликование и головокружительный поток честолюбивых желаний. Жаждал получить еще больше. Даже не обращал внимания на исходящий от Цзыи панический страх. Он грезил лишь о великом. Представлял их на поле боя, за столом переговоров, на трех тронах.

Для Жиги ритуал был лишь последним препятствием. Теперь они смотрят в будущее, которое он всегда для них воображал.

Дацзы тоже этого хотела. Просто не была уверена, что выживет.

Она медленно открыла глаза. Покрывающая руки кровь в лунном свете выглядела черной. Костер почти догорел, но собирался удушливый дым. Дацзы чуть не упала на головешки, чуть не рухнула лицом в пепел, чтобы положить всему этому конец.

Сильные пальцы схватили ее за плечо и оттащили назад.

– Осторожней, – усмехнулся Жига.

Дацзы не разделяла его эйфории.

Много лет спустя, терзая себя воспоминаниями о том, как все начиналось для них троих, прежде чем пошло наперекосяк, она никак не могла припомнить, что чувствовала, когда они впервые связали друг друга якорями. Не помнила ни восторга от обретенной силы, ни пугающего, но восхитительного чувства признания. Лишь густой и холодный страх, только в нем она была уверена, она боялась, что они заплатят за украденные секреты кровью.

И Тсевери. Дацзы всегда мысленно представляла искаженное лицо мертвой девушки и ясно слышала ее последнее предупреждение – до того как Цзыя вырвал сердце из ее груди.

«Послушайте мое пророчество, – сказала она. – Один из вас умрет. Один будет править. А третий уснет навеки».

Часть первая

Глава 1

Запястье Рин пульсировало болью.

Утром, когда она сидела в засаде, воздух всегда казался другим, словно насыщен электричеством, потрескивает остатками грозового заряда, гудит вокруг нее и всех солдат. Сражаясь за Республику, Рин никогда такого не испытывала. Поначалу войска Иня Вайшры были закаленными профессионалами – угрюмыми, мрачными, готовыми завершить дело и разойтись. Но под конец стали бояться. Их охватило отчаяние.

Однако солдаты Коалиции южан кипели злостью, и одной этой злости хватило, чтобы продержаться во время нескольких недель изматывающей подготовки и быстро превратиться в умелых убийц, хотя мало кто из них когда-либо держал в руках меч.

Для них война была личным делом. Пусть Худла и не их родной город, но они выросли в этой провинции, а каждый житель провинции Обезьяна пострадал от мугенской оккупации. Их выгоняли из домов, грабили, насиловали, убивали и казнили. По всему югу повторились тысячи Голин-Ниисов, и всем было плевать – ни Республику, ни империю не волновал юг.

Однако некоторые южане выжили и хотели отомстить за погибших, эти люди и составили войско Рин.

Текли напряженные минуты, ряды солдат оцетинились в предвкушении, как натянувшие поводки охотничьи псы. Запястье Рин ныло, словно служило громоотводом, каждую секунду в локоть впивался миллион иголок боли.

– Прекрати чесаться, – посоветовал Катай. – Ты только делаешь хуже.

– Но она болит, – отозвалась Рин.

– Потому что расчесываешь. Оставь в покое, и быстрее заживет.

Она провела пальцами по неровной потрескавшейся коже, покрывающей запястье в том месте, откуда должна была начинаться правая ладонь. Рин стиснула зубы, борясь с желанием впиться ногтями в саднящую рану.

Ладонь ей ампутировали в тот день, когда они пришвартовались в порту Анхилууна. К тому времени, после двух недель в море, рука превратилась в гниющее гангренозное месиво. Несмотря на все усилия врачей Черных лилий и попытки стерилизовать рану, кожа настолько воспалилась, что инфекция лишь чудом не распространилась дальше. Операция была короткой. Личный врач Муг отсек Рин ладонь, подрезал гниющую плоть и зашил кожу аккуратным узлом над торчащей костью.

Сама рана зажила неплохо. Но как только Рин перестала принимать лауданум, запястье превратилось в источник непереносимых мук. По несколько раз в час в несуществующих пальцах вспыхивали фантомные боли. Иногда такие сильные, что Рин молотила рукой по стене, чтобы заглушить их более сильной болью, лишь бы вспомнить – руки больше нет, а боль лишь воображаемая. Но Рин не могла избавиться от боли, существующей только в ее воображении.

– Ты расчешешь до крови, – предупредил Катай.

Сама того не осознавая, Рин снова начала чесать руку. Обхватила культю пальцами и с силой сжала, пытаясь изгнать зуд отупляющим нажимом.

– Это сводит меня с ума. Не просто зуд, а пальцы. Как будто они до сих пор на месте и в них вонзаются тысячи иголок, только я ничего не могу с этим поделать.

– Кажется, я тебя понимаю, – сказал Катай. – У меня тоже так иногда бывает. Вдруг возникает дрожь без всякого повода. А это странно, если задуматься. Пальцы-то есть только у меня, но боль передается от тебя.

До ампутации они беспокоились, что если отрезать гниющую ладонь, то и Катай лишится руки. Они не знали границ своей якорной связи. Знали только, что смерть одного означает и смерть другого. Они чувствовали боль друг друга, а раны одного проявлялись бледными, едва заметными шрамами у другого. Но насчет ампутации они ничего не знали.

Однако к тому времени, когда они причалили в Анхилууне, рука Рин так воспалилась, что оба страдали от страшной боли, и Катай сквозь зубы объявил – мол, если Рин не отрежет руку, он сам ее отгрызет.

К обоюдному облегчению, его ладонь осталась в целости. Вокруг запястья появился неровный белый шрам, похожий на браслет, но пальцы по-прежнему работали, хотя и слегка утратили гибкость. Время от времени Рин замечала, что он с трудом удерживает кисть для письма и дольше одевается по утрам. Но все-таки ладонь осталась на месте, и, несмотря на радость по этому поводу, Рин не могла побороть вездесущую зависть.

– Ты ее видишь? – Она помахала перед Катаем запястьем. – Маленькую призрачную ладошку?

– Ты могла бы привязать к руке крюк.

– Ни за что!

– Ну, тогда клинок. И тогда начала бы тренировки.

Рин бросила на него раздраженный взгляд.

– Ладно, как-нибудь выкрою время.

– Никогда ты не выкроишь время, – сказал Катай. – Если будешь продолжать в том же духе, то первый же раз, когда тебе придется столкнуться с мечом, станет и последним.

– Я не нуждаюсь...

– Ты сама прекрасно знаешь, что меч может понадобиться. Рин, подумай, что случится, когда...

– Не сейчас, – огрызнулась она. – Сейчас я не хочу об этом говорить.

Рин ненавидела упражняться с мечом. Терпеть не могла, что теперь приходится кое-как справляться левой рукой с теми задачами, которые правой она делала машинально. Она казалась себе беспомощной и глупой неумехой и очень долго убеждала себя, что по-прежнему сильна. Впервые она взяла в руку меч через неделю после операции, и левая рука так задрожала от слабости, что Рин немедленно и с отвращением отшвырнула оружие. Она просто не могла вынести этого еще раз.

– Я понимаю, в чем проблема, – продолжил Катай. – Ты встревожена.

– Вовсе я не встревожена.

– Чушь. Ты в ужасе. Вот почему увиливаешь. Ты боишься.

И на то есть веская причина, подумала Рин.

Боль в запястье была не проблемой, а лишь симптомом. Рин во всем искала подвох. То их позицию могли раскрыть. То мугенцы могли прознать, что они приближаются.

Или они просто-напросто проиграют.

Прежде ей не приходилось иметь дело с такой отличной обороной. Мугенцы в Худле знали, что войска Рин наступают, и караульные ее армии были настороже уже много дней. Теперь они больше всего боялись ночных вылазок, хотя мало кто решился бы устроить засаду в темноте. Предстоящая операция будет нелегкой.

И Рин не может ее провалить.

Худла – это проба сил. С тех самых пор, как они сбежали из Арлонга, Рин просила наместника провинции Обезьяна поставить ее во главе армии, но снова и снова получала ответ, что не может вести все войско в сражение, не имея опыта. Сегодня ей наконец-то дали командование. Ее задача – освобождение Худлы. До сих пор Рин сражалась в одиночестве – огненный факел, который Коалиция южан бросала в битвы, словно снаряд массового поражения.

Теперь она вела в бой бригаду из сотен человек.

Солдаты будут драться под ее командованием. И это вселяло в Рин ужас. А если они погибнут под ее командованием?

– Нам нужно действовать как часы, – сказал Катай. Они повторяли план уже с десятков раз, но сейчас Катай говорил просто для того, чтобы она успокоилась. – Караул меняется каждые тридцать минут. Ты услышишь, когда изменятся голоса. Подберись как можно ближе еще до заката и нападай во время смены караула. Сигналы помнишь?

Рин глубоко вздохнула:

– Да.

– Тогда тебе не о чем волноваться.

Если бы!

Тянулись минуты. Рин смотрела, как солнце скрывается за горами – неохотно, словно его тянет к себе какое-то чудовище, засевшее в долине.

После того как Рин пробудила Феникса на острове Спир и завершила Третью опиумную войну, официальной капитуляции от Федерации Муген так и не последовало. Император Рио-хай и его сподвижники в один миг превратились в обугленные статуи под горами пепла. Никто из императорской семьи не выжил, некому было вести переговоры о мире.

А значит, не было ни перемирия, ни договора. Ни один мугенский генерал не предоставил карту расположения армии, не сложил оружие перед Никаном. Теперь оставшиеся на материке солдаты Федерации превратились в постоянную, никем не контролируемую угрозу, в закаленных солдат-кочевников, без цели и страны. Инь Вайшра, бывший наместник провинции Дракон, недавно избранный президентом республики Никан, мог бы окончательно разобраться с мугенцами несколько месяцев назад, но позволил им опустошать страну, чтобы ослабить своих же союзников и в долгосрочной перспективе усилить собственную хватку на разваливающейся Никанской империи. Теперь отдельные взводы мугенцев собрались в несколько независимых банд и терроризировали юг. В сущности, Никан и Муген по-прежнему воевали. Даже без поддержки с острова в форме лука мугенцам всего за несколько месяцев удалось поработить юг. И Рин им позволила, потому что была поглощена восстанием Вайшры, в то время как у нее дома шла настоящая война.

Однажды она уже подвела юг. И больше себе такого не позволит.

– Кадзуо говорит, что корабли все еще прибывают, – раздался голос на мугенском. Мальчишеский голос, тонкий и звонкий.

– Кадзуо – полный кретин, – отозвался его спутник.

Рин и Катай пригнулись в высокой траве. Они подкрались к лагерю мугенцев так близко, что слышали неспешную болтовню патруля, приглушенные голоса далеко разносились в неподвижной ночи. Рин уже больше года не разговаривала на мугенском и успела его подзабыть, ей пришлось напрягать слух, чтобы понять, о чем идет речь.

«Их язык похож на стрекотание насекомых», – однажды посетовал Нэчжа, когда они были еще наивными детьми в тесных аудиториях Синегарда, когда им еще только предстояло осознать, что они готовятся не к гипотетической войне.

Как помнила Рин, Нэчжа ненавидел уроки мугенского, не понимал обычный для этого языка быстрый темп и постоянно передразнивал мугенское произношение, так что одноклассники хохотали над его тарабарщиной, звучащей как настоящий мугенский.

«Зы-зы-зы, – издавал он звуки сквозь сомкнутые зубы. – Прямо как мошки».

Прямо как сверчки, думала Рин. В глубинке именно так мугенцев и называли. Рин не знала, новое это ругательство или старое, воскрешенное из прежних времен, еще до ее рождения. Она не удивилась бы, если бы слово оказалось старым. История движется по кругу, теперь она уже хорошо это поняла.

– Кадзуо сказал, что корабли прибывают в порты провинции Тигр, – сказал первый парень, совсем молоденький. – Швартуются незаметно и перевозят наших обратно, потихоньку...

Второй патрульный фыркнул:

– Чуть собачья. Мы бы уже знали, если бы это было так.

Ненадолго установилась тишина. Кто-то заворочался в траве. Рин поняла, что патрульные легли. Может, смотрят на звезды. Так глупо с их стороны, совершенно безответственно. Но голоса были такими юными, не как у солдат, совсем детские. Может, они просто не знают, как положено себя вести?

– Луна здесь совсем другая, – мечтательно произнес первый часовой.

Рин узнала фразу. Она учила ее в Синегарде – это старая мугенская пословица, афоризм, извлеченный из мифа о паромщике, который полюбил женщину, живущую на далекой звезде, и построил для нее мост между двумя мирами, чтобы они наконец-то смогли обнять друг друга.

«Луна здесь совсем другая». Это значило, что он хочет вернуться домой.

Мугенцы постоянно говорили о возвращении домой. Каждый раз, когда Рин случалось подслушать их разговоры. Они говорили о доме, как будто он до сих пор существует, словно легко могли вернуться на прекрасный остров в форме лука, если бы только в порту пристали корабли. Мугенцы говорили о матерях, отцах, сестрах и братьях, ожидавших их на том берегу, как будто они каким-то образом уцелели в потоке раскаленной лавы.

– Лучше привыкай к этой луне, – отозвался второй патрульный.

Чем дольше они разговаривали, тем моложе казались голоса. Рин представила их лица, тощие длинные ноги и пушок над верхней губой. Они уж точно не старше ее – чуть больше двадцати, а то и меньше.

Она вспомнила, как во время осады Хурдалейна дралась с мальчишкой своего возраста. С тех пор, казалось, прошла целая вечность. Рин вспомнила его широкое, как луна, лицо и мягкие руки. Вспомнила, как он вытаращил глаза, когда клинок вошел ему в живот.

Наверное, он был страшно напуган. Страшно напуган – в точности как и она.

Рин почувствовала, как Катай рядом с ней напрягся.

«Они и сами не хотят здесь оставаться, – сказал он ей несколько недель назад. Он допрашивал мугенских пленных и сочувствовал им гораздо больше, чем следовало, с точки зрения Рин. – Они же просто дети. Четверть из них моложе нас, и они пошли на войну против воли. Большинство из них просто вытащили из домов и бросили в кошмарные тренировочные лагеря, они согласились, только чтобы родные не голодали или не попали в тюрьму. Они не хотят убивать, просто хотят вернуться домой».

Но дома у них больше не было. Этим мальчишкам некуда сбежать. Если путь к примирению когда-либо и был открыт, если и была возможность вернуть вражескую армию домой и медленно отстраивать мирную жизнь, то Рин давно этот путь отрезала.

В недрах ее разума приоткрылась пропасть вины, давнишняя спутница Рин.

Рин отбросила эти мысли.

Она проделала огромную работу, похоронив воспоминания, ведь только так могла сохранять здравый рассудок.

Она напредила себе, что детей тоже можно убивать. Даже мальчишки могут быть чудовищами.

События войны уже расплывались в памяти. Любог мугенец, надевший форму, замешан, а у Рин не было времени отделять виновных от невинных. Спирское правосудие совершенно, и ее кара окончательна. У нее нет времени размышлять о том, что могло бы случиться, нужно освобождать родную страну.

В запястье снова запульсировала боль. Рин медленно выдохнула, закрыла глаза и несколько раз мысленно повторила план атаки, пытаясь стряхнуть напряжение.

Она провела пальцами по шрамам на животе и остановилась в том месте, где Алтан выжег отпечаток своей ладони, словно поставил клеймо. Рин представила мальчишек-патрульных и трансформировала этот образ в мишень.

«Я убила миллионы таких, как вы, – думала она. – Теперь это рутина. Раз плюнуть».

Солнце превратилось в маленькую багровую точку, почти скрывшись за вершинами гор. Караул сменился. Поля вокруг были пусты.

– Пора, – пробормотал Катай.

Рин встала. Они посмотрели друг на друга и пожали руки.

– На закате, – сказала она.

– На закате, – согласился он, положил руки ей на плечи и поцеловал в лоб.

Они всегда расставались вот так, мысленно говоря все, чего не произносили вслух. «Храбро сражайся. Береги себя. Я тебя люблю».

Для Катай прощания были тяжелее, ведь он ставил на кон свою жизнь всякий раз, когда Рин ступала на поле боя.

Рин больше всего на свете хотелось бы не подвергать его риску. Если бы она только могла вырезать часть своей души, из-за которой Катай был в опасности, то сделала бы это.

Но осознание, что на кону жизнь Катай, вносило свой вклад в то, как Рин дралась. Она становилась более меткой и осторожной, меньше рисковала и предпочитала при первой же возможности ударить быстро и четко. Ее больше не направляла ярость. Рин сражалась, чтобы защитить его, и это, как она обнаружила, все поменяло.

Катай кивнул на прощанье и скрылся за рядами бойцов.

– Он всегда остается в тылу? – спросила лейтенант Шень.

Рин она нравилась. Ветеран двух последних Опиумных войн, Шень Сайнан родилась в провинции Обезьяна и была бесцеремонной, но умелой и прагматичной. Она презирала политические игры и, возможно, именно поэтому была в числе немногих офицеров, вызвавшихся последовать за Рин в первое сражение под ее командованием. Рин была ей за это благодарна.

Но Шень многое замечала. Вечно задавала слишком много вопросов.

– Катай не сражается, – ответила Рин.

– Почему? – напирала Шень. – Он ведь окончил Синегард, верно?

Потому что Катай – единственная нить, связывающая Рин с небесами. Потому что Катай должен остаться в безопасном и тихом месте, чтобы его разум стал каналом между ней и Фениксом. Потому что всякий раз, когда Катай оказывается в уязвимом положении, вероятность смерти Рин удваивается.

Но это Рин держала в тайне. Если наместник провинции Обезьяна узнает, что Катай ее якорь, он узнает и единственный способ, каким ее можно убить. А Рин не доверяла ни ему, ни Коалиции южан настолько, чтобы дать ему такой шанс.

– В Синегарде он изучал стратегию, – сказала Рин. – А не бой в пехоте.

Шень, похоже, это не убедило.

– У него есть меч, как и у всех остальных.

– Да, но его ум ценнее меча, – отрезала Рин, прекращая спор. Она кивнула в сторону Худлы: – Пора.

В ее вены хлынул адреналин. Стук сердца отдавался в ушах как мысленный отсчет времени до начала бойни. По периметру городка восемь пар глаз внимательно следили за Рин – восемь командиров эскадронов ждали на стратегических позициях, ждали появления огня.

И наконец Рин увидела шагающую по полю шеренгу мугенских войск. Это и была смена караула.

Она подняла левую руку и подала сигнал – тонкую струйку дыма, выжегшую воздух над ее головой и улетевшую прочь. На поля с севера и востока высыпали солдаты. Выступили из укрытий по берегам реки в долинах и лесах, словно полчища муравьев. Рин довольно наблю-

дала за ними. Даже если вдруг ее колонны окажутся слабее обороняющихся, мугенцы не поймут, с какой стороны отбиваться первым делом.

Она услышала сигнальный свист, указывающий на то, что все эскадроны заняли установленные позиции. Лейтенант Шень – на востоке. Лейтенант Лин – на севере.

Рин вела южную колонну.

Мугенцы оказались не готовы. Большинство солдат спали или собирались лечь. Они вылезали из шатров и казарм, пошатываясь и потирая глаза. Рин едва не засмеялась, увидев их лица, искаженные одинаковым ужасом, когда солдаты поняли, отчего в ночи стало так тепло.

Она подняла руки. За плечами развернулись крылья, поднимая ее над землей.

Катай как-то раз обвинил ее в излишней театральности, мол, она жертвует эффективностью ради зрелищности.

Какое это имеет значение? Нет смысла деликатничать, если все знают, кто она такая. А Рин хотелось, чтобы этот образ навеки запечатлелся под их веками, чтобы перед смертью все они увидели одну картину – спирку и ее бога.

Люди разбегались перед ней, как испуганные наседки. Кто-то даже пришел в себя настолько, что метнул меч в ее сторону. Этими людьми двигала паника, они не могли как следует прицелиться. Раскинув руки, Рин двинулась вперед, и куда бы она ни посмотрела, все пожирало пламя.

А потом раздались крики, и ее душа наполнилась ликованием.

Рин так долго ненавидела себя, свой огонь и своего бога. Но все это уже в прошлом. Теперь она приняла себя такой, как есть, и она себе нравилась. Рин нравилось, когда ею овладевают самые примитивные инстинкты. Она ими наслаждалась.

Ей больше не приходилось напрягаться, чтобы вызвать ярость. Достаточно было вспомнить трупы Голин-Нииса. Мертвецов в исследовательской лаборатории. Горящего на пирсе Алтана, кошмарный конец кошмарной жизни, на которую его обрекли.

Ненависть – забавная штука. Она пожирает изнутри, как отравы. Каждая мышца тела напряглась, а кровь в венах стала такой горячей, что казалось, будто голова расколется пополам, но тем не менее это наполняло Рин энергией. Ненависть – тоже своего рода огонь, и если не осталось ничего другого, она поддерживает в тебе тепло.

Когда-то Рин использовала огонь как тупой инструмент, позволяя Фениксу контролировать ее волю, словно она была оружием, а не наоборот. Когда-то она лишь служила вратами для урагана божественного пламени. Но подобные ничем не сдерживаемые взрывы годятся только для массовых убийств. Освободительные кампании требуют точечных ударов.

Она неделями упражнялась с Катаем, оттачивая технику огня. Научилась придавать ему форму меча. Раскидывать щупальцами или хлыстом. Превращать его в движущиеся, танцующие фигуры – львов, тигров, фениксов. Овладела многочисленными способами убивать с помощью огня. Но предпочитала сразу целиться в глаза. Сжигать другие части тела – слишком долго. Человек может гореть на удивление долгое время, а Рин хотелось побыстрее закончить бой. Да и вообще, все лицо представляет собой отличную мишень – сразу загорятся волосы, и даже легкие раны головы отключают солдат лучше, чем любые другие. Но если метить в глаза, можно выжечь сетчатку, навсегда закрыть веки или обжечь кожу вокруг. Все это ослепит противника за считанные секунды.

Она заметила справа движение. Кто-то решил бросить ей вызов.

Феникс захохотал от такой наглости.

Через полсекунды она протянула открытую ладонь к лицу нападавшего.

Его глаза один за другим лопнули. По щекам потекла вязкая жидкость. Он открыл рот в крике, и Рин направила пламя прямо ему в глотку.

Если бы она смотрела на своего противника как на человека, то сейчас он выглядел бы кошмарно. Но она не рассматривала врагов как людей, Синегард и Алтан научили ее отстра-

няться. Научили видеть не человека, а тело. Без души. А тело состоит лишь из нескольких мишеней, и все они великолепно горят.

– Ты знаешь, откуда произошли мугенцы? – однажды спросил ее Алтан. – Знаешь, что они за народ?

Тогда они плыли по Мурую к Хурдалейну. Только что началась Третья опиумная война. Рин только что окончила Синегард, была глупой и наивной студенткой, которая никак не может примириться с тем, что теперь она солдат. Алтан только что стал ее командиром, и она внимала каждому его слову. Он настолько ее завораживал, что Рин едва могла внятно связать несколько слов.

Она поняла, что Алтан ждет ответа, и сказала первое, что пришло в голову:

– Они... э-э-э... родственный нам народ?

– А знаешь, с чего все пошло?

Рин могла бы повторить ответ из учебника. Про миграцию из-за наводнений или засухи. Про изгнанных аристократов. Клановую войну еще времен Красного императора. Никто точно не знал. Рин читала много теорий, и все были одинаково правдоподобны. Но она подозревала, что Алтану на самом деле неинтересен ее ответ, и потому покачала головой.

И угадала верно. Он хотел кое-что ей рассказать.

– Когда-то давным-давно у Красного императора был один питомец, – сказал он. – Очень умная, но злобная обезьяна, которую он нашел в горах. Уродливая и коварная тварь. Знаешь эту легенду?

– Нет, – прошептала она. – Расскажи.

– Красный император держал ее в клетке, в своем дворце, – продолжил Алтан. – И время от времени показывал гостям. Им нравилось наблюдать, как эта тварь убивает. В ее клетку запускали свиней или кур, и обезьяна их расчленила. Представляю, как веселились зрители. Пока однажды зверюга не удрала из клетки. Она голыми руками убила министра, похитила дочь Красного императора и сбежала обратно в горы.

– Я не знала, что у Красного императора была дочь, – глупо вставила Рин.

По какой-то причине ее привлекла именно эта деталь. Ведь история помнит только принцев, сыновей Красного императора.

– Никто этого не знал. После случившегося он стер ее из всех летописей. Она забеременела от зверюги, но не сумела исторгнуть плод из утробы, поскольку была пленницей той твари, и потому родила получеловека, а потом и других детей, и воспитывала их в горах. Через много лет Красный император послал своих генералов, чтобы изгнать их из империи, вот они и сбежали на остров в форме лука.

Рин никогда не слышала такой версии истории, но звучало правдоподобно. Никанцы и впрямь любили сравнивать мугенцев с обезьянами и называли полулюдьми. Низкорослые и щуплые. Но когда она наконец-то увидела солдата Федерации собственными глазами, то не сумела бы отличить его от никанского крестьянина.

Алтан помедлил, внимательно глядя на нее и ожидая ответа.

Но у Рин был только один вопрос, хотя задавать его не хотелось, потому что она знала – ответа у Алтана нет.

Если они всего лишь животные, то как им удастся нас убивать?

Кто решает, кого считать человеком? Никанцы и спирцев считали животными и на многие века превратили их в рабов-воинов. Ладно, пусть враги – не люди. Но если они – животные, то должны быть менее развитыми. А если мугенцы менее развиты, то почему побеждают? Значит ли это, что в нашем мире выживают только звери?

Может быть, на самом деле все мы – просто люди. И лишь ищем способ оправдать убийство. Если кого-нибудь перестать считать человеком, его можно убить. В Синегарде наставник по стратегии Ирцах рассказывал, что в пылу битвы нужно смотреть на противника как на

объект, абстрактный комплект частей тела, а не целое, так проще воткнуть клинок в пульсирующее сердце. И может быть, если вы посмотрите на кого-то не как на объект, а как на животное, то не только убьете его не моргнув глазом, но и получите удовольствие. Порадуетесь, как веселитесь, топча ногой муравейник.

– Обезьяны, насилующие людей. Выродки. Животные. Тупые дикари. – Последние слова Алтан произнес с горечью и смакованием, и Рин подумала – это, возможно, потому, что именно такими словами многие описывают его самого. – Вот откуда взялись мугенцы.

Всего за несколько минут Рин прорвалась сквозь лагерь врага. Мугенцы почти не оказывали сопротивления. Солдаты, с которыми она имела дело в Синегарде и Хурдалейне, были умелыми и хорошо вооруженными, с шеренгами сверкающих мечей и бесконечным запасом химического оружия, которое они бросали в гражданских. Но эти солдаты разбежались вместо того, чтобы драться, умирали так быстро, что Рин поразились.

Все оказалось слишком просто, Рин даже пришлось замедлить темп. Ей хотелось наслаждаться своей властью. «Еще недавно я была вашей вопящей жертвой, умоляющей о снисхождении. А теперь вы склоняетесь передо мной».

А темп замедлять не следовало.

Потому что, стоило замедлить продвижение, и она заметила, насколько плохо подготовлены мугенцы. Насколько не похожи на солдат. Как они молоды.

Мальчишка перед ней держал меч, но не умел им пользоваться. Даже не пытался сражаться, просто отшатнулся с поднятыми руками, умоляя о пощаде.

– Пожалуйста, не надо, – повторял он.

Возможно, это был тот самый патрульный, он говорил тем же тоненьким звонким голоском.

– Пожалуйста...

Ее рука застыла. Рин поняла, что он говорит по-никански.

Она на мгновение задумалась. Он что, никанец? Военнопленный? Он не носил мугенскую форму, возможно, он вообще ни при чем...

– Пожалуйста, – снова взмолился он. – Не надо...

Его судьбу определил акцент. Слишком резкие тона. Он все-таки оказался не никанцем, а сообразительным мугенским солдатом, который решил обдурить ее и разжалобить.

– Сгори! – сказала она.

Мальчишка рухнул навзничь. Рин увидела его разинутый рот, искажившееся в жалобном крике лицо, почерневшее и обугленное, но ей было плевать.

В сущности, ей всегда было легко приглушить сердечную боль. И пусть они выглядят как мальчишки. На самом деле они чудовища, с которыми она однажды столкнулась. В войне на уничтожение все это было не важно. Если они мугенцы, значит – просто сверчки, и, когда она раздавит их каблуком, вселенная не заметит потери.

Когда-то Алтан велел ей смотреть, как он заживо сжигает белку.

Он поймал белку на завтрак с помощью простого капкана. Та была еще жива, когда Алтан притащил ее из леса, и извивалась в его кулаке. Но он не сломал ей шею, а решил преподать Рин урок.

– Ты знаешь, как именно люди умирают в огне? – спросил он.

Рин покачала головой. Она заворуженно смотрела, как Алтан вызвал в ладони огонь.

Алтан потрясающе умел придавать пламени форму. Словно кукловод, с легкостью изгибал его в удивительные фигуры – то летящую птицу, то извивающегося дракона, то человеческое тело. Они бились внутри клетки, созданной его пальцами, пока он не захлопывал ладони.

Рин не могла отвести глаз от танца его пальцев в воздухе. Вопрос Алтана застал ее врасплох, и, когда она заговорила, слова прозвучали неуклюже и глупо:

– От жара? В смысле... э-э-э...

Алтан изогнул губы:

– Огонь – не лучший способ убивать. Ты знаешь, что сама смерть почти безболезненна? Огонь пожирает вокруг жертвы весь воздух, и она просто задыхается.

Рин вытаращила глаза:

– Но ты этого не хочешь?

– А с чего бы мне этого хотеть? Если хочешь убить быстро, воспользуйся мечом. Или стрелой. – Он закрутил полоску огня вокруг пальцев. – Спирцев не бросают в сражение, если не собираются запугать врага до полусмерти. Мы хотим, чтобы жертвы сначала страдали. Чтобы горели, и медленно.

Он взял связанную белку и обхватил ее пальцами посередине. Белка не могла даже запищать, но Рин представила этот звук, дрожащие повизгивания в одном ритме с дергающимися лапками.

– Смотри на ее шкуру, – велел Алтан.

Как только обгорела шерсть, Рин разглядела, как розовая кожа пузырится, трескается и отвердевает, становясь черной.

– Сначала кожа кипит. Потом начинает слезать. Следи за цветом. Как только кожа почернеет и чернота распространится дальше, жертву уже не спасти.

Алтан протянул ей белку:

– Проголодалась?

Рин заглянула в маленькие черные глазки, вылезшие из орбит и остекленевшие, и в животе забурчало. Рин не могла определить, что хуже – дергающиеся в предсмертной агонии белочки лапки или чудесный аромат жареного мяса.

* * *

Когда она зачистила южный фланг, ее солдаты загнали остатки мугенцев в угол, в восточном районе Худлы. Войска расступились, пропуская Рин.

– Долго ты, – сказала Шень.

– Слишком разошлась, – ответила Рин.

– Южный район...

– С ним покончено. – Рин потерла пальцы, и на землю упали стружья запекшейся крови. – А почему мы не атакуем?

– Они взяли заложников и засели в храме, – объяснила Шень.

Умный ход. Рин осмотрела храм. Она давно уже не видела таких красивых сооружений в таком захудалом городишке – из камня, а не из дерева. Его не так-то просто спалить, а верхний этаж – отличное место для мугенской артиллерии.

– Они собираются нас перестрелять, – сказала Шень.

И словно в качестве доказательства ее правоты над головами просвистел снаряд и взорвался в десяти шагах от них.

– Так возьмем их штурмом, – сказала Рин.

– Мы опасаемся, что у них есть газ.

– Они давно бы пустили его в ход.

– Могли и дожидаться нас, – заметила Шень. Логика в ее словах была.

– Тогда просто сожжем храм.

– Не получится, он же каменный...

– Это у вас не получится.

Рин взмахнула пальцами. На ее ладони затанцевал огненный дракон. Она прищурилась, глядя на храм и размышляя. Она точно до него достанет, ведь она может бросать поток огня

на пятьдесят шагов. Нужно лишь направить пламя в окно. Миновав камень, огонь найдет, что спалить.

– Сколько там заложников? – спросила Рин.

– А это имеет значение? – отозвалась Шень.

– Для меня – да.

Шень довольно долго молчала, а потом кивнула:

– Пять или шесть. Не больше восьми.

– Это важные люди?

Женщинами и детьми можно пожертвовать без последствий. А вот представителями местной власти – нет.

– Насколько я понимаю, нет. Люди Суцзы – в другой части города. А семьи у него нет.

Рин в последний раз поразмыслила над вариантами.

Она могла бы отправить войска штурмовать храм, но это повлечет за собой потери, в особенности если мугенцы и в самом деле припасли емкости с газом. Армия южан не могла позволить себе терять солдат, их и так было немного.

И цена победы имела значение. Этот бой – ее главное испытание. Если она вернется домой не просто с победой, но и с минимальными потерями, наместник провинции Обезьяна точно даст ей армию. А значит, решение принято – Рин не может вернуться с половиной солдат.

– Кто еще знает о заложниках? – спросила она у Шень.

– Лишь те, кто сейчас здесь.

– А горожане?

– Мы вывели всех, кого нашли, – сказала Шень, тем самым сообщая: «Никто не проболтается о том, что ты сделала».

Рин кивнула:

– Выведи отсюда своих людей. Как минимум на сотню шагов. Не хочу, чтобы они надышались дымом.

Шень побледнела:

– Генерал...

– Это не просьба, – повысила голос Рин.

Шень кивнула и бросилась бежать. За какие-то секунды поле опустело. Рин осталась одна, потирая пальцами ладонь.

«Ты это чувствуешь, Катай? Знаешь, что я делаю?»

Но не время для колебаний. Нужно успеть, пока мугенцы не отважились разведать эту тишину.

Она вытянула ладонь. Загудело пламя. Рин направила его к замку на двери храма. Метал начал гнуться и плавиться, так что замок уже невозможно было открыть.

А потом, вероятно, огонь прихватил и какого-то мугенца, потому что с той стороны послышались крики.

Рин поддала жара, и огонь загудел так громко, что заглушил крики, но все-таки один вопль прорвался через стену. Пронзительный крик боли. Может, женский, а может, детский. Похож на крик младенца. Но это уже ничего не значило, Рин знала, насколько пронзительным может быть крик взрослого мужчины.

Она сделала пламя таким мощным и громким, что перестала слышать собственные мысли. И все-таки тот вопль проникал сквозь стену огня.

Рин зажмурилась. Представила, как падает навзничь, в жар Феникса, в огромную пустоту, где ничто, кроме ярости, не имеет значения. К пронзительному вою добавился хрип.

Гори, думала она, заткнись и гори.

Глава 2

– Отличная работа, – сказал Катай.

Рин крепко обняла его и притянула к себе, долго не размыкая объятий. Казалось бы, ей пора уже привыкнуть к кратковременным разлукам, но с каждым разом Рин становилось все труднее его покидать.

Она пыталась убедить себя, будто это лишь потому, что Катай – источник ее силы. А не просто из-за эгоистичного страха, что, если с ним что-то случится, она окажется беспомощной. Конечно, нет. К тому же она чувствовала себя в ответе за Катая. И даже виноватой. Разум Катая протягивался, словно канат от нее до Феникса, и Катай испытывал все ее чувства – ярость, ненависть и стыд. Он удерживал ее на грани безумия, а она взамен обрекла на безумие его. Этот долг ничем не оплатишь.

– Ты дрожишь, – сказала Рин.

– Ничего страшного, ерунда.

– Врешь.

Даже в тусклом свете зари Рин видела, как трясутся его ноги. Катай едва стоял. Этот спор возникал после каждого сражения. Каждый раз Рин возвращалась и видела, что с ним сделала, смотрела на его бледное, осунувшееся лицо и понимала, что для него это была пытка. Но каждый раз он это отрицал.

Она могла пореже использовать огонь, если бы Катай попросил. Но он никогда не просил.

– Я справлюсь, – мягко ответил он. И кивнул куда-то за плечо Рин. – А ты привлекаешь внимание.

Рин обернулась и увидела выживших жителей Худлы.

Такое случалось достаточно часто, и она уже знала, чего ожидать.

Сначала они опасливо приближались мелкими группками. Удивленно шептались, испуганно тыкали пальцами. Потом, когда понимали, что новая армия – не мугенская, а никанская, однако не ополчение, а нечто совершенно новое, и солдаты Рин не собираются занять место прежних угнетателей, люди становились смелее.

«Она та самая спирка? – спрашивали они. – Ты та самая спирка? Ты одна из нас?»

И вот шепот уже становился громче, толпа гуще, ее обступали люди. Выкрикивали ее имя, название ее острова, имя ее бога. Легенда о ней уже распространилась повсюду, Рин слышала, как ее имя передавали из уст в уста по всему полю.

Люди подходили ближе, чтобы дотронуться до нее.

У Рин заныло в груди. Дыхание участилось, в горле пересохло.

Катай крепче сжал ее руку. Ему не было нужды спрашивать, что не так. Он это знал.

– Ты ведь... – начал он.

– Ничего страшного, – промямлила она. – Все нормально.

Это не вражеские руки. Ей не грозит опасность. Рин это понимала, но ее тело – нет. Она сделала глубокий вдох и собралась. Нужно отыграть свою роль, не выглядеть перепуганной девчонкой, которой она когда-то была, или усталым солдатом, каким на самом деле себя чувствует. Нужно стать лидером, в котором они нуждаются.

– Вы свободны, – сказала она дрожащим от истощения голосом. Пришлось откашляться. – Ступайте.

По толпе пробежал шепоток, когда все услышали, что она говорит на их языке, не на колючем никанском с севера, а на медленном и протяжном диалекте юга.

Люди все равно взирали на нее в благоговейном ужасе. Но Рин знала, что этот страх быстро обернется любовью.

– Ступайте и скажите родным, что они спасены, – заговорила Рин, повысив голос, теперь он уже не дрожал. – Скажите им, что мугенцы больше ничего вам не сделают. А когда они спросят, кто разбил их оковы, скажите, что по земле империи идет Коалиция южан во главе с Фениксом. И мы собираемся отвоевать наш дом обратно.

Как только встало солнце, Рин продолжила освобождение Худлы.

Предполагалось, что это самый приятный этап. Рин должна была радоваться, объясняя благодарным горожанам, что оккупанты с востока превратились в горстку дымящегося пепла.

Но освобождение страшило Рин. Когда она прочесывала наполовину разрушенное поселение в поисках выживших, то могла лишь наткнуться на очередное свидетельство зверств Федерации. Рин предпочла бы еще одно сражение, вместо того чтобы смотреть на эти страдания. Не имело значения, что она уже видела самое худшее в Голин-Ниисе, уже десятки раз видела все, что можно сотворить с человеческим телом. Все равно легче не становилось.

Теперь она уже знала, что, захватив город, мугенцы всегда делали три вещи, как по учебнику. Настолько четко, что она могла бы написать трактат о том, как подавить сопротивление.

Во-первых, мугенцы собирали всех мужчин, оказавших сопротивление оккупации, выводили в поле и либо расстреливали из луков, либо обезглавливали. Чаще второе, потому что стрелы – ценный ресурс, а неповрежденными их извлечь трудно. Мугенцы не убивали всех местных мужчин, только тех, от кого могли ждать неприятностей. Им нужны были работники.

Во-вторых, мугенцы либо меняли назначение зданий, либо уничтожали все ценное в поселении. Все крепкие дома превращали в казармы для солдат, а шаткие ломали на дрова. Когда древесина заканчивалась, тащили из домов мебель, одеяла, ценности и керамику для своих казарм. Мугенцы умели превращать города в пустые оболочки. Рин часто видела освобожденных горожан, сбившихся в кучи в загонах для свиней, где они жались друг к другу, чтобы согреться.

В-третьих, мугенцы меняли главу поселения. Да и как же иначе, если они не говорили на местном языке? Когда не знали все тонкости местной политики? Нельзя просто уничтожить местную власть – это ведет к хаосу. Нужно в нее внедриться. Пусть местные отщепенцы сами делают грязную работу.

Рин ненавидела никанских коллаборационистов. Их преступления казались ей хуже, чем действия Федерации. Мугенцы, по крайней мере, имеют дело с враждебным народом по законам военного времени. Но предатели помогают мугенцам убивать, калечить и насиловать собственных же сородичей. Просто непостижимо. И непростительно.

Рин и Катай всегда спорили по поводу того, как поступать с захваченными предателями. Катай выступал за снисхождение. Говорил, что они были в отчаянии. Пытались спасти свою родню. А может быть, спасли и кого-то из жителей. Иногда, склонив голову, можно спасти жизнь. Возможно, это спасло бы нас в Голин-Ниисе.

Рин заявляла, что все это чушь. Соглашательство – это трусость. Она не уважала того, кто предпочел просто умереть без борьбы. Ей хотелось сжечь всех предателей.

Но это было уже не в ее власти. Горожане неизбежно брали дело в свои руки. Иногда прямо на следующей неделе, если не на следующий же день, вытаскивали предателей на центральную площадь, вынуждали их признаться, а потом стегали кнутом, забивали камнями или сдирали кожу заживо. Рин никогда не вмешивалась. Юг вершил собственное правосудие. В Худле жестокость пока не выплеснулась в подобном судилище – для публичной казни еще слишком рано, а горожане сильно оголодали и были истощены, чтобы собраться в озверевшую толпу, но Рин знала, что очень скоро услышит крики.

А пока что ей предстояло найти выживших.

Она искала пленных. Федерация всегда брала пленных – политиков и военных, которых слишком трудно склонить к своей воле, но слишком ценных, чтобы убивать. Или заложников, которые могли бы предотвратить грядущие атаки. Иногда она находила свежие трупы – это

был либо последний акт возмездия, либо акт отчаяния мугенских солдат, оказавшихся в осаде. А иногда заложники просто задохнулись в дыму от огня Рин.

Однако чаще она находила живых. Зачем убивать заложников, если хочешь их использовать?

Катай повел солдат на поиски к восточному краю деревни, мимо зданий, которые занимали мугенцы, а потому оставшихся целыми. Он обладал особым талантом отыскивать выживших. Однажды он и сам несколько недель прятался за кирпичной стеной в Голин-Ниисе, съезжившись и крепко обнимая колени, когда солдаты Федерации вытаскивали из укрытий никанцев и убивали их прямо на улицах. Он знал особые приметы – куски брезента или кучу обломков, оказавшуюся не на месте, еле заметные следы ног в пыли, эхо слабого дыхания в тревожной тишине.

Пожарищем Рин занималась одна.

Она боялась отбросить обугленные доски и обнаружить окровавленных и искалеченных людей, которые все еще дышат. Слишком много раз их не удавалось спасти. И в половине из этих случаев она сама была виновницей разрушений. Стоило пламени разгореться, и его уже трудно было потушить.

И все-таки она пыталась.

– Есть кто? – повторяла она. – Отзовитесь. Хоть как-нибудь. Я услышу.

Она спустилась в подвал, заглядывала в каждый пустой угол и колодец, много раз громко звала выживших, чтобы они наверняка услышали раскаты эха в тишине. Ужасная судьба – оказаться прикованным и медленно умирать от голода или удушья, когда освободили соседей, а о тебе забыли. Глаза Рин увлажнились, когда она, спотыкаясь, брела по задымленному зернохранилищу в подвале. Она сомневалась, что кого-либо найдет, поскольку уже наткнулась на два трупа, но пока не торопилась уходить. На всякий случай.

И ее терпение было вознаграждено.

– Я здесь! – раздался чей-то голос.

Рин вызвала в ладонь пламя, осветив дальнюю стену подвала. Но не различила там ничего, кроме пустых мешков из-под зерна. Она шагнула ближе.

– Кто здесь? – спросила она.

– Суцзы. – Она услышала лязг цепей. – Тот, кого ты ищешь.

Рин поняла, что это не засада. Она узнала сельский говор без модуляций. Даже лучшие мугенские шпионы не могли его симитировать, они научились говорить лишь на резком синегардском диалекте. Рин подошла к противоположному концу погреба, остановилась и увеличила свой импровизированный факел.

Ее главной целью было освобождение Худлы. Но второй по важности – найти Яна Суцзы, прославленного вожака повстанцев и местного героя, который до недавнего времени теснил мугенцев в южной провинции Обезьяна. Чем ближе они приближались к Худле, тем больше узнавали о нем легенд и слухов. Глаза Яна Суцзы видят на десять тысяч миль. Он разговаривает с животными и знает, откуда появятся мугенцы, потому что ему нашептывают об этом птицы. Его кожу не проткнуть никаким металлом – ни мечом, ни стрелой, ни топором, ни копьем.

Прикованный к полу человек таким не был. Он выглядел на удивление юным – всего на несколько лет старше Рин. На шее и подбородке неряшливо топорщилась борода, указывая на то, что он провел здесь много времени, но сидел он прямо, расправив плечи, а глаза ярко сверкали, отражая огонь.

Рин не могла не признать – он весьма привлекателен.

– Так ты и есть спирка, – сказал он. – Я думал, ты выше.

– А я думала, ты старше, – парировала она.

– Значит, мы оба разочарованы. – Он позвенел перед Рин цепями. – Долго же тебя пришлось ждать. Неужели и правда пришлось сражаться всю ночь?

Рин опустилась на колени и начала трудиться над замками.

– Даже спасибо не скажешь?

– И как ты собираешься это сделать с одной рукой? – скептически спросил он, пока Рин ковырялась в замке.

– Слушай, если ты намерен...

– Дай-ка мне. – Суцзы забрал из ее пальцев булавку. – Просто поддержи замок и посвети...

Вот так.

Рин смотрела, с какой ловкостью он расправляется с замком, и не могла не ощутить укол зависти. Ее до сих пор мучило, насколько стали трудны простейшие действия – взломать замок, одеться, наполнить фляжку...

Она так глупо потеряла руку. Если бы только она тогда сумела заполучить ключ. Если бы только они сумели украсть проклятый ключ.

Кулья начала зудеть. Рин стиснула зубы и волевым усилием запретила себе ее расчесывать.

Суцзы справился с замком меньше чем за минуту. Стряхнул кандалы с рук и вздохнул, потирая запястья. Потом наклонился к кандалам на ногах.

– Так-то лучше. Посвети-ка сюда.

Рин подвинула огонь поближе к замку, стараясь не подпалить кожу Суцзы.

Она заметила, что на среднем пальце его правой руки не хватает верхней фаланги. И случайностью это не выглядело – на среднем пальце левой руки тоже отсутствовала фаланга.

– Что у тебя с пальцами? – спросила Рин.

– Первые два ребенка моей матери умерли в младенчестве, – объяснил он. – Она решила, что боги забрали их, потому что они были слишком красивыми. И когда я появился на свет, откусила обе фаланги на моих средних пальцах. – Суцзы помахал перед ней левой рукой. – Чтобы я не был таким милашкой.

Рин фыркнула:

– Больно нужны богам пальцы.

– А что же им нужно?

– Боль, – сказала она. – Боль и твой рассудок.

Суцзы вскрыл замок, стряхнул кандалы и поднялся.

– Тебе видней.

После того как из-под обломков были спасены все выжившие, войска Рин рассыпались по полю боя, как стервятники.

Когда новобранцы Коалиции южан собирали припасы после битвы в первый раз, они отказывались трогать мертвых. Южане суеверны и боятся ярости мстительных духов тех непохороненных мертвецов, которые никогда не вернутся домой. Теперь же они обшаривали трупы с полным безразличием и черствостью, снимая все ценное. Искали оружие, хорошую кожу, чистое белье (мугенская форма была синей, но ее легко перекрасить), но больше всего ценилась обувь.

Войска Коалиции южан мучились в отвратительной обуви. Они дрались в соломенных сандалиях или в тканевых, если удавалось раздобыть ткань, но хлопковая обувь, которую шили жены, матери и сестры, больше напоминала тапочки. Соломенные сандалии разваливались на марше, застревали в липкой грязи и не защищали от холода.

Однако мугенцы переплыли через море Нариин в кожаных ботинках – крепких, удобных, теплых и не пропускающих воду. Солдаты Рин научились ловко развязывать шнурки и стягивать ботинки с окоченевших ног, а потом бросали обувь в тележки и распределяли по размерам.

Пока солдаты прочесывали поля, Суцзы повел ее к конторе бывшего старосты, которую мугенцы приспособили под свою штаб-квартиру. По пути он объяснял, мимо руин каких зда-

ний они проходят, словно недовольный хозяин, извиняющийся за беспорядок в доме перед гостем.

– Еще месяц назад все выглядело гораздо лучше. Худла – приятный городок. Здесь были кое-какие исторические здания, только их сломали и пустили на дрова. А мы построили вон те баррикады, – мрачно сообщил он, указывая на мешки с песком вокруг штаб-квартиры. – Их просто растащили.

Для обороны такого городка баррикады Суцзы были сооружены на редкость умело. Он устроил блиндажи точно так, как сделала бы Рин – вкопанные в землю деревянные столбы в качестве опалубки для мешков с песком. Она научилась этому методу в Синегарде. Рин с удивлением поняла, что оборонительные сооружения сделаны по образцам ополчения.

– И как же они все-таки прорвались? – спросила она.

Суцзы уставился на нее как на дурочку.

– Пустили газ.

Так, значит, лейтенант Шень была права. Рин подавила дрожь, представив, как ядовитый желтый дым наползает на них о чем не подозревающих гражданских.

– И много его было?

– Всего одна бочка. Думаю, его приберегали про запас, потому что пустили в ход не сразу. Только на третий день сражения, когда загнали всех нас за одну баррикаду, а потом перебросили бочку через стену. После этого оборона быстро сломалась.

Они дошли до штаб-квартиры. Суцзы тронул дверь, и та без труда открылась. Мугенцы не оставили никого, кто бы запер ее изнутри.

Стол в центральной комнате был усыпан разной едой. Суцзы подобрал булочку, откусил и выплюнул.

– Какая гадость.

– Слишком черствая?

– Нет, слишком соленая. Кошмар. – Суцзы бросил булочку обратно на стол. – Нельзя добавлять в булочки соль.

У Рин потекли слюнки.

– У них есть соль?

Она уже много недель не пробовала соли. В империи соль в основном производили в провинции Собака, но во время развязанной Вайшрой гражданской войны торговые пути были перерезаны. В засушливой провинции Обезьяна армия Рин довольствовалась пустой рисовой кашей и вареными овощами. Ходили слухи о нескольких кувшинах соевой пасты, припрятанных на кухнях Рюйцзиня, но, если они и существовали, Рин их не видела и не пробовала.

– У нас была соль, – поправил ее Суцзы. Он наклонился, осматривая содержимое бочки. – Похоже, они почти всю ее съели. Осталась всего горстка.

– Тогда отнесем ее нашим поварам и накормим всех.

Рин наклонилась над столом командующего. Там были разбросаны документы. Рин нашла номера частей, записи о выдаче пайков и письма, написанные каракулями, которые она с трудом могла разобрать. Она лишь сумела выхватить несколько слов: «Жена. Дом. Император».

Рин собрала письма в аккуратную стопку. Они с Катаем займутся этим позже, вдруг сумеют откопать какие-нибудь важные сведения о мугенцах. Но этим письмам, скорее всего, уже несколько месяцев, как и всем другим, которые они до сих пор находили. Каждый мертвый мугенский генерал держал на столе письма с родины, словно, перечитывая мугенские слова, поддерживает связь со своей страной, давно уже не существующей.

– Они читали Сунь-цзы? – удивилась Рин, беря в руки тонкую книгу – никанское издание, а не перевод. – И Бодхидхарму? Откуда они все это взяли?

– Это мои. Украл их из синегардской библиотеки по пути. – Суцзы забрал у нее из рук книгу. – Я повсюду таскаю их с собой. Эти свиньи и половины не поймут.

Рин удивленно посмотрела на него:

– Ты выпускник Синегарда?

– Не выпускник. Учился там два года. А потом начался голод и я поехал домой. Цзима не взяла меня обратно, когда я пытался вернуться. Но деньги-то мне нужно было зарабатывать, вот я и записался в ополчение.

Значит, он сдавал кэцзюй. Что странно для человека такого происхождения. Уж кому, как не Рин, знать. Она еще больше заужала Суцзы.

– Но почему тебя не взяли обратно?

– Решили, что раз уж я ушел однажды, то сделаю это снова. Что семья всегда будет для меня важнее карьеры. И, думаю, они правы. Я бы ушел, как только началось мугенское вторжение.

– А что же сейчас?

– Вся моя семья погибла, – сказал он упавшим голосом. – В прошлом году.

– Сочувствую. Это сделали мугенцы?

– Нет. Наводнение. – Суцзы передернул плечами. – Обычно нам хорошо удается предсказывать наводнения. Нетрудно предугадать погоду, если знаешь, что делаешь. Но не в тот раз. Тот потоп был делом рук человеческих.

– Дамбы взорвала императрица, – машинально ответила Рин.

Чахан и Кара казались уже такими далекими воспоминаниями, что она легко произносила эту ложь. Все лучше, чем если бы Суцзы узнал, что наводнение, в котором погибла его семья, устроили цыке, ее бывший отряд.

– Взорвала плотину, чтобы остановить врага, которого сама же позвала, – с горечью произнес Суцзы. – Я знаю. В Синегарде я научился плавать. А они – нет. От моей деревни ничего не осталось.

Рин ощутила укол вины и постаралась его заглушить. Она не могла бы выдержать груз вины еще и за эту жестокость. Потоп устроили близнецы, чтобы замедлить продвижение войск Федерации в глубь континента.

Кто теперь может судить, имело ли смысл это делать, добились ли они цели? Что сделано, то сделано. Рин уже поняла, что единственный способ жить дальше, после всех подобных поступков, – это запереть их в глубинах разума и выкинуть в пропасть.

– Почему ты просто их не взорвала? – вдруг спросил Суцзы.

Рин уставилась на него:

– В каком смысле?

– Когда ты положила конец войне. Когда остров в форме лука заволокло дымом. Почему ты не повторила это с югом?

– Из благоразумия. Если я сожгу мугенцев, то сожгу и все вокруг. Огонь таких масштабов никого не пощадит. Массовый геноцид на нашей собственной земле будет...

– Нам не нужен массовый геноцид. Сгодился бы и поменьше масштабом.

– Ты не понимаешь, о чем просишь. – Рин отвернулась, ей не хотелось смотреть ему в глаза. – Даже небольшой пожар наносит ущерб тем людям, которым не следовало бы.

Она уже устала от таких вопросов. Все хотели знать, почему она просто не щелкнет пальцами и не испепелит лагерь мугенцев, как поступила с их страной. Если Рин однажды разделалась с целым народом, то почему не может это повторить? Почему не положит конец войне за считанные секунды? Разве это не очевидный шаг?

Рин хотелось бы, чтобы это было так. Временами она страстно желала пустить по всему югу полыхающие стены огня, смести с пути мугенцев, словно гнилой урожаем с поля, не обращая внимания на сопутствующий ущерб.

Но каждый раз, когда ее охватывало такое желание, она натыкалась на пульсирующий чернотой яд, туманящий рассудок, – прощальный подарок Дацзы, Печать, которая отрезала ей прямой доступ к Пантеону.

А может, Печать была благом? Рин пришлось прибегнуть к помощи Катая, чтобы управлять своей силой. Катай удерживал ее от безумия. Успокаивал. Позволял вызывать огонь, но лишь направленными, ограниченными вспышками.

Рин страшилась того, что могла бы сделать без Катая.

– На твоём месте я бы разом от них избавился, – сказал Суцзы. – Один пожар, и весь юг был бы чист. И пошло оно куда подальше, это благоразумие.

Рин неодобрительно покосилась на него:

– Ты бы тоже погиб.

– Ну и пусть, – сказал он явно искренне.

* * *

Рин показалось, что до заката прошла целая вечность. Двадцать четыре часа назад она впервые вела войска в бой. А вечером освободила город. Теперь запястье пульсировало болью, колени тряслись, а за веками разливалась головная боль.

Она не могла заглушить в памяти те крики из храма.

Но их нужно было заглушить.

Вернувшись в свой шатер, она вытащила из глубины дорожного баула пакетик с опиумом и забила шарик в трубку.

– Это необходимо? – спросил Катай.

Хотя это был не совсем вопрос. Они уже в тысячный раз вели этот спор, и каждый раз он заканчивался недостатком решимости. Но Катай просто считал нужным выразить свое недовольство. Теперь они просто проходили через привычный ритуал.

– Не твоё дело, – ответила Рин.

– Тебе нужно поспать. Ты уже почти двое суток на ногах.

– После трубки и посплю. Без этого я не могу расслабиться.

– До чего же мерзкий запах.

– Иди спать в другое место.

Катай молча встал и вышел из шатра.

Рин даже не посмотрела в его сторону. Она поднесла трубку к губам, высекла пальцами огонь и глубоко вдохнула. Потом свернулась калачиком на боку, подтянув колени к груди.

И через несколько секунд увидела Печать – живую и пульсирующую, от нее так сильно воняло ядом Гадюки, как будто Су Дацзы стояла в шатре рядом. Прежде Рин проклинала Печать, бессмысленно набрасывалась на недвижимый барьер яда, который никак не покидал ее рассудок.

Но теперь она нашла Печати лучшее применение.

Рин парила в сторону сверкающей надписи. Печать наклонилась к ней, открылась и поглотила. На краткий миг Рин ослепла в ужасающей темноте, а потом оказалась в темной комнате без окон и дверей.

Яд Дацзы состоял из желаний, ради которых Рин готова была убивать, которых жаждала так страстно, что готова была умереть.

Словно по сигналу появился Алтан.

Раньше Рин его боялась. И до сих пор каждый раз, когда его видела, она ощущала легкие мурашки страха, и ей это нравилось. При его жизни Рин никогда не знала, собирается ли он ее приласкать или поиздеваться. Когда она впервые увидела Алтана внутри Печати, он почти

убедил ее последовать за собой в вечное забвение. Но теперь лишь подстегивал ее разум, Рин держала его под контролем, и он говорил, только когда она этого хотела.

Однако страх все-таки остался. Рин ничего не могла с этим поделать, да и не хотела. Ей нужен был тот, кто способен ее напугать.

– Вот и ты. – Алтан протянул руку к ее щеке. – Скучала по мне?

– Назад, – велела она. – Сядь.

Алтан поднял руки и подчинился, сел на темный пол, скрестив ноги.

– Как скажешь, милая.

Рин села напротив.

– Вчера ночью я убила кучу людей. Наверняка и невинных.

Алтан склонил голову набок.

– И как ты себя чувствуешь?

Он говорил нейтральным тоном, без осуждения.

Но Рин все равно ощутила боль в груди, знакомый нажим, словно легкие сжались под грузом вины. Она выдохнула, стараясь успокоиться. Она контролировала Алтана, только пока спокойна.

– Ты бы сам так поступил.

– С чего бы это, малыш?

– Потому что ты был беспощаден. Специально стремился устроить массовую резню. Ты бы точно не стал рисковать собственными солдатами. Они ценнее гражданских, это простой расчет.

– Вот, значит, как, – снисходительно улыбнулся он. – Ты поступила как должно. Ты герой. И получила удовольствие?

Она не стала лгать. Да и зачем? Алтан – ее секрет, ее видение, никто не узнает о том, что она ему сказала. Даже Катай.

– Да.

– Покажи мне, – жадно попросил Алтан. – Покажи мне все.

И она показала. Снова пережила все события ночи, секунда за секундой, во всех ярчайших подробностях. Показала, как сгибаются пополам люди. Как в ужасе бормочут, умоляя о пощаде: «Нет, пожалуйста, нет!» Как храм превратился в огненный столб.

– Прекрасно, – одобрил Алтан. – Очень хорошо. Покажи еще.

Она призвала воспоминания о пепле, о белоснежных костях, торчащих из черных обугленных куч. Кости никогда не удавалось сжечь полностью, как бы Рин ни старалась. Некоторые фрагменты все равно оставались.

Она задержала воспоминания еще на минуту, чтобы снова все почувствовать – вину, угрызения совести, ужас. Рин могла себе позволить это почувствовать только в пустом пространстве, где чувства не ослабят ее, не вызовут желания ползти по полу, оставляя на руках и бедрах длинные кровавые ссадины.

А потом она отбросила эти воспоминания. Оставила их здесь, чтобы они больше ее не преследовали.

После этого Рин почувствовала себя обновленной, чистой. Словно мир полон грязи, а, избавившись от врагов, она сделала его чуточку чище.

Здесь было и ее спасение, и наказание. Она мысленно терзала себя, снова и снова вспоминая все зверства, пока образы не начинали терять значение, и тогда она отдавала дань уважения мертвым. Больше она ничего им не должна.

Рин открыла глаза. Воспоминания об Алтане угрожали вернуться, но Рин прогнала их. Он появлялся, только когда она позволяла, только когда хотела его видеть.

Когда-то воспоминания об Алтане чуть не свели ее с ума. А сейчас только его общество позволяло ей не лишиться рассудка.

Рин все легче удавалось от него избавляться. Она научилась разделять разум на чистые отсеки. Мысли можно заблокировать. Воспоминания подавить. Жизнь стала намного легче, когда Рин отгородилась от кошмаров из-за того, что натворила. И пока ей удастся держать эти отсеки памяти отделенными от других, все будет хорошо.

* * *

– Думаешь, они к нам присоединятся? – спросил Катай.

– Не уверена, – ответила Рин. – Они вечно всем недовольны. И не особо благодарны.

Скрестив руки на груди, Катай и Рин наблюдали, как люди, называющие себя Железными волками, тащат все ценное, что удалось спасти, к центру города.

Железными волками называли себя войска Суцзы. После оккупации Худлы их уцелело больше, чем ожидала Рин – как минимум пятьсот человек, к радости Рин. Армия южан отчаянно нуждалась в новых солдатах, но в оккупированных мугенцами поселениях трудно было набрать новых рекрутов. Тех, кто был готов драться, уже похоронили на полях смерти. Те, кому посчастливилось уцелеть, были либо слишком молоды, либо слишком стары, или же слишком напуганы, чтобы стать хорошими солдатами.

Но Железные волки Суцзы были крепкими, здоровыми людьми с большим боевым опытом. До сих пор им удавалось защищать глубинку провинции Обезьяна, кочуя с одного места на другое. После падения Худлы многие сбежали в леса, а теперь массово возвращались. Из них получатся отличные солдаты, вопрос только в том, вступят ли они в Коалицию.

Рин не была в этом уверена. До сих пор Железные волки не выражали благодарности освободителям. Более того, операция по спасению лишь распалила страсти – люди Суцзы категорически отказывались покидать родные места и подчиняться кому-либо, кроме своего командира. Похоже, их возмутило, что кто-то присвоил себе титул освободителя. Катаю уже трижды пришлось разнимать стычки за припасы между Железными волками и солдатами Коалиции южан.

– Что там происходит? – вдруг спросила Рин.

Она показала на двух солдат Суцзы, которые волокли в сторону своего лагеря мешки с рисом.

– Что за... – раздраженно заметил Катай. – Неужели опять?

– Эй! – Рин приложила ладони ко рту рупором. – Эй, вы, стойте!

Но солдаты шли дальше как ни в чем не бывало. Рин пришлось с криками погнаться за ними, прежде чем они наконец остановились.

– Куда вы это тащите? – спросила она.

Они обменялись раздраженными взглядами.

– Суцзы велел принести риса в его шатер, – объяснил тот, что повыше.

– Мы устроили общую кухню, – напомнила Рин. – Вы можете есть там. Туда приносят всю найденную провизию. Всем приказали...

– Ну, – прервал ее тот, что ниже, – мы-то вам не подчиняемся.

Рин не мигая уставилась на него.

– Я освободила этот город.

– И это было очень любезно с вашей стороны. Но теперь мы берем его под контроль.

Рин потрясенно наблюдала, как, бросив на прощанье презрительный взгляд, они снова взвалили мешки на плечи и нахально пошли дальше.

«Я научу вас слушаться», – подумала Рин.

Ладонь наполнилась жаром. Рин подняла кулак, направив на удаляющиеся спины...

– Не надо. – Катай схватил ее за руку. – Сейчас не время затевать ссоры.

– Они должны меня бояться, – огрызнулась она. – От одного вида...

– Не злись на дураков. Пусть идут. Если мы хотим привлечь их на свою сторону, не стоит их сжигать.

– Да что наговорил своим людям Суцзы? – прошипела Рин. – Он же знает, что командую я!

– Вряд ли ему это нравится.

– В таком случае их ждет жестокое разочарование.

– Если все обстоит именно так, тебе нужно убеждать не солдат, – сказал Катай. – Придется убедить Суцзы. Это он создает проблемы.

– Мне просто следовало бросить его в том погребе, – проворчала Рин. – Но я могу убить его и сейчас.

– Слишком сложно, – сказал Катай, совершенно не смутившись. Рин так часто предлагала кого-нибудь убить, что он уже привык не обращать внимания. – Слишком подозрительно будет выглядеть. Мы точно потеряем его людей. Можно устроить все так, чтобы напоминало случайность, но даже в таком случае будет выглядеть недостоверно. Суцзы не из тех, кто случайно оступается на краю утеса.

– Тогда нужно подорвать его авторитет. Сбросить с пьедестала.

Но как? Она на мгновение задумалась. Дискредитировать его будет непросто. Люди обожают Суцзы. За одну ночь эти узы не разорвать.

– В этом нет необходимости, – сказал Катай. – Не отрывай змее голову, если хочешь ее приручить. Просто убеди Суцзы, что это в его интересах.

– Но как?

Катай бросил на нее странный взгляд.

– Ну, мне кажется, в этом ты мастер.

Рин потерла кулю кулаком.

– Значит, придется обстоятельно с ним побеседовать.

– И будь повежливей, – вздохнул Катай.

* * *

– Чему обязан удовольствию? – спросил Суцзы.

Он нагнулся над костром с дымящимся котелком риса, откуда пахло куда лучше, чем от котлов с ячменной кашей на общей кухне.

– Вставай, – сказала Рин. – Прогуляемся немного.

– Зачем?

– Чтобы поговорить наедине.

Суцзы прищурился. Видимо, знал, что за этим последует, потому что едва заметно мотнул головой в сторону ближайшего Железного волка. Мол, оставь нас, я в безопасности.

Тот встал и ушел. Суцзы тоже поднялся.

– Ладно, принцесса. Давай пройдемся.

Рин поморщилась:

– Принцесса?

– Выпускница Синегарда? Служившая в элитных войсках ополчения? Как по мне, это королевские характеристики.

Но комплиментом это не прозвучало. Рин решила не отвечать и молчала, пока они не углубились в лес, подальше от лагеря. Она должна была поддерживать репутацию Суцзы среди его людей. Так он меньше будет ворчать, подчиняясь ее приказам.

Она решила начать дипломатично:

– Уверена, ты уже понял, что у нас больше людей и ресурсов, чем у тебя.

– Хватит. – Он поднял руку. – Я знаю, чего ты хочешь. Мы не вступим в Коалицию. Ваша война меня не касается.

Рин нахмурилась:

– Но вчера ты обрадовался, когда мы пришли тебе на помощь.

– Потому что мугенцы меня касаются. Но не притворяйся, будто все дело в Федерации. Республика использует вашу Коалицию южан как наживку, и ты просто дура, если считаешь, что я в это влезу.

– Очень скоро у тебя не останется другого выхода. Инь Вайшра...

Суцзы закатил глаза:

– Вайшре на нас плевать.

– Но так будет не всегда, – напирала Рин. – Думаешь, Вайшра остановится, завоевав север? Я встречалась с гесперианцами и знаю их намерения. Они не остановятся, пока не поставят по церкви в каждой деревне...

Суцзы поковырялся в зубах ногтем мизинца.

– Церкви еще никого не убивали.

– Но они внедряют режим, который убивает.

– Да брось, ты хватаешься за соломинку...

– Разве? Ты что, имел с ними дело? Нет, и ты пожалеешь о таких словах, когда окажешься под пятой гесперианцев. Я говорила с ними. И знаю, кем они нас считают. Ни наши города, ни народ, ни свобода – ничто не уцелеет, когда они установят тут свои порядки.

– Не рассказывай мне про выживание, – огрызнулся Суцзы. – Я многие месяцы помогал нашему народу выживать, пока ты играла роль цепного пса при дворе Вайшры. И что ты получила в итоге?

– Я была дурой, – признала Рин. – Я знаю. Тогда я была глупа, не увидев сигналов. Но теперь я вернулась на юг, и мы можем создать армию, если ты приведешь своих Железных волков...

Ее прервал смех Суцзы.

– Я говорю «нет», принцесса.

– Кажется, ты не понимаешь, – сказала Рин. – Это приказ, а не просьба.

Он протянул руку и щелкнул Рин по носу.

– Нет, это ты не понимаешь. Мы никогда не будем тебе подчиняться.

Рин вздрогнула, ошарашенная тем, что он на такое осмелился. Все пошло совсем не по плану.

– Ох, Суцзы. – Она вызвала пламя в ладонь. – Ты не понимаешь, как все работает.

Как только он потянулся за мечом, Рин бросилась к нему. Она предвидела это движение. Когда он замахнулся, Рин уклонилась от клинка и с силой врезала Суцзы ногой по колену. Тот пошатнулся. Рин подсекла его другой ногой, а когда он упал, прыгнула ему на грудь, схватив за горло. И сжала покрепче.

– Ты не понимаешь, с кем имеешь дело. – Рин наклонилась так близко, что губы почти касались его кожи, а дыхание обжигало щеку. – Я не элита из Синегарда. Я дикая спирка с кожей цвета глины, которая стерла с лица земли целую страну. И когда я злюсь, то даю сдачи.

Она выпустила тонкий язык пламени из-под пальцев.

Суцзы вытаращил глаза. Рин поднесла кончики пальцев ближе к его коже.

– Ты вместе со мной вернешься в Рюйцзинь. Теперь Железные волки будут драться под моим командованием. Ты останешься их командиром, но четко разъяснишь своим людям иерархию. А если попытаешься взбунтоваться, я начну с того, на чем остановилась. Тебе понятно?

В горле у Суцзы заклокотало. Он слегка заворочался, пытаясь вырваться.

Рин сжала его горло покрепче.

– Теперь ты принадлежишь мне, Суцзы. И будешь делать все, что я попрошу, без пререканий. Будешь лизать грязь на моих ботинках, если я захочу. Все ясно?

Он кивнул, судорожно дыша.

Рин не стала давить сильнее. Под подбородком Суцзы уже лопались волдыри.

– Не слышу ответа.

– Да, – просипел он.

– Что – да? – Она чуть ослабила хватку, чтобы он мог говорить.

– Да, я принадлежу тебе. И буду подчиняться, сделаю все, что скажешь. Только... Прошу тебя...

Рин отпустила его и позволила встать. От его шеи поднимались струйки дыма. На горле виднелся ожог, бледно-розовый отпечаток ее тонких пальцев.

Ожог быстро заживет, но шрам останется навсегда. Суцзы может прикрыть его воротником, чтобы спрятать от своих людей, но сам будет видеть каждый день, смотрясь в зеркало.

– Надо бы наложить повязку, чтобы ожог не загноился, – сказала Рин.

Суцзы попятился:

– Ты безумна...

– Все, кто дерется за эту страну, безумны. Но ни у кого из них нет такой темной кожи, как у нас. Для тебя я наименее кошмарный вариант.

Суцзы долго смотрел на нее. Рин не могла распознать выражение его лица, не понимала, что означает блеск в его глазах – ярость или унижение. Она сжала кулак и напряглась в ожидании следующего раунда.

К ее удивлению, Суцзы засмеялся.

– Ну ладно, ты победила, сраная стерва.

– Не называй меня так.

– Ты победила, генерал. – Он поднял руки в шутливом жесте поражения. – Я пойду с тобой. Но куда? В Далян? В Хейцзян?

– Я же сказала. В Рюйцзинь.

Он поднял брови:

– Почему в Рюйцзинь?

– Он находится в горах. Там мы будем в безопасности почти от любой угрозы. Да и почему бы не в Рюйцзинь?

– Просто мне кажется, если твоя цель – освобождение от оккупации, тебе стоило бы забраться дальше на юг, ближе к провинции Петух.

– О чем это ты? Все оккупированные зоны сосредоточены у границы провинции Обезьяна.

– Нет. Большая часть – дальше к югу, в провинции Петух.

– И где, у столицы? – нахмурилась Рин.

Разведка ей об этом не докладывала.

– Нет, еще дальше к югу, – объяснил Суцзы. – В нескольких неделях пути от моря. Это несколько крохотных городков, ты их не знаешь.

– Тикани, – машинально произнесла она.

Маленький городок, о котором никто не слышал. Пыльное, выжженное солнцем место, где нет богачей, да и вообще не особо много образованных людей – нет ничего, кроме любителей опиума, оставшихся еще после второго вторжения. То место, куда Рин не хотелось больше возвращаться.

– Ага, – выгнул бровь Суцзы. – В том числе. А что, тебе знакомо это место?

Суцзы говорил что-то еще, но она уже не слушала. Тикани. Мугенцы до сих пор там.

Какие же мы глупцы, думала она. Мы все это время дрались не на том фронте.

– Собирай своих людей, – сказала она. – Через два часа выступаем к Рюйцзиню.

Глава 3

В тот вечер они выступили обратно к базовому лагерю Коалиции южан. Рюйцзинь лежал среди лесов провинции Обезьяна, на неплодородных известняках, в местности, которую годами опустошали бандиты, войны наместников, голод и эпидемии. В древние времена город был столицей провинции Обезьяна и славился пышной растительностью и каменными храмами, элегантно вписанными в окружающие бамбуковые рощи. Теперь от прежнего великолепия остались одни развалины, частично размытые дождями, а частично поглощенные лесом.

Это делало город отличным укрытием. Жители провинции Обезьяна веками гордились способностью в трудные времена сливаться с горами. Строили дома на сваях или на деревьях, чтобы уберечься от тигров. Прокладывали извилистые тропы по лесу, невидимые для посторонних глаз. Во всех старинных легендах жители провинции Обезьяна представляли как отсталые горцы – трусы, которые прячутся на деревьях и в пещерах, пока рядом грохочут войны. Но благодаря своим традициям они и выжили.

– Куда мы идем? – ворчал Суцзы всю неделю, пока они поднимались по холмам, не встречая на пути ничего, кроме бесконечных ухабистых троп в горном лесу. – Там ничего нет.

– Это ты так думаешь.

Рин наклонилась, чтобы проверить знаки у подножия тополя, указывающие, что они по-прежнему на верном пути, и жестом велела колонне следовать за ней.

Выше идти стало проще, чем она ожидала. Блистел подтаявший лед. Под снегом мелькала зелень, которой еще не было, когда Рин проходила здесь две недели назад. Вопреки всему, Коалиция южан протянула до весны.

Зима в провинции Обезьяна стала для Коалиции южан суровым испытанием. Постоянно шел не снег, а град. Невозможно было дышать в холодном сухом воздухе. Земля была твердой, колючей и бесплодной. Солдаты находились на грани голода и наверняка начали бы голодать, если бы не устроили набег на мугенский анклав неподалеку, где обнаружили богатые запасы провизии.

Солдаты не поделились находкой. Рин не могла забыть лица тощих и изможденных горожан, которые вышли из укрытий, и как их радость быстро сменилась ужасом, когда они поняли, что освободители просто растащили амбары с зерном.

Рин изгнала из головы эти воспоминания. То была необходимая жертва. Будущее всей страны зависело от Коалиции южан. Какое значение имеют несколько жизней?

– Что ж, кое-что проясняется, – пробормотал Суцзы, продираясь сквозь подлесок.

– О чем это ты?

– Освободительная армия не станет скрываться в лесу.

– Правда?

– Если хочешь отвоевать обратно территории, то остаешься жить в освобожденных поселениях. Расширяешь базу. Укрепляешь оборону, чтобы мугенцы не смогли вернуться. Но вы – самые настоящие хищники. Вы освобождаете города только для того, чтобы собрать с них дань.

– Что-то я не слышала твоих жалоб, когда вытащила тебя из того подвала.

– Как скажешь, принцесса, – насмешливо произнес Суцзы. – Но ты не спасительница юга. Ты будешь прятаться здесь, пока все не закончится.

Ей пришлось в голову несколько язвительных ответов. Но Рин промолчала. Проблема в том, что он прав. Коалиция южан вела себя слишком пассивно, была слишком медлительной и не начинала масштабную кампанию по освобождению страны, и Рин это выводило из себя.

Приоритетом командования Коалиции, засевшего в Рюйцзине, по-прежнему оставалось выживание, а значит, они просто прятались в горах, напрасно теряя время, пока республиканцы Вайшры бьются за контроль над севером. Но и выживали-то они с трудом. И долго такое

положение не продлится. Пока что они были в безопасности в Рюйцзине, но город в конце концов превратится в их могилу.

Однако Рин может все изменить. Если настоит на том, чтобы отправить всех солдат на юг.

– Это скоро изменится. – Рин воткнула острый шест в каменистую тропу и подтянулась на крутом склоне. – Вот увидишь.

– Ты заблудилась, – с укоризной сказал Суцзы.

– Вовсе нет.

Она безнадежно заблудилась. Рин знала, что они близко, но понятия не имела, как добраться до города из этого места. Через три месяца, устроив десятки вылазок, Рин по-прежнему не могла найти проход в Рюйцзинь. Так и было задумано – чтобы город мог служить убежищем. Рин пришлось запустить в воздух замысловатую фигуру из пламени, тогда из подлеска вышли часовые и направили их на нужную тропу, прежде невидимую, которая теперь стала казаться очевидной. Рин пошла дальше, проигнорировав ухмылку Суцзы.

Еще через полчаса подъема за деревьями, словно оптическая иллюзия, появился лагерь. Он был так искусно замаскирован, что Рин иногда казалось – стоит ей моргнуть, и лагерь исчезнет.

За окружающим лагерь частоколом из бамбуковых шестов собрался народ, рассматривая что-то на земле.

– Из-за чего переполох? – поинтересовалась Рин у ближайшего часового.

– Наконец-то убили того тигра, – объяснил он.

– Правда?

– Сегодня утром нашли мертвым. Мы его освежаем, но люди никак не могут договориться, кто получит шкуру.

Тигр досаждал лагерю с тех пор, как войска Рин отправились в Худлу. Его рычание приводило в ужас часовых. По ночам из хранилищ пропадала вяленая рыба. После того как тигр утащил из шатра ребенка и бросил наполовину съеденное тельце у ручья, наместник провинции Обезьяна приказал снарядить охотников. Однако они вернулись измотанными и с пустыми руками, исцарапанными о колючки.

– Как же вам удалось? – спросил Катай.

– Отравили лошадь, – сказал часовой. – Она уже умирала от несварения желудка, иначе мы бы с ней не расстались. Вкололи ей опиума и стрихнина и положили тушу там, где ее мог обнаружить тигр. А утром нашли зверюгу. Закоченел, как деревяшка.

– Видишь, – сказала Рин Катаю. – Отличный план.

– Но не имеет ничего общего с твоим планом.

– Опиум убивает тигров. И буквально, и метафорически.

– Из-за опиума эта страна уже проиграла две войны, – отозвался Катай. – Из уважения к тебе я не говорю, что ты глупа, но план идиотский.

– У нас есть плодородная земля! Муг с радостью ее выкупит, а если мы посеем мак хотя бы в нескольких районах, то получим серебро, в котором нуждаемся...

– И армию наркоманов. Не обманывайся, Рин. Ты правда этого хочешь?

Рин уже собралась ответить, но тут ее взгляд привлекло нечто за спиной Катая.

Чуть в стороне от толпы стоял высокий мужчина, скрестив руки на груди и наблюдая за Рин. Он ждал ее. Это был Ду Чжудень – правая рука вожака бандитов Ма Льена. Заметив взгляд Рин, он поднял брови, и она кивнула в ответ. Он махнул рукой в сторону леса, повернулся и скрылся среди деревьев.

Рин коснулась руки Катая:

– Скоро вернусь.

Катай тоже заметил Чжуденя и вздохнул.

– Ты по-прежнему на этом настаиваешь?

– Не вижу других вариантов.

Он замолчал на мгновение.

– Я тоже, – в конце концов признал он. – Но будь осторожна. Люди наместника наблюдают.

Рин встретила с Чжуденем на обычном месте – под кривой рябиной в трех милях от лагеря, где сливались два ручья. Громкое журчание заглушало голоса от желающих подслушать.

– Ты нашла Яна Суцзы?

Взгляд Чжуденя с опаской шнырял по сторонам. Шпионы наместника провинции Обезьяна были в Рюйцзине повсюду, Рин не удивилась бы, если бы кто-то проследил за ней от лагеря.

Она кивнула.

– Пришлось его убеждать, но он здесь.

– И какой он?

– Высокомерный. Докучливый, – поморщилась она, вспомнив самодовольную и хитрую ухмылку Суцзы.

– Значит, похож на тебя?

– Очень смешно, – протянула Рин. – Но он знает свое дело. И хорошо знаком с местностью. У него хорошие связи с местным населением, и, вероятно, он может получать лучшие разведданные, чем мы. А еще он привел с собой пятьсот опытных солдат. Они готовы за него умереть.

– Отлично, – сказал Чжудень. – Главное – убедиться, что они готовы умереть и за тебя.

Рин стрельнула в него улыбкой.

Чжудень не был уроженцем провинции Обезьяна. Он был сиротой войны из провинции Крыса и вступил в банду Ма Льена, как и многие другие – оставшись без крова, в отчаянном положении и яростно желая двигаться дальше любой ценой. Но самое главное, в отличие от других руководителей Коалиции южан, он не хотел просто выжить. Он тоже считал, что здесь, в Рюйцзине, они медленно умирают. Он хотел двигаться дальше на юг. И, как и Рин, готов был пойти на решительные действия, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

– Как дела у Ма Льена? – спросила Рин.

– Ему стало хуже, – ответил Чжудень. – Если честно, может, со временем он бы и сам скопытился, но мы не можем рисковать, что он вдруг поправится. Ты же хочешь поскорее начать действовать. – Он передал Рин пузырек с густой желтой жидкостью. – Осторожнее, не разбей.

Рин взяла склянку за горлышко и аккуратно опустила в карман.

– Ты варил яд сам?

– Ага. И не могу не признать, что с удовольствием.

Рин похлопала по карману.

– Спасибо.

– Пойдешь прямо сейчас? – спросил он.

– Вечером. Сначала нужно встретиться с Гужубаем. В последний раз попробую его убедить.

Они оба знали, что встреча ни к чему не приведет. Рин неделями спорила с наместником провинции Обезьяна на одну и ту же тему. Она хотела покинуть Рюйцзинь. А он хотел остаться в горах, и союзники по Коалиции южан с ним соглашались. У них было три голоса, а у Рин – всего один.

И теперь Рин собиралась поменять расклад.

Но еще рано. Не стоит действовать в спешке, так она слишком рано выложит свои карты. Всему свое время. Сначала она даст наместнику провинции Обезьяна последний шанс, пусть

он считает, что она готова сотрудничать и любезничать. В Синегарде она научилась обуздывать свои порывы. Лучшие планы держались в секрете, пока не были выполнены. Скрытый до поры нож вонзается глубже.

* * *

– С возвращением, – сказал наместник провинции Обезьяна.

Лиу Гужубай устроил штаб-квартиру в одном из немногих уцелевших с давних времен зданий – в квадратном каменном храме, три стены которого заросли мхом. Гужубай выбрал это место ради безопасности, а не ради удобства. Внутри почти не было мебели, лишь печь в углу, два ковра и простой стол в центре холодной, продуваемой сквозняками комнаты.

Рин и Катай сели напротив наместника, словно два студента, прибывшие к учителю домой на урок.

– Я привезла подарки, – сказала Рин.

– Да, я видел, – кивнул Гужубай. – Не могла удержаться, чтобы не поставить свое клеймо, да?

– Просто чтобы они знали, кто главный.

– Ну, надо полагать, Суцзы теперь знает, – поднял бровь Гужубай.

– Если только вы не собираетесь его обезглавить.

Рин улыбнулась, яростно желая врезать пылающим кулаком ему в глотку.

Когда она сбежала из Арлонга на корабле Черной лилии, с кровавым месивом вместо ладони, то думала, что наместник провинции Обезьяна отличается от тех кошмарных людей, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело. Что он выполняет обещания. Что считает ее не оружием, а союзником. И поставит ее командовать армией.

Как же она ошибалась.

Она недооценила Гужубая. Он был умен, и не случайно только он из всех наместников выжил во время жестокой чистки Вайшры в Арлонге. Он разбирался в хитросплетениях высокой политики лучше, чем кто-либо другой, потому что всю жизнь только ею и занимался. Гужубай знал, как получить народную поддержку, как завоевать доверие и любовь. За двадцать лет он привык сам всем заправлять и не желал делиться властью.

– Мы вроде бы сошлись на том, что, если в Худле все получится... – начала она.

– И все получилось. Ты можешь и дальше командовать этими войсками. Лейтенанты Шень и Лин тебя хвалят.

– Мне недостаточно одного отряда, мне нужна армия.

– Давай не будем притворяться, что ты с ней справишься.

– Я только что освободила город с минимальными потерями...

– Твой исключительный талант сжигать все на своем пути еще не делает из тебя командующего. – Гужубай делал ударение на каждом слове, будто иначе Рин его не поймет. – Ты еще учишься налаживать связи и добывать ресурсы. Не торопись, дитя. Тебе еще многому нужно научиться. Это не Синегард, который бросает неподготовленных детей в войну. Мы найдем тебе подходящее занятие, дай только срок.

От его снисходительного тона Рин сжала кулак. А ее взгляд сосредоточился на бьющихся на шее Гужубая венах. Они были так хорошо видны, так легко было бы их вскрыть...

Если бы только это было возможно! Но если Рин хоть пальцем тронет Лиу Гужубая, она не выберется из Руйцзиня живой.

Катай легонько пнул ее под столом: «Не надо». Рин скорчила ему рожу: «Я знаю».

Если Рин была отверженной спиркой, а Катай – синегардской элитой, то наместник провинции Обезьяна – истинным сыном южан, угловатым и широкоплечим после многих лет тяжелого труда, с глубоко посаженными умными глазами на изборожденном морщинами лице.

Рин покинула юг при первой же возможности. Наместник провинции Обезьяна сражался и мучился на юге всю жизнь. Он видел, как его бабушка выпрашивала на улицах подавание на чашку риса во время Лунного Нового года. За единственный медяк в день до изнеможения погонял буйвола. Сражался в потрепанных бригадах провинции за Триумvirат во время Второй опиумной войны. Он стал наместником, не унаследовав титул, а благодаря крайнему честолюбию медленно поднимаясь вверх по карьерной лестнице, пока все солдаты вокруг умирали. В тринадцать лет он записался в армию, всего за одну серебряную монету в месяц, и остался в армии на всю жизнь.

Оба его младших брата погибли в боях против Федерации. Его клан, когда-то обширная семья из сельской местности, поредел из-за пристрастия к опиуму. Гужубай пережил самое худшее, что случилось со страной за последний век, и умение выживать было его главным талантом. Он стал солдатом по необходимости и превратился в наместника с неоспоримым авторитетом.

Но что важнее, он был южанином. Эти горы у него в крови. Любой видел это в его усталых плечах, в хмуrom блеске глаз.

Пусть Рин и обладала невероятной силой, но Лиу Гужубай символизировал саму суть юга. Если она его покалечит, народ провинции разорвет ее на части.

Так что ей пришлось пойти на компромисс.

– Я слышала, на севере намечались изменения, – сменила тему Рин, стараясь говорить нейтральным тоном. – Ничего не хотите мне рассказать?

– Есть кое-что новое. – Если Гужубая и удивила ее внезапная уступчивость, он не подал вида. Он подвинул по столу письмо. – Твоя подруга ответила. Это пришло вчера.

Рин выхватила первую страницу и начала жадно поглощать строчки, передавая страницы Катаю, как только заканчивала читать. Новости с севера всегда просачивались мелкими порциями – то за несколько недель ничего, а потом вдруг целый вал информации. У Коалиции южан в Республике было лишь несколько шпионов, и большинство из них – девушки Муг, белокожие и тщательно скрывающие свой акцент Черные лилии, которых отправили в Арлонг работать в чайных домах и игорных притонах.

Венка тоже отправилась на север. С такой белой кожей, хорошеньким личиком и безупречным синегардским выговором она без труда внедрилась в аристократическую среду официальной столицы. Поначалу Рин беспокоилась, что ее узнают – как-никак она ведь пропавшая дочь бывшего министра финансов и не может не привлекать внимания. Но, судя по отчетам Венки, она полностью преобразилась с помощью одного лишь парика и нескольких капель косметики.

«Никто не обращает внимания на мое лицо, – писала Венка вскоре после прибытия в Синегард. – Как оказалось, куколки Синегарда на удивление похожи друг на друга».

В ее докладе не содержалось никаких сюрпризов. Вайшра по-прежнему сражается за север. Наместники и их наследники мрут как мухи. Долго они не протянут, силы на исходе. Вайшра превратил осажденные города в мертвые зоны. Скоро все будет кончено.

Это было не новостью, лишь форсированием событий, тянувшихся уже несколько недель. Гесперианцы, союзники Вайшры, опустошали сельскую местность с помощью дирижаблей, оставляя после себя только жуткий ландшафт с воронками от бомб.

– Есть упоминания о том, что Вайшра собирается повернуть на юг? – спросила Рин.

– Пока нет. Но это письмо – все, что у нас есть, – ответил Гужубай.

– Значит, ему пока на нас плевать, – заметила Рин.

– Нам повезло, – добавил Катай. – Но это лишь вопрос времени.

Великая демократия наместника провинции Дракон Иня Вайшры, во имя которой он опустошал города и окрасил воды Муруя в алый цвет, так и не родилась. Да это и не входило в его намерения. Уже через несколько дней после победы над императорским флотом у Арлонга

он убил наместников провинций Петух и Свинья, а себя объявил президентом Республики Никан.

Но править ему пока что было нечем. Многие бывшие офицеры ополчения, включая любимца императрицы, генерала Цзюня Лорана, избежали расправы в Арлонге и ускользнули на север, в провинцию Тигр. Теперь объединенные силы остатков ополчения окрепли и давали отпор гесперианцам. Почти. Судя по каждому новому отчету, достигнутому Рюйцзиня, Республика продвигалась все дальше и дальше на север. Это значило, что время истекает. Коалиция южан – всего лишь восстание, одно из многих. Пока что руки Вайшры связаны мятежом Цзюня, не говоря уже о наводнивших страну банды, которые немедленно возникли после войны на месте отсутствующей местной власти. Но долго это не продлится. Цзюнь не сумеет победить войска Вайшры, пока того поддерживают дирижабли гесперианцев. Никак не сможет победить тысячи солдат-гесперианцев с аркебузами, чьи пули косят ряды армии Цзюня.

Рин была признательна Цзюню за то, что дал им такую долгую передышку. Но рано или поздно Вайшра обратит внимание на юг. Обязательно обратит, пока Рин еще жива. И столкновение неизбежно. Но когда эта минута настанет, Рин предпочла бы нападать, а не обороняться.

– Вы знаете мое мнение, – сказала она Гужубаю.

– Да, Рунин, знаю. – Он посмотрел на нее, как утомленный отец на непослушного ребенка. – И все-таки снова напомню...

– Мы здесь просто умираем. Если мы сейчас же не пойдем в атаку, это сделает Нэчжа. Мы должны застать его врасплох, и сейчас как раз...

– Тебе придется убедить не только меня. Ни один участник Коалиции южан не хочет зазря растрачивать силы. Эти горы – их дом. А когда приходят волки, люди прячутся за стенами.

– Здесь дом лишь для некоторых из вас.

Он пожал плечами:

– Ты вольна уйти когда пожелаешь.

Гужубай мог позволить себе блефовать. Он знал, что ей некуда податься.

Рин раздула ноздри:

– Давайте хотя бы это обсудим, Гужубай...

– Обсудим на совете. – Тон наместника ясно давал понять, что аудиенция окончена. – Можешь изложить свою просьбу остальным, если так настаиваешь. Хотя, признаюсь честно, это становится немного назойливым.

– Я буду повторять эти слова, пока кто-нибудь не прислушается, – отрезала Рин.

– Как пожелаешь. Ты любишь усложнять себе жизнь.

Катай снова пнул ее под столом, как раз когда они уже вставали.

– Я знаю, – пробормотала Рин. – Знаю.

Когда она вышла за дверь, сердце Рин слегка зануло. Ей так хотелось, чтобы Гужубай согласился. Она была готова к компромиссам. Она терпеть не могла сопротивляться в одиночестве, ей нравилось работать в связке. Все было бы намного проще, если бы он согласился.

Но если он останется непреклонен, придется заставить его поменять мнение.

Поужинали по-быстрому. Рин и Катай за секунды опустошили свои миски. Не потому, что проголодались. Если есть быстро и не задумываясь, проще не обращать внимания на подгнившие овощи и кишасшие в рисе личинки. Питание в столовой становилось все хуже с каждым разом, когда они возвращались в Рюйцзинь, а повара теперь не просто перестали вынимать из чанов насекомых, но и разводили их в качестве питательной субстанции. Теперь Рин регулярно питалась кашей из муравьев, хотя каждый раз перед первым глотком приходилось подавлять рвотный рефлекс.

Не начали гнить пока только корни шаню – клейкие белые клубни, прилипающие к горлу каждый раз, когда Рин силилась проглотить кусок. Клубни шаню выдерживали мороз и росли

в горах повсеместно. Рин даже пристрастилась к ним – они насыщали, их легко было готовить, а сладостью шаню слегка напоминали вкус свежего хлеба.

Но то было много месяцев назад. С тех пор вкус сырых шаню, сушеных шаню, вареных шаню и печеных шаню начал вызывать у Рин отвращение, а от одного запаха ее тошнило. И все же шаню оставались единственной свежей и питательной пищей, которую можно было раздобыть. Так что пришлось глотать.

Покончив с едой, она встала и решила навестить главаря бандитов Ма Льена.

Катай пошел было следом, но Рин покачала головой:

– Я и одна справлюсь. Не стоит тебе это видеть.

Катай не стал спорить. Рин знала, что ему не хочется идти.

– Ладно. Достала снадобье?

– Оно у меня в кармане.

– А ты уверена, что...

– Давай не будем, – отрезала она. – Мы уже тысячу раз об этом спорили. У тебя есть вариант получше?

Он вздохнул:

– Тогда сделай это быстро. Не тяни.

– С какой стати я вдруг буду медлить?

– Рин...

– Ладно, ладно.

Рин хлопнула его по плечу и зашагала к лесу.

Ма Льен жил в пещере, неподалеку от северной границы Рюйцзиня. Прежде Рин не смогла бы подобраться близко к его личному жилищу – по пути ей как минимум трижды приставили бы к горлу нож, – но в последнее время охрана Ма Льена стала работать с прохладцей. Завидев Рин, караульные молча кивнули и пропустили ее. Ни один не посмотрел прямо в глаза.

Жена и дочь Ма Льена сидели у входа в пещеру. При виде Рин они встали. В их широко раскрытых глазах читались страх и отчаяние.

Они уже знают, поняла Рин. Услышали, как люди шепчутся. Или их предупредил кто-то из главарей, может, даже Чжудень, чтобы спасти им жизнь.

– Вам лучше уйти, – сказала Рин.

Когда Рин заходила в пещеру, жена Ма Льена схватила ее за руку.

– Пожалуйста, не надо, – взмолилась она.

– Ничего не поделаешь, – сказала Рин, выдернув руку. – И не пытайся меня остановить.

– Если ты его пощадишь, он сделает все, что скажешь, нет нужды...

– Не сделает. Так что мне придется. Надеюсь, вы с ним попрощались.

Они знали, что произойдет. Люди Ма Льена знали. И Рин подозревала, что знал и наместник провинции Обезьяна. А может, даже сам одобрил. На его месте она бы так и поступила. А что же еще поделать, если один из генералов понуждает вести войну, которую ты не можешь выиграть?

Неизбежные потери.

В пещере воняло одуряющей, тошнотворной смесью горьких травяных снадобий и застарелой рвоты. С тех пор как Рин отбыла в Худлу, Льен страдал от страшной легочной лихорадки. Время было выбрано идеально. В то утро, когда Рин отправилась в поход, она заключила сделку с Чжуденем – если Ма Льен будет еще жив к ее возвращению, но в том же плачевном состоянии, они ухватятся за этот шанс.

И все же она не ожидала, что Ма Льен так быстро сдастся болезни. Его тело под простынями выглядело съежившимся и иссохшим. Казалось, он потерял половину веса. В уголках губ запеклась кровь. С каждым его вздохом по пещере раскатывалось эхо резкого хрипа.

Ма Льен был уже наполовину мертв. Судя по его виду, то, что собиралась сделать Рин, и убийством-то не назовешь. Она лишь ускорит неизбежное.

– Приветствую, генерал.

Она уселась на край постели. При звуках ее голоса глаза Ма Льена распахнулись.

Рин говорили, что болезнь повредила его голосовые связки. Чжудень сказал, что у Ма Льена идет горлом кровь, когда тот пытается говорить. А если он волнуется, то начинает задыхаться. При этой мысли Рин ощутила легкую радость. У него не выйдет над ней измываться, проклинать и орать. А она может насмешничать сколько влезет. Ему-то придется лишь лежать и слушать.

Рин могла бы просто сделать свое дело и уйти. И рациональная, прагматичная часть ее существа буквально вопила, заклиная так и поступить – было рискованно оставаться здесь долго и разговаривать, ведь могли подслушать шпионы Гужубая.

Но она так ждала этой встречи. Хотела сказать ему, почему он должен умереть. Хотела насладиться этой минутой. Рин заслужила.

Она помнила, как безумно он орал, когда она предложила послать войска в провинцию Петух. Называл ее сентиментальной дикаркой с кожей цвета грязи, свиньей, подстрекающей к войне. Напустился даже на Гужубая за то, что включил «маявку» в военный совет. Говорил, что ей лучше вернуться к своему отродью.

Вероятно, он даже этого не помнит. Такой уж он – шумный, говорливый тип. Вечно бросает оскорбления, даже не поперхнувшись. Считаю, что его всегда защитят от мести собственная сила и преданность соратников.

– Помнишь, что ты говорил, когда я впервые попросила дать мне командование? – спросила Рин.

В уголке губ Ма Льена запузырилась слюна. Рин подобрала с пола окровавленную тряпку и вытерла его губы.

– Ты сказал, что я тупая сучка без опыта командования и с прирожденным отсутствием разума. – Она хмыкнула. – Твои слова. Ты назвал меня пустоголовой идиоткой, которая заполучила силу, но не знает, что с ней делать. Сказал, что мне следует знать свое место. Мол, спирцы не созданы для того, чтобы принимать решения, их удел – подчиняться.

Ма Льен выдавил что-то нечленораздельное. Рин откинула спутанные волосы с его лица. Он так сильно потел, что казался словно намазанным маслом. Вот бедолага.

– Я пришла на юг не для того, чтобы снова стать чьей-то игрушкой. Тебе следовало бы это знать.

Прежде она уже служила двум хозяевам. И каждый по очереди ее предал. Она доверяла Дацзы, а потом Вайшре, и оба продали ее не моргнув глазом. Теперь Рин сама распоряжалась своей судьбой.

Она сунула руку в карман и вытащила пузырек.

Леса вокруг Рюйцзиня кишели толстыми желтыми скорпионами. Солдаты научились отгонять их от лагеря горячей лавандой и ставили ловушки, но по лесу нельзя было пройти и десяти шагов, чтобы не наткнуться на гнездо. А чтобы наполнить пузырек ядом, хватит и одного гнезда.

– Я не буду об этом сожалеть, – сказала она. – Тебе не следовало вставать у меня на пути.

Она поднесла склянку к губам Ма Льена. Тот дернулся, пытаясь откашляться и выплюнуть яд, но Рин стиснула его челюсти и заткнула ему нос пальцами, пока жидкость не попала в горло. Через минуту он перестал сопротивляться. Рин выпустила его.

– Ты умрешь не сразу, – сказала Рин. – Яд скорпиона парализует. Сковывает все мышцы.

Она промокнула слюну и яд с его подбородка краем одеяла.

– Через некоторое время тебе станет трудно дышать. Ты попытаешься позвать на помощь, но не сможешь открыть рот. Уверена, что жена зайдет тебя проведать, но она знает, что уже

ничего не поделаешь. Знает, чем я тут занимаюсь. Наверное, нарисовала себе мысленно всю картину. Но может, она еще тебя любит и проводит в последний путь. Хотя если бы она тебя любила, то перерезала бы тебе горло.

Рин встала. В голове бурлило странное возбуждение. Колени дрожали. Голова слегка кружилась от неожиданного прилива энергии.

Это было не первое ее убийство. Но впервые – убийство обдуманное и спланированное. Она впервые убила человека не от отчаяния, а хладнокровно и намеренно.

И от этого она чувствовала себя...

Она чувствовала себя прекрасно.

Рин не нужна была трубка, чтобы показать это Алтану, – она слышала его хохот так явственно, словно он стоял рядом. И Рин чувствовала себя чудесно. Как будто может перемахнуть через горы одним прыжком, если захочет. Дрожь в руке никак не прекращалась. Скрепка выпала из пальцев и разбилась о землю.

Сердце бешено колотилось, по венам растеклась эйфория, и Рин в смятении вышла из пещеры.

* * *

– Я поведу в провинцию Петух два полка, – сказала Рин. – Как говорит Суцзы, мугенцы в основном там – по плоской равнине проще перемещаться. Мы все это время дрались не на том фронте. Они не идут в горы, потому что не хотят. Им достаточно продвигаться дальше на юг.

Руководство Коалиции южан собралось за столом в штабе наместника Гужубая. Он сам, как прирожденный лидер, сидел во главе стола. Справа от него сидел Лиу Дай, бывший провинциальный чиновник и давний союзник Гужубая. Еще правее – Чжудень, в качестве заместителя Ма Льена, но из уважения к последнему оставили один пустой стул. Суцзы сидел в дальнем левом углу, скрестив руки на груди и ухмыляясь, словно уже разгадал эту шараду и понял ее суть.

– Если ударим быстро, – продолжила Рин, – то есть разгромим главные силы, пока они не успели перегруппироваться, то можем захватить инициативу.

– Не далее как этим утром ты хотела идти на север, драться с Вайшрой, – сказал Гужубай. – А теперь стремишься на юг. Ты не можешь сражаться на два фронта, Рин. Так который из них?

– Нужно идти на юг, чтобы обрести достаточно сил для обороны от гесперианцев, – объяснила Рин. – Если отвоюем юг, то будем жить в тепле. Получим амбары, полные провизии. Доступ к речным путям, арсеналам – да кто знает, что еще мы сумеем отобрать у мугенцев. Наша армия пополнится тысячами бойцов, и у нас будет достаточно припасов для них. Но если сначала не разделаться с мугенцами, мы окажемся в ловушке в этих горах...

– В этих горах мы в безопасности, – прервал ее Лиу Дай. – Много веков никто не вторгался в Рюйцзинь, природа слишком враждебна...

– Здесь нечего есть, – отрезала Рин. – А источники воды иссякают. Мы не можем жить здесь вечно.

– И мы это понимаем, – сказал Гужубай. – Но ты просишь слишком многого. Половина наших солдат всего пару месяцев назад впервые в жизни взяла в руки меч. Нужно дать им время.

– Вайшра не даст им времени, – огрызнулась Рин. – Как только он разделается с Цзюнем, так сразу похоронит и нас.

Рин поняла, что проигрывает. Это было ясно по их скучающим, скептическим лицам. Она понимала, что ее слушают лишь из вежливости – это просто очередная перепалка в давнем споре, как десятки подобных. Они зашли в тупик – у Рин есть огонь, но ничего больше. А

остальные были закаленными в боях людьми, которые, как бы ни утверждали обратное, не желали делиться властью с девчонкой вдвое моложе.

Рин это знала. Но просто не могла постоянно молчать.

– С провинцией Петух покончено, – сказал Гужубай. – Мугенцы наводнили ее, как муравьи. Теперь наша стратегия – выживание. Мы можем сохранить провинцию Обезьяна. Мугенцы не выживут в горах. Не отказывайся от этого убежища, Рин.

Он говорил так, будто решение принято давным-давно. И Рин вдруг ощутила внезапный укол подозрений.

– Вы знали, – сказала она. – Знали, что они возьмут провинцию Петух.

Гужубай и Лиу Дай переглянулись.

– Рунин...

– Знали с самого начала. – Ее голос сорвался на крик. Щеки горели. Гужубай говорил с ней не просто с обычной снисходительностью, а с открытым презрением. Рин проклинала себя за несдержанность. – Вы знали все это время и не сказали мне.

– Это все равно не играет роли...

– Об этом знали все вокруг?

Она обвела жестом комнату. С пальцев посыпались искры, Рин не могла сдержаться. Участники Коалиции отшатнулись, но это не доставило ей радости. Она была слишком пристыжена.

Чего еще ей не сказали?

Гужубай откашлялся.

– Учитывая твою импульсивность, мы сочли неразумным...

– Да пошли вы все! – выкрикнула она. – Я член совета, я выигрываю для вас сражения и заслуживаю...

– Факт остается фактом – ты импульсивна и безрассудна, о чем свидетельствуют непрекращающиеся просьбы доверить тебе командование...

– Я заслужила командовать армией! Именно это мне обещали!

Гужубай вздохнул:

– Мы не будем снова возвращаться к этому спору.

– Послушайте! – Рин стукнула кулаком по столу. – Если ни один из вас не желает делать первый шаг, то пошлите меня. Дайте мне две тысячи человек. Всего вдвое больше, чем понадобилось, чтобы взять Худлу. Этого хватит.

– Мы оба знаем, что это невозможно.

– Но это ваш единственный шанс уцелеть...

– Разве? – спросил Гужубай. – Ты в самом деле считаешь, что мы не сумеем выжить в горах? Или просто хочешь погнаться за Нэчжей?

Рин хотелось его ударить. Но она была не так глупа, чтобы клюнуть на эту наживку.

– Семья Инь не позволит нам жить спокойно, – сказала она. Рин знала, как действует Вайшра. Он оценивает угрозы – прошлые, настоящие и потенциальные – и терпеливо разделяет их, загоняет в угол и уничтожает. Он не прощает былых прегрешений. И всегда доводит начатое до конца. А теперь Рин, когда-то его лучшее оружие, стала главной угрозой. – Республика не захочет делиться территорией, она просто сотрет вас с лица земли. Так что уж простите за мысль ударить первыми.

– Мы в Вайшре неинтересны. – Наместник провинции Обезьяна поднялся. – Ему нужна ты.

В воздухе между ними повис тяжелый сгусток выводов.

И тут открылась дверь. Все потянулись к мечам.

– Господин, – выдохнул запыхавшийся адъютант.

– Не сейчас! – рявкнул наместник провинции Обезьяна.

– Простите, господин, – нервно сглотнул адъютант. – Ма Льен только что скончался. Рин слегка расслабилась. Ну наконец-то. Гужубай уставился на адъютанта, не находя слов.

Рин заговорила прежде, чем пришли в себя остальные:

– Так, значит, место вакантно.

– Имей уважение, – возмущенно отозвался Лиу Дай.

Рин и бровью не повела.

– Место вакантно, и я лучше всего для него подхожу.

– Ты не дотягиваешь по рангу, – сказал Гужубай.

Рин закатила глаза.

– Ранг имел значение в настоящей армии, а не в лагере бандитов, засевших в горах в надежде, что дирижабли просто пролетят мимо, не заметив нас.

– Люди не станут тебя слушаться, – возразил Гужубай. – Они почти тебя не знают...

И тут впервые заговорил Чжудень:

– Мы ее поддержим.

Гужубай осекся и уставился на Чжуденя, словно не верил своим ушам.

Рин подавила смехок.

– Она права, – сказал Чжудень. – Мы здесь просто умираем. Нужно выступить, пока мы еще способны драться. И если вы нас не поведете, это сделает она.

– Ты не получишь всю армию, – объявил Гужубай. – Максимум полторы тысячи человек.

– Две тысячи, – сказал Суцзы.

Рин изумленно покосилась на него.

Суцзы передернул плечами:

– Железные волки тоже пойдут на юг. Нам уже давно невтерпех.

– Ты же говорил, что тебе плевать на Коалицию южан, – заметила Рин.

– Я говорил, что мне плевать на остальную часть империи. А это другое. Там – мой народ.

А судя по тому, что я видел, только у тебя хватит смелости наступать, а не отсиживаться здесь в ожидании смерти.

Рин хотелось рассмеяться. Вскинув голову, она оглядела сидящих за столом – не осмелится ли кто возразить. Лиу Дай поерзал. Суцзы подмигнул ей. Признав поражение, Гужубай промолчал. Рин была уверена – он знает, что она совершила. Это ни для кого не секрет.

Она бы призналась, если бы он спросил. Но Гужубай ничего не мог доказать, и никто ему бы не поверил. По крайней мере, треть людей была настроена против него.

Это тоже ни для кого не было секретом, лишь подтвердило уже давно ходившие слухи.

Чжудень кивнул ей:

– Ваш ход, генерал Фан.

Рин так понравилось, как это звучит, что она не могла сдержать улыбку.

– Значит, решено. – Рин оглядела собравшихся за столом. – Я веду Третью дивизию и Железных волков в провинцию Петух. Выступаем на рассвете.

Глава 4

– Когда доберемся до Уля, мне понадобятся свежие войска, – сказала Рин. – Если снизим скорость обычного марша на одну пятую, то все равно доберемся туда за двенадцать дней. Придется время от времени огибать известные мугенские базы. Так будет дольше, но я предпочитаю сохранять наше появление в тайне, пока это возможно. Тогда у них будет меньше времени для подготовки.

В ее голосе звучало куда больше уверенности, чем Рин на самом деле чувствовала. Ей казалось, что говорит слишком писклявым голосом, хотя она едва себя слышала, так сильно стучала кровь в ушах. Теперь, когда она наконец-то получила желаемое, восторг испарился, сменившись нервирующей смесью истощения и страха.

Первым вечером после начала похода из Рюйцзиня они разбили лагерь в лесу. В шатре Рин собрался кружок солдат и офицеров – Катай, Чжудень, Суцзы, – которые напряженно наблюдали, как она расчерчивает карту толстыми линиями чернил.

Ее рука дрожала, и на пергамент капали брызги. Рин еще сложно было писать левой. Она словно сдавала экзамен, к которому не подготовилась. Следовало бы наслаждаться этими минутами, но Рин никак не могла избавиться от ощущения, что она лишь самозванка.

Самозванка. Она никогда прежде не возглавляла военный поход. Краткие вылазки в качества командира цыке всегда заканчивались катастрофой. Она не умела наладить снабжение такого масштаба. А что хуже всего, сейчас описывала стратегию атаки, но даже сама не была уверена, что из этого что-нибудь выйдет.

А в голове звучал хохот Алтана.

«Глупышка, – говорил он. – Наконец-то заполучила армию и теперь не знаешь, что с ней делать».

Она моргнула, изгнав призрака из головы.

– Если все пойдет по плану, – продолжила она, – к следующему полнолуннию Лэйян будет нашим.

Лэйян был крупнейшим городом на севере провинции Петух. Рин проезжала там всего один раз в жизни, почти пять лет назад, когда вместе с караваном путешествовала на север, чтобы учиться в Синегарде. Две речушки и несколько широких трактов, замощенных еще в дни Красного императора, связывали с этим торговым городом десятки городков и деревень. По сравнению с любой столицей северных провинций это был дешевый и захудалый базар где-то на задворках, но в те дни он показался Рин самым оживленным торговым центром, который она когда-либо видела.

Катай называл сеть поселений вокруг Лэйяна Улем. Мугенские войска в той или иной степени контролировали все города на севере провинции Петух, но, судя по перемещениям их армии, Лэйян служил центральным пунктом.

Значит, было в этом городе что-то важное. По мнению Катая, скорее всего – какой-нибудь генерал высокого ранга, который, лишившись родины, теперь правил здесь. Или, как опасалась Рин, здесь есть какое-то оружие, о котором они пока не подозревают. Возможно, мугенцы сосредоточили в Лэйяне запасы бочек с желтым газом. И никак не раз узнаешь, так ли это.

В этом и заключался корень всех проблем. Рин не хватало разведанных о Лэйяне. Она обновила карты с помощью детальных описаний окружающей местности, которыми снабдил ее Суцзы, но и его познания на много месяцев устарели. Несколько Железных волков были выходцами из Лэйяна, но их рассказы о мугенских войсках сильно различались. Никакой пользы, скорее наоборот.

Выжившие всегда давали негодные сведения – либо от страха преувеличивали угрозу, либо преуменьшали ее в надежде, что освободительная армия спасет их деревню.

Рин выслала вперед разведчиков, но им приходилось быть чрезвычайно осторожными. Если мугенцы хоть как-то прознают о готовящейся засаде, это приведет к катастрофе. А значит, Рин оставалось только гадать о расстановке сил, до начала сражения у нее не было способа узнать, каковы возможности мугенцев в Лэйяне.

– И как ты собираешься выманить их за ворота? – поинтересовался Чжудень. – Мы же не хотим устроить бой слишком близко к мирному населению.

Конечно, это очевидно. Рин не могла понять – то ли он ее недооценивает, то ли просто осторожничает. Теперь она все воспринимала как вызов своей власти.

– Постараемся предупредить местных жителей, не выдавая своего местоположения. У Суцзы есть кое-какие знакомства в городе. Но придется перестраиваться по ходу дела, – добавила она, прекрасно понимая, что это просто ничего не значащая болтовня.

Однако лучшего ответа у нее не было. Вопрос Чжуденя коснулся самой главной стратегической загвоздки, которую так и не разрешили, сколько бы Рин с Катаем ни бились.

Проблема заключалась в том, что мугенские войска в Лэйяне находились не в одном месте, где можно было бы легко устроить засаду и сжечь всех разом, они были рассеяны по близлежащим деревням.

Рин нужно было придумать, как выманить мугенцев на открытое поле битвы. В Худле легко было минимизировать жертвы среди населения – основные войска мугенцев жили в лагере, а не в самом городе. Но все Железные волки, кого бы она ни спрашивала, говорили, что мугенцы в Лэйяне расселились по окрестностям. Они выработали странную оккупационную систему, похожую на симбиоз с хищником. И отличить цель от невинных жертв стало намного труднее.

– Пока что мы не можем ответить на этот вопрос – не хватает разведданных, – сказала Рин. – Сейчас главное – подобраться как можно ближе к Лэйяну, так чтобы нас не заметили патрули. Мы же не хотим, чтобы весь город взяли в заложники. – Она вскинула голову: – Всем ясно?

Все кивнули.

– Вот и хорошо. Чжудень, выстави первую смену караульных.

– Есть, генерал.

Чжудень встал.

Остальные офицеры вышли вслед за ним. Но Суцзы так и остался сидеть на полу, скрестив ноги и откинувшись на вытянутые руки. В уголке его губ раздражающе торчала соломинка, словно осуждающий перст.

Рин бросила на него настороженный взгляд.

– В чем дело?

– Все твои планы ошибочны, – ответил он.

– Что-что?

– Прости, мне следовало сказать раньше. Просто не хотел, чтобы ты потеряла лицо.

Она нахмурилась:

– Если ты собираешься ныть...

– Нет, послушай. – Суцзы выпрямился, подался вперед и постучал пальцем по звездочке на карте, обозначавшей Лэйян. – Для начала, ты не сумеешь провести армию по этим проселочным дорогам. Патрули расставлены на каждой тропе, а не только на главных дорогах, и ты сама знаешь, что тебе не хватит людей для прорыва обороны, если мугенцы будут готовы.

– Но другого маршрута в обход нет, только эти дороги, – сказал Катай.

– Ну, значит, вам просто не хватает сообразительности.

По лицу Катая мелькнуло раздражение.

– Через густые леса не провезешь телеги обоза, так что другого пути...

– Вы двое просто не хотите слушать никого, кому есть что предложить? – Суцзы выплюнул изо рта соломинку. Она упала прямо на карту, на тщательные нарисованные Рин обходные пути. – Я лишь хочу помочь, знаете ли.

– А мы обучались стратегии в Синегарде и знаем, что делаем, – огрызнулась Рин. – Так что, если у тебя нет ничего более полезного, кроме нытья о том, что наши планы – дрянь...

– Ты ведь знаешь, что наместник провинции Обезьяна желает тебе провала? – прервал ее Суцзы.

– Что-что?

– В Коалиции южан тебя не любят. Гужубай, Лиу Дай – да все. Они постоянно обсуждают тебя за твоей спиной. Да стоило мне только появиться, а меня уже пытались настроить против тебя. Это мужской клуб, принцесса, и ты в него не вписываешься.

– А что же они обо мне говорили? – спросила Рин, стараясь сохранять нейтральный тон.

– Что ты – глупышка, которая думает, будто три года в Синегарде и несколько месяцев в ополчении могут заменить десятилетия на полях сражений, – спокойно произнес Суцзы. – Что тебя не принимали бы в расчет, если бы не твой маленький фокус с огнем. И что в Лэйяне ты, скорее всего, погибнешь, потому как слишком глупа и не понимаешь, во что ввязалась. Тогда они избавятся хотя бы от одной занозы в заднице.

Рин почувствовала, как кровь прилила к щекам.

– Ничего нового.

– Слушай, спирка. – Суцзы подался вперед. – Я на твоей стороне. Но кое в чем Гужубай прав. Ты не умеешь командовать армией, ты неопытна, тем более в войне такого рода. Но я знаю, как сражаться в таких битвах. И если уж ты затащила сюда моих людей, придется тебе ко мне прислушаться.

– Ты мне не приказываешь, – сказала Рин.

– Если будешь действовать по этому плану, то погибнешь.

– Слушай, придурок...

– Хватит, – поднял руку Катай. – Рин, просто... послушай его хотя бы секунду.

– Но он же...

– Он пробыл здесь дольше нас. Если ему есть что сказать, мы должны выслушать. – Катай кивнул Суцзы: – Продолжай.

– Спасибо. – Суцзы откашлялся, как учитель перед лекцией. – Вы оба все делаете неправильно. Нельзя сражаться так, будто это война между двумя нормальными армиями – в открытом поле и все такое. Все совсем по-другому. Это ведь освободительная война, что значит мелкие победы и обман.

– И все это так прекрасно сработало у тебя в Худле, – пробормотала Рин.

– В Худле меня прижали, – признал Суцзы. – Как я и сказал, мы не можем победить на поле боя. У нас недостаточно людей, так что придется довольствоваться малым. А тебе лучше учиться на моих ошибках.

– Так что ты предлагаешь? – спросила Рин растерявшим всю уверенность голосом. Теперь она уже внимательно слушала.

– Идти через лес. Я проведу через него твой драгоценный обоз. Тут повсюду есть тайные тропы, и мои люди могут их найти. Потом свяжемся с лидерами сопротивления в Лэйяне. А сейчас у тебя недостаточно людей.

– Недостаточно людей? – повторила Рин. – Я могу...

– Я прекрасно знаю, что ты можешь спалить целый эскадрон одним махом, спирка. Но ты можешь действовать только на определенном расстоянии, причем как можно дальше от гражданских. Тебе не должно мешать мирное население. Мугенцев нужно выманить подальше от людей, которых ты пытаешься спасти. А сейчас у тебя не хватит для этого солдат, и подозреваю, что ты и сама каждый раз содрогаешься, глядя на карту.

Рин с неохотой признала, что Суцзы весьма дальновиден.

– И ты можешь волшебным образом это исправить? – спросила она.

– Не волшебным. Я бывал в тех деревнях. Там есть отряды сопротивления. Крепкие люди, готовые сражаться. Просто кто-то должен их подтолкнуть.

– Ты говоришь о горстке крестьян с вилами, – вставил Катай.

– Я говорю о дополнительной сотне человек.

– Чушь собачья, – буркнула Рин.

– Я сам из этого района, – сказал Суцзы. – У меня есть связи. Я могу отвоевать Лэйян, но ты должна мне довериться. Сумеешь?

Он протянул Рин руку.

Рин с Катаем озадаченно переглянулись.

– Это не ловушка, – теряя терпение, произнес Суцзы. – Ну, давайте же. Мне так же не терпится наконец попасть домой, как и вам.

Рин помедлила, а потом пожала ему руку.

И в этот момент полог шатра распахнулся. Внутрь шагнул часовой.

– Мугенский патруль, – выдохнул он. – В двух милях отсюда.

– Всем спрятаться, – велел Суцзы. – По обеим сторонам дороги на полмили тянется лес, пусть люди собираются и уходят.

– Нет... что за?.. – Рин встала и схватила карты. – Здесь я отдаю приказы...

Суцзы бросил на нее усталый взгляд.

– Так прикажи им спрятаться.

– Нет уж. Мы будем драться, – сказала Рин.

У мугенцев всего один патрульный отряд. А у них – армия. Да о чем тут спорить?

Но прежде чем она успела выкрикнуть приказ, Суцзы высунул голову из шатра, сунул два пальца в рот и трижды свистнул – так громко, что в уши Рин как будто вонзились ножи.

Реакция ее поразила. Все Железные волки разом вскочили и начали собираться. Меньше чем за две минуты они скатали шатры, уложили оружие и скрылись в лесу. Следов они не оставили – костры сровняли с землей, мусор прибрали. Даже дырки от кольев из-под шатров пропали. Ни один случайный прохожий и не догадается, что когда-то здесь был разбит лагерь.

Рин не могла понять – то ли она в ярости, то ли потрясена.

– Ну что, по-прежнему рвешься в бой? – поинтересовался Суцзы.

– Вот говнюк.

– Лучше собирайся.

– Да брось, у меня же есть бог...

– И нужна всего одна стрела, чтобы тебя убить, принцесса. Сейчас тебя никто не прикрывает. Я иду с ними.

С горящими щеками Рин приказала людям Чжуденя сниматься с места и скрыться в лесу.

Они бежали, продираясь сквозь ветви, которые оставляли на голой коже тысячи крохотных порезов, а потом наконец-то остановились и забрались на деревья. Рин никогда еще не чувствовала такого унижения. Она скрючилась на ветке рядом с Суцзы, выглядывая сквозь листву приближающийся патруль.

Таков был план Суцзы – дожидаться, пока мугенцы уйдут? Конечно, он не собирался идти в атаку, это было бы самоубийством. На занятиях по стратегии они учили необходимые предпосылки для успешной вылазки, и сейчас не было ни одной: у них не было ни артиллерии наготове, ни четких линий связи, ни видимости сигналов для всех солдат. Отступив в лес, они только рассеялись и потеряли управляемость, и теперь Рин оказалась в ловушке – ее пламя легко могло выйти из-под контроля.

Через несколько минут Рин увидела проезжающий по главной дороге мугенский патруль.

– На поляне мы могли бы их убраться, – прошипела она Суцзы. – И почему...

Он закрыл ей рот ладонью.

– Смотри.

Теперь патруль скакал в поле зрения. Рин насчитала двадцать человек. Они ехали на лоснящихся боевых конях, явно откормленных украденным из голодающих деревень зерном, ехали медленно, словно осматривали покинутый лагерь.

– Ну, давайте же, – пробормотал Суцзы. – Проезжайте.

Бессмысленно, подумала Рин. Ее солдаты проворны, но не настолько. Десяти минут недостаточно, чтобы собраться и уничтожить все следы от лагеря.

И конечно же, не прошло и минуты, как капитан патруля что-то выкрикнул и указал на землю. Рин не поняла, что он там увидел – след ноги, дырку от колышка, забытый ремень, но это не имело значения. Их раскрыли.

– А теперь – смотри.

Суцзы снова сунул пальцы в рот и свистнул, теперь дважды.

Железные волки осыпали поляну стрелами.

И прицел был точным. Половина мугенцев свалилась с лошадей. Другая половина попыталась удрать, но в воздухе просвистела новая порция стрел, врезаюсь в глотки, виски, рты и глаза. Трое оставшихся патрульных рванули обратно по дороге, но их сразила последняя группа стрелков, которые прятались в миле от того места, где засела Рин.

– Ну вот и последние. – Суцзы прыгнул с дерева и протянул руку Рин, помогая спуститься. – Разве плохо?

– В этом не было необходимости. – Рин отвергла протянутую руку и спустилась самостоятельно. Левую руку покалывало от напряжения, она разомкнула пальцы и полетела вниз, чуть не плюхнувшись на задницу. Но быстро поднялась. – Мы могли бы разделаться с ними сразу, и не пришлось бы прятаться...

– Сколько, по-твоему, у них человек? – спросил Суцзы.

– Человек двадцать. Может, тридцать, я не...

– И скольких, по-твоему, мы застрелили?

– Ну, вроде всех, но...

– И сколько у нас погибших?

– Ни одного, – пробормотала она.

– А мугенцы в Улье узнают о нашем приближении?

– Нет.

– Ну вот, – самодовольно заявил он. – А теперь скажи, что в этом не было необходимости.

Рин хотелось дать ему пощечину, чтобы стереть с его лица это выражение.

– Прятаться не было необходимости. Мы могли бы просто разделаться с ними...

– И что, дать им дополнительный день, чтобы укрепили оборону? Как только мугенский патруль понимает, что назревает стычка, они первым делом отправляют одного солдата назад с рапортом.

Рин нахмурилась:

– Этого я не знала.

– Конечно, не знала. Ты бы сожгла большинство мугенцев прямо на месте, отлично. Но лошадь тебе не догнать. Ни один из нас не бежит быстрее их лошадей. Достаточно один раз сплеховать, и растеряешь все преимущества внезапности.

– Но это же нелепо, – возразила она. – Мы же не можем скрываться всю дорогу до Лэйяна.

– Верно. Но лучше скрываться хотя бы до первого сражения. Такие крохотные стратегические преимущества играют немалую роль. Не думай об идеальной стратегии, подумай о мелочах. Каждый день и каждый час на счету, лучше скрывать свое приближение как можно дольше. От этого зависит разница между двумя убитыми и двадцатью.

– Я поняла, – смягчилась Рин.

Она была не настолько упряма, чтобы не признать свою неправоту. Но было неприятно осознавать, что она рассматривает только идеальную стратегию. Она к этому привыкла – мелочи были не особо важны, когда вся стратегия сводилась к полыхающему огню.

С горящими щеками она отряхнула листву со штанов и произнесла слова, которые жаждал услышать Суцзы:

– Ладно, твоя взяла. Ты прав.

Он довольно улыбнулся.

– Мы занимались этим годами, принцесса. Могла бы и заметить.

Они устроили лагерь в двух милях к югу от того места, где встретили патруль, под прикрытием такого густого леса, что дым от костров рассеивался в листве, не успевая подниматься в небо. Но Рин все равно установила строгие ограничения – не больше одного костра на семей, и когда утром они снова отправятся в путь, все следы следует затоптать и тщательно скрыть листьями и землей.

На ужин ели жалкие кукурузные хлебцы вотоу и пустую рисовую кашу. Наместник провинции Обезьяна позволил Рин взять из Рюйцзиня только мешки с самой залежалой провизией, заявив, что, если поход провалится, Рюйцзинь, по крайней мере, не будет голодать. Рин не стала напирать – ей не хотелось злоупотреблять везением.

Однако Железные волки питались подозрительно хорошо. Рин не знала, откуда они берут нужные ингредиенты, но от их дымящихся котелков поднимался аппетитный пар. Может, они украли дополнительный провиант в Рюйцзине? С Суцзы станется, он такой.

– Если тебя это беспокоит, просто спроси у них, – сказал Катай.

– Это глупо, – пробормотала Рин. – Я не собираюсь из-за этого суетиться...

Но Суцзы уже шел в их сторону, держа в обеих руках дымящиеся бамбуковые плошки. При виде их скудной трапезы его глаза сверкнули, а губы изогнулись в усмешке:

– Выглядит аппетитно.

Рин впиалась пальцами в вотоу.

– Нам достаточно.

Суцзы сел напротив и поставил плошки на землю.

– Вы так и не научились добывать себе еду?

– Уж конечно, научились, просто поблизости нет ничего съедобного...

– Правда? – Суцзы поднял бамбуковую крышку. – Вот, смотрите. Побег бамбука. И бамбуковые куропатки. Сварить, добавив немного соли и уксуса, и будет у вас ужин из трех блюд.

– Но поблизости нет бамбука, – заметил Катай.

– Точно, мы собрали его по пути. Рядом с Рюйцзином есть бамбуковая роща, вы разве ее не видели? Там полно молодых побегов. Нужно набивать мешок, как только увидите что-нибудь съедобное. Первое правило на марше.

От запаха куропатки у Рин потекли слюнки. Она с жадностью уставилась на плошки.

– А как вы поймали птиц?

– Это легко. Если есть лепешки для наживки, соорудить ловушку проще простого. Расставляем несколько штук к ночи, а утром уже можно похрустеть крылышком куропатки. Я вас научу.

– А это что? – Рин показала на что-то желтое и вязкое под бамбуковыми побегами.

– Бананы бацзяо.

– Вкусные?

– Ты что, никогда раньше их не ела? – с недоумением покосился на нее Суцзы. – Они повсюду тут растут.

– Мы думали, что они ядовитые, – признался Катай. – У некоторых людей в Рюйцзине от них начинались колики, так что с тех пор мы их избегаем.

– Да нет, это только когда они незрелые. Если трудно судить по цвету – видите, темно-коричневый? – нужно очистить и понюхать. Если пахнет кислятиной, выбросьте. Никто из ваших солдат об этом не знает?

– В нашем лагере – никто.

– Невероятно, – сказал Суцзы. – Наверное, через несколько веков такие мелочи начинают забываться.

Рин ткнула в нечто, напоминающее черные перезревшие бобы:

– А это что?

– Пчелы, – как ни в чем не бывало произнес Суцзы. – Вкусны в жареном виде. Главное – вытащить жало.

Рин потрясенно уставилась на него:

– Не могу понять, ты шутишь или нет.

– Не шучу. – Он взял одну пчелу и показал поближе. – Видишь? Самое вкусное – ноги. Они впитывают масло. – Он закинул пчелу в рот и громко захрустел. – Вкуснятина! Хочешь?

– Нет, спасибо, – пробормотала Рин.

– Ты же южанка. Я думал, ты ешь все подряд.

– В Тикани никогда не ели насекомых.

Он засмеялся.

– Тикани – не самый бедный городок на юге. Понятно, почему ты никогда не голодала по-настоящему.

Рин пришлось признать, что это правда. Она много вечеров чувствовала себя голодной, и в Тикани, и в Академии в Синегарде, но лишь потому, что ей отказывали в пище, а не из-за нехватки еды. Даже в разгар Третьей опиумной войны, когда жители империи дошли до такого отчаяния, что ели кору с деревьев, Рин питалась армейскими пайками как минимум дважды в день.

А как же иначе? В самые тяжелые времена первыми кормят солдат, а всем остальным остается только умирать. Рин так давно полагалась на возможности империи, за которую сражалась, что так и не научилась самостоятельно добывать пропитание.

– Я не хочу тебя оскорбить. Просто говорю как есть. – Суцзы протянул Рин плоскую с пчелами: – Хочешь попробовать?

Пахли они соблазнительно. В животе у Рин заурчало, и очень громко.

– Ешь давай, – ухмыльнулся Суцзы. – У нас еды с избытком.

* * *

На заре они продолжили поход, держась по обочинам дороги, в готовности спрятаться в лесу при первом же сигнале высланных вперед разведчиков. Темп взяли чуть более быстрый, чем накануне. Рин хотелось направиться прямо к Улью, но Суцзы зигзагом начертил на карте обходной маршрут, по которому они обогнут главные скопления противника и доберутся до центра только под конец.

– Но тогда они точно узнают о нашем приближении, – сказала Рин. – Разве весь смысл не в том, чтобы нагрянуть в Лэйян внезапно?

Суцзы покачал головой:

– Нет, максимум дней через пять они узнают, что мы здесь. Дальше мы не сумеем держать свое приближение в тайне, так что лучше нанести несколько хороших ударов, пока можем.

– Тогда какой смысл во всех этих мерах предосторожности?

– Сама подумай, принцесса. Они знают, что мы приближаемся. Но это все, что они знают. Они не знают, сколько нас. Может, нас всего десять? А может, и миллионная армия. Они поня-

тия не имеют, чего ожидать, по какому суставу мы нанесем удар. Попробуй к такому подготовься.

Конечно, в Синегарде Рин учили думать, как враг. Но она всегда считала, что это важно при стратегии доминирования. Каков лучший вариант врага в текущих обстоятельствах? И как к нему подготовиться? Но она не особо размышляла о том, что так занимало Суцзы – страхе, осторожности, тревоге, иррациональности. Однако в войне с неясными и неравными силами именно это стало первостепенным.

Так что, когда Коалиция южан наталкивалась на мугенских солдат, люди Рин либо скрывались в лесу, наблюдая, как те проходят мимо, если мугенцы ничего не замечали, либо Железные волки прибегали к той же тактике, что и в первый раз. А когда армия проходила мимо оккупированных деревень, делали почти то же самое – осторожно выжидали или наносили удар малыми силами, чтобы добиться незначительных тактических целей, не вступая в настоящее сражение.

Через восемь дней, после многочисленных схваток, Рин уже знала все излюбленные приемы Суцзы. Почти все они основывались на хитрости, и некоторые были гениальными. Железные волки обожали подстерегать небольшие отряды мугенцев, всегда по ночам и в разных местах. Когда мугенцы возвращались с более крупными силами, партизан уже и след простыл. Устраивая засады, они притворялись нищими, крестьянами и деревенскими пьяницами. Специально разбивали фальшивые полевые лагеря, чтобы привлечь патрули. Больше всего Суцзы любил одну уловку: он посылал на поля рядом с лагерем мугенцев отряд Железных волков, состоящий только из разодетых в самые кричащие и смелые наряды девушек. И конечно, их немедленно пытались изнасиловать. Но девушек с ножами и огненными ракетами уложить куда труднее, чем обычную добычу мугенских солдат.

– Ты обожаешь притворяться слабаком, – заметила Рин. – Это всегда работает?

– Почти всегда. Мугенцев страшно привлекают легкие цели.

– И они до сих пор ничему не научились?

– Насколько я заметил, нет. Понимаешь, они же задиры. И ожидают увидеть перед собой слабака. Они так убеждены, что мы примитивные, трусливые животные, что даже не удосуживаются в этом усомниться. Им не хочется верить, что мы способны дать сдачи, вот они и не верят.

– Но ведь мы и правда по-настоящему не даем сдачи, – сказала Рин. – Просто досаждаем им.

Суцзы понимал, что она не в восторге от такой осторожной кампании, – они сражались вполсилы, провоцируя из-за угла, вместо того чтобы встретиться с врагом лицом к лицу. Такая тактика шла вразрез со всеми принципами, которым ее учили. Рин учили побеждать, причем так, чтобы предотвратить возможную контратаку. А Суцзы заигрывал с победой, но никогда не доводил дело до конца. Оставлял все шахматные фигуры на доске, словно собака, закапывающая кости, чтобы полакомиться ими позже.

Однако Суцзы упорствовал в убеждении, что она по-прежнему мыслит неверно.

– У тебя нет нормальной армии. Ты не сможешь войти в Лэян и разделаться с врагами, как когда дралась за Республику.

– Нет, могу, – возразила Рин.

– У тебя хорошо получается в девяти случаях из десяти, принцесса. А потом случайная стрела или копье найдет путь к твоему виску, и твоя удача закончится. Не рискуй, действуй осторожно.

– Я ненавижу постоянно убегать.

– Мы не убегает. Ты не понимаешь. Мы просто путаем им все планы. Задумайся о том, как изменятся все твои расчеты, если бы ты была на той стороне. Придется изменить расписание патрулей в ожидании атак, но ты все равно не сумеешь предугадать, когда они произой-

дут. Это действует на нервы. Не зная, что тебя ожидает, ты не сможешь толком отдохнуть или выспаться.

– Так твой план в том, чтобы утомить их до смерти, – вставил Катай.

– Разложение войск – отличное оружие, – ответил Суцзы. – Не стоит его недооценивать.

– Я и не собираюсь, – сказала Рин. – Но выглядит так, будто мы постоянно отступаем.

– В том-то и дело, что возможность отступать есть только у тебя. А у них – нет, они застряли в оккупированных поселениях, потому что не могут их отдать. Попробуйте об этом задуматься, вы оба. Ваша модель войны больше не годится. В Синегарде вас учили вести крупные подразделения в масштабные битвы. Но такого больше нет. Можно только нападать на изолированные группы, снова и снова, и мешать им укрепляться. Приходится сражаться мелкими отрядами с широкими возможностями. А крупных сражений в открытом поле нужно избегать как можно дольше.

– Все это – полное безумие. – Катай закатил глаза, а его лицо приобрело слегка напуганное выражение, как бывало всякий раз, когда он размышлял над новой концепцией. Рин почти слышала, как скрежещет его мозг. – Противоречит практически всему, что говорили о военном деле классики.

– Не совсем, – сказал Суцзы. – Какова главная теорема войны у Сунь-цзы?

– Покоряйте врага, не вступая в сражение, – машинально отозвался Катай. – Но это же неприменимо к...

– А что это значит? – перебил его Суцзы.

– Это значит, что нужно победить врага, показав ему безусловное превосходство, – нетерпеливо откликнулась Рин. – Если не в численности, то в технологиях или позиции. Нужно заставить врага осознать, насколько он жалок, чтобы он сдался без борьбы. Избавить свои войска от сражения и занять поле битвы. Проблема лишь в том, что они ни в одном смысле не выглядят жалкими по сравнению с нами. Так что ничего не выйдет.

– Но Сунь-цзы имел в виду совсем другое.

Суцзы выглядел раздражающе самодовольным, как учитель, ожидающий, когда же, наконец, недалекий ученик найдет правильный ответ.

– И что же, половина текста написана невидимыми чернилами? – потерял терпение Катай.

Суцзы поднял руки.

– Слушайте, я ведь тоже был в Синегарде. И знаю, как работает ваш мозг. Но вас готовили к нормальной войне, а эта не такая.

– Тогда будь добр, объясни, какая же она, – сказал Катай.

– Ты не сумеешь разом собрать превосходящие силы, так что приходится действовать потихоньку. Стремительные операции. Ночные вылазки. Хитрость, внезапность и все такое – то, чем мы сейчас и занимаемся. Вот как можно получить выигрышную позицию, или как там еще назвал бы это Сунь-цзы. – Суцзы сдвинул ладони, как клещи. – Вы налетаете на врага, как муравьи на раненую крысу. Расчленяете его по крохотным кусочкам. Никогда не сражаетесь в полную силу, просто истощаете врагов. Проблема Синегарда в том, что там учат драться с древним врагом. Все рассматривается глазами Красного императора. Но больше этот метод не работает. Не сработал против мугенцев, даже когда у вас была армия. Больше того, в Синегарде считали, что враг будет чужеземным завоевателем. – Суцзы ухмыльнулся: – Там не учили, как иметь дело с мятежом.

* * *

Вопреки изначальному скептицизму, Рин пришлось признать, что тактика Суцзы работает. И они продолжали в том же духе. Чем ближе они подбирались к Лэйяну, тем больше

получали разведданных и припасов, при этом мугенцы в Лэйяне, судя по всему, так и не узнали об их приближении. Суцзы планировал атаки так, чтобы даже выжившие мугенцы не сумели доложить, сколько было нападавших – десять или двадцать, и размер армии никто не знал. А если Рин приходилось вызывать огонь, она заботилась о том, чтобы не оставлять свидетелей.

Но удача не могла длиться вечно. Тактика Суцзы годилась для небольших целей – деревушек с не более чем пятьюдесятью мугенцами в обороне. Однако Лэйян был одним из крупнейших городов провинции. Все больше сведений указывало на то, что там тысячи мугенцев.

Нельзя обмануть многотысячную армию примитивными трюками. Рано или поздно придется столкнуться с врагом лицом к лицу и дать бой.

Глава 5

На двадцатый день, после бесконечного хождения кругами по предательским лесным тропам, они добрались до обширной равнины с красными колосьями сорго. На фоне окружающих диких, заросших полей и редких умирающих деревьев по обочинам аккуратное ухоженное поле выглядело как красный флаг с предупреждением.

Армии обрабатывают поля, только если устраиваются в оккупированном районе надолго. А значит, войско Рин достигло края Улья.

Солдаты хотели в ту же ночь напасть на Лэйян. В предыдущие два дня они шли не спеша – лесные тропы не позволяли двигаться быстрее. Они были полны едва сдерживаемой энергии и ярости. И жаждали крови.

Лишь Суцзы никуда не торопился.

– Сначала нужно наладить связь с местными лидерами сопротивления.

– Ладно. И где же они? – подколола его Рин.

– Ну... – Суцзы почесал ухо. – Внутри.

– Ты что, рехнулся?

– Больше всего от вашего «освобождения» страдают гражданские, – сказал Суцзы. – Или ты не берешь в расчет потери в Худле?

– Слушай, мы ведь освободили Худлу...

– И сожгли храм, полный мирных жителей, – напомнил Суцзы.

– Думаешь, я не в курсе? Нужно их предупредить.

– Слишком рискованно, – сказал Катай. – Мы не знаем, сколько среди них предателей. Если тебя увидит не тот человек, мугенцы все равно расправятся с жителями.

– Никто не донесет о нашем появлении, – заверил Суцзы. – Я знаю этих людей. Их верность тверда, как густа их кровь.

– И ты готов рискнуть жизнью всех наших солдат? – скептически покосилась на него Рин.

– Я рискую жизнью всего населения города. Я привел тебя сюда, спирка. Доверься мне еще ненадолго.

И в результате Рин пошла вместе с Суцзы прямо в центр Улья, одевшись в крестьянские обноски, без меча и без поддержки. Суцзы обнаружил ошибку в патрулировании северного периметра, тридцатисекундный пробел во время смены караула, позволивший им проникнуть с поля в городские ворота незамеченными.

Увиденное в Лэйяне поразило Рин.

Прежде ей не доводилось бывать в оккупированных мугенцами городах, где на каждом углу не лежали бы гниющие штабеля трупов. Где всех жителей без исключения жестокостью не подчинили своей воле.

Но здесь, в Лэйяне, мугенцы устроили нечто вроде оккупационной администрации. И это почему-то наводило еще больше жути.

Жители города были худыми, изможденными и явно измученными, но живыми. И не просто живыми, а свободными. Их не запирали в загонах, они не тряслись от страха в своих домах. Гражданское население, явно никанцы, ходили по городу как ни в чем не бывало, как будто здесь и вовсе нет никаких мугенцев. Рин видела группы людей с крестьянскими инструментами, которые легко могли бы сойти за оружие, но работники шли на поля без вооруженной охраны. Ближе к центру тянулись длинные очереди к распределительному центру, где – невиданное дело – мугенские войска раздавали ежедневные порции ячменя, а гражданские терпеливо ждали с медными кастрюлями.

Она даже не могла сформулировать вопрос.

– Но как...

– Сотрудничество, – ответил Суцзы. – Именно так большинство и выживает. Мугенцы быстро сообразили, что изначальная политика истребления годится, только пока с острова осуществляются поставки. Острова не стало, так что нет смысла в зачистках. Более того, кто-то должен готовить солдатам и убирать за ними.

Вот так солдаты, потерявшие дом, создали тошнотворный симбиоз со своими жертвами. Мугенцы слились с никанцами в едином сообществе, которое выглядело стабильным и жизнеспособным, хотя и необязательно было мирным.

Повсюду, куда ни падал взгляд, Рин находила свидетельства настороженного сосуществования. Мугенские солдаты ели у лотков с никанскими блюдами. Мугенский патруль сопровождал группу никанских крестьян обратно через городские ворота. Никаких мечей наголо, никаких связанных рук. Все выглядело обыденным. Она даже увидела, как мугенский солдат ласково погладил по голове никанского ребенка, проходя мимо него по улице.

У нее зануло сердце.

Рин не знала, как с этим быть. Она привыкла видеть полную разруху, привыкла к крайностям войны, которая делит все на черное и белое, и теперь не могла свыкнуться с чем-то средним. Каково это – жить, понимая, что над головой занесен меч? Каково это – смотреть мугенцам в глаза день за днем, прекрасно понимая, на что они способны?

Рин старалась не отставать от Суцзы, пока они пробирались по улицам, но тревожно озиралась на каждом перекрестке. Никто не донес на них, никого, похоже, не волновало их присутствие. Время от времени кто-нибудь прищурился, глядя на Суцзы и как будто узнавая его, но никто не произнес ни слова.

Суцзы не останавливался, пока они не дошли до дальней границы города, до маленькой хижины с соломенной крышей, полускрытой за деревьями.

– Старосту Лэйяна зовут Льен Вен. Его невестка – из деревни моей матери. Он нас ожидает.

– Но как?.. – нахмурилась Рин.

– Я же говорил, – передернул плечами Суцзы. – Я знаю этих людей.

Снаружи перед дверью сидела тощая плосколицая девчушка лет семи и молола сорго в ручной каменной ступе. Увидев гостей, она встала и, не сказав ни слова, жестом велела следовать за ней в хижину.

Суцзы подтолкнул Рин вперед:

– Пошли.

Для дома старосты жилье Льена Вена не выглядело роскошным. Внутри едва могли поместиться пять человек, стоя плечом к плечу. Центр комнаты занимал квадратный чайный столик в окружении трехногих стульев. Рин села на ближайший. Неровные поцарапанные ножки ходили ходуном, стоило только пошевелиться. Но это действовало на удивление успокаивающе – бедность выглядела такой знакомой.

– Оружие положите сюда. Приказ отца.

Девочка указала на растрескавшуюся вазу в углу.

Пальцы Рин дернулись к спрятанным под рубахой ножам.

– Но...

– Конечно. – Суцзы сурово покосился на Рин. – Как скажет староста Льен.

Рин с неохотой бросила ножи в вазу.

Девочка на несколько секунд скрылась, а потом вернулась с тарелкой дымящихся булочек из муки грубого помола и поставила ее на столик.

– Ужин, – сказала она и ретировалась в уголок.

Булочки пахли одуряюще аппетитно. Рин уже целую вечность не ела настоящих паровых булочек, в Руйцзине давным-давно кончились дрожжи. Она потянулась за угощением, но Суцзы шлепнул ее по руке.

– Не надо, – прошептал он. – Она и за неделю столько не ест.

– Тогда почему...

– Не трогай. Если ты не притронешься к булочкам, они сами их съедят, но если возьмешь хоть одну и положишь обратно, настоят на том, чтобы забрала все с собой.

Несмотря на урчание в животе, Рин сложила руки на коленях.

– Не думал, что ты вернешься.

В дверном проеме стоял высокий широкоплечий мужчина. Рин так и не смогла определить его возраст – судя по морщинам вокруг глаз и седым усам, он мог быть ровесником ее деда, но прямая спина и поднятый подбородок выдавали воина, который готов сражаться еще десяток лет.

– Староста Льен.

Суцзы встал, сложил ладони и поклонился в пояс. Рин тут же последовала его примеру.

– Садитесь, – проворчал Льен. – В хижине маловато места для суеты.

Рин и Суцзы вернулись на стулья. Староста Льен оттолкнул свой стул в сторону и сел прямо на земляной пол, скрестив ноги, и Рин вдруг почувствовала себя скрючившимся на стуле ребенком.

Староста Льен сложил руки на груди.

– Так, значит, это вы устроили переполох на севере?

– Виновны, – просиял Суцзы. – А следующая цель...

– Хватит, – приказал староста Льен. – Не желаю знать следующую цель. Заберите свою армию, уходите и больше не возвращайтесь.

Суцзы умолк и выглядел явно задетым. Рин нашла бы это забавным, если бы происходящее ее не озадачило в той же степени.

– Они считают, что это делают наши люди, – продолжил староста Льен. – Наутро после исчезновения первого патруля они выстроили в шеренгу на площади всех стариков и сказали, что будут убивать одного за другим, пока виновный не признается. Никто не вышел вперед, так что они до полусмерти избили мою мать. Это было неделю назад. Она так и не пришла в себя. Хорошо, если протянет до утра.

– У нас есть лекарь, – сказал Суцзы. – Мы приведем его к тебе или можем перенести ее в наш лагерь. Наши люди рядом, в полях, и могут войти в город уже ночью...

– Нет, – твердо ответил староста Льен. – Вы развернетесь и исчезнете. Мы знаем, чем заканчиваются такие истории, и не хотим пострадать от последствий. Покорность – единственный способ выжить.

– Покорность? – Суцзы предупреждал Рин, чтобы не вмешивалась, но она не сдержалась. – Так вы называете рабство? Вам нравится ходить по улицам, потупив взгляд и съеживаясь, когда они к вам приближаются, лизать их сапоги, чтобы завоевать расположение?

– Все в городе выжили, – сказал староста Льен.

– Значит, у вас есть солдаты, – возразила Рин. – И вы должны драться.

Староста Льен просто внимательно посмотрел на нее усталыми, обрамленными морщинами глазами.

В долгой тишине Рин впервые заметила на его руках длинные шрамы. Другие шрамы змеились по шее. Такие шрамы оставляет не хлыст, а нож.

Под его взглядом она почувствовала себя совсем крошечной.

– А ты знаешь, что девушек с самой темной кожей они сжигают живьем? – наконец спросил Льен.

Рин вздрогнула:

– Что?!

И тут в голове медленно созрело кошмарное объяснение еще до того, как староста Льен произнес его вслух:

– Мугенцы рассказывают о тебе разные истории. Они знают, что случилось с островом в форме лука. Знают, что это сделала темнокожая девушка с алыми глазами. И знают, что ты где-то рядом.

Конечно, они знают. Двадцать лет назад они перерезали всех спирцев, и мифы о темнокожем народе с алыми глазами, который умеет вызывать огонь, до сих пор рассказывают молодому поколению. И конечно, они слышали, о чем шепчутся на юге. Говорящие по-никански мугенские солдаты слышали рассказы о богине во плоти и понимали, почему не могут вернуться домой. Они мучительно желали узнать подробности. И очень скоро выяснили, кто их главная цель.

Но до нее мугенцы добраться не могли, так что хватали всех, кто хоть отдаленно на нее похож.

В сердце Рин словно ножом вонзилась вина.

И тут она услышала скрежет стали о сталь, подскочила и обернулась. Сидящая в углу девушка возилась с их оружием.

Староста Льен оглянулся через плечо:

– Не трогай.

– Ничего страшного, – мягко проговорил Суцзы. – Ей нужно знать, как обращаться со сталью. Тебе нравится нож?

– Да, – сказала девочка, покачивая нож на одном пальце.

– Тогда оставь его себе. Он тебе понадобится.

Девочка уставилась на него.

– Вы солдаты? – спросила она.

– Да, – ответил Суцзы.

– Тогда почему вы не в форме?

– Потому что у нас нет денег, – во все зубы улыбнулся Суцзы. – Может, ты сошьешь нам форму?

Девочка пропустила вопрос мимо ушей.

– Мугенцы ходят в форме.

– Верно.

– Значит, у них больше денег, чем у вас?

– Но не будет, если мы с твоим папой этому помешаем. – Суцзы снова повернулся к старосте Льену: – Прошу вас, староста. Просто выслушайте нас.

Староста Льен покачал головой:

– Я не могу рисковать, навлекая на людей кару.

– Никакой кары не будет.

– Как вы можете дать гарантию?

– Потому что все рассказы обо мне – правда, – вмешалась Рин.

По ее рукам и плечам танцевала рябь огня, отбрасывая на лицо длинные тени. И это придавало ей нечеловеческий облик.

На лице старосты Льена мелькнуло удивление. Рин догадалась, что, несмотря на все слухи, он до сих пор не верил в ее способности. И она его понимала. Трудно поверить в богов, поверить по-настоящему, пока не столкнешься с ними лицом к лицу.

Она заставила мугенцев поверить. И его тоже заставит.

– Они убивают тех девочек, потому что боятся, – сказала она. – А как же иначе? Я потопила остров в форме лука. Я могу уничтожить все вокруг себя в радиусе пятидесяти шагов. Когда мы атакуем, все будет не так, как раньше. Ни одного шанса на поражение, никакого возмездия не будет, потому что я не проигрываю. У меня есть бог. Нужно лишь отвести людей подальше. Остальное мы сделаем сами.

Челюсть старосты Льена уже не выглядела такой твердой и упрямой. Рин поняла, что победила. Видела по его глазам – он впервые задумался о чем-то, кроме покорности. Задумался о вкусе свободы.

– Вы можете устроить им засаду у северной границы города, – наконец сказал он. – Там живет мало людей, и мы сумеем их увести. Высокий тростник вас прикроет, а на одном этом поле разместится пятьсот человек. Они не узнают о вашем приближении, пока вы сами не покажетесь.

– Понятно, – отозвался Суцзы. – Спасибо.

– Но у вас будет мало времени, чтобы занять позицию. Каждые несколько часов они высылают отряд с собаками и обыскивают поля.

– Вычесывают вшей из волос, – сказала девочка. – Так они это называют.

– Тогда мы будем умными вшами, – произнес Суцзы. В его голосе явно слышалось облегчение. Теперь это уже были не переговоры, теперь они обсуждали стратегию. – И сколько у них людей?

– Около трех тысяч, – сказал староста Льен.

– Довольно уверенная оценка, – заметила Рин. – Откуда вы знаете?

– Мы же снабжаем их зерном. И знаем, сколько они едят.

– И вычисляете это по количеству зерна?

– Простая арифметика. Мы же не дураки.

Рин потрясенно поерзала.

– Ладно. Значит, три тысячи.

– Мы можем выманить их на две сотни шагов от города, если разделимся и отведем людей в поля, – предложил Суцзы. – Рин их не достанет и...

– Нет, – отрезал староста Льен. – Четыре сотни шагов.

– Может не получится, – сказала Рин.

– Так сделайте так, чтобы получилось. Деритесь подальше от города.

– Я поняла, – сказала Рин, и ее голос отвердел. – Вы хотите дождаться освобождения, но при этом не пострадать.

Староста Льен встал, ясно показывая, что разговор закончен.

– Если вы проиграете, они придут за нами. И вы знаете, на что они способны.

– Это не имеет значения, – сказала Рин. – Мы не проиграем.

Староста Льен не ответил. Он молча и осуждающе следовал за ними взглядом, пока они не покинули хижину. Его дочь все так же позвякивала ножами, что-то мурлыкая себе под нос.

– Хорошо прошло, – пробормотала Рин.

– Еще как, – просиял Суцзы.

– Чему ты так радуешься? Он сделал задачу для нас в десять раз труднее и ничего не дал взамен...

– Неправда. Он дал нам разрешение.

– Разрешение? На кой нам сдалось его разрешение?

– Разрешение всегда нужно. – Суцзы остановился. Улыбка сползла с его лица. – Каждый раз, когда ты ведешь сражение у какого-нибудь города, ты ставишь под угрозу жизнь невинных людей. Твоя обязанность – их предупредить.

– Слушай, если бы все армии так себя вели...

– Нет, это ты послушай. Ты ведешь войну не за землю, а за людей. И если научишься им доверять, они станут твоим самым лучшим оружием. Будут твоими глазами и ушами. Естественным продолжением армии. Но никогда не подвергай людей опасности против их воли. Поняла?

Он не сводил с Рин глаз, пока она не кивнула.

– Вот и хорошо, – сказал он и быстро зашагал к воротам.

Рин поспешила следом.

Кто-то поджидал их в тени.

Рин вызвала в ладонь пламя, но Суцзы схватил ее за локоть:

– Не надо. Это друг.

Человек у ворот и впрямь оказался никанцем. Нетрудно догадаться – драная и выцветшая одежда болталась на исхудавшей фигуре. Никто из мугенцев не голодал.

Он был юн, почти мальчишка. И едва скрывал восторг, увидев их. После одного лишь взгляда на Рин его лицо вспыхнуло румянцем.

– Ты и есть спирка?

Что-то в его лице показалось Рин знакомым – густые брови, широкие плечи. Он вел себя как прирожденный лидер, уверенно и решительно.

– Ты сын старосты Льена, – догадалась она. – Верно?

– Виновен, – отозвался он. – Льен Цинень. Рад встрече.

– Иди сюда, паршивец. – Суцзы схватил Циненя за руку и крепко обнял. – Отец в курсе, что ты здесь?

– Отец считает, что я до сих пор скрываюсь в лесу. – Цинень повернулся к Рин: – Так ты и правда спирка? А ты ниже ростом, чем я думал.

– Вот как? – ошетилилась Рин.

Он раскинул руки:

– Нет-нет, я не... Я... Ох... – Он несколько раз моргнул. – Прости. Я столько о тебе слышал и ожидал... Не знаю, чего я ожидал. Просто рад наконец познакомиться.

Рин поняла, что он не хотел грубить, просто нервничал. Выражение ее лица смягчилось.

– Да, я спирка. А ты здесь, потому что...

– Я твой союзник.

Цинень быстро пожал ей руку.

Его ладони были скользкими от пота. Он вытаращился на Рин, слегка приоткрыв рот, словно только что увидел, как она спустилась с небес по лестнице из облаков. Потом поморгал и откашлялся.

– Мы поможем вам сражаться. Я приведу людей, только отдай приказ, и мы...

– Вы не сдвинетесь с места, – сказал Суцзы. – Ты знаешь, что потребовал твой отец.

Лицо Циненя презрительно скривилось:

– Мой отец – трус.

– Он лишь пытается сохранить всем вам жизнь, – возразил Суцзы.

– Жизнь? – нахмурился Цинень. – Он приговорил нас к жизни в аду. Он думает, будто подчинение их разжалобит, но не желает слышать о том, что происходит в окрестных деревнях. Не хочет знать, как мугенцы обращаются с женщинами. Или ему все равно. – Он сжал кулаки. – В тридцати милях отсюда деревенские попытались спрятать девушек на ближайшей шахте. Узнав об этом, мугенцы закрыли все выходы, и за три дня девушки задохнулись. Когда деревенские наконец забрали трупы, пальцы у них были переломаны и окровавлены – девушки пытались выбраться. Но отец не понимает. Он стал... После смерти моего брата он стал... – Его кадык дернулся. – Он не прав. Мы здесь не в безопасности и никогда не будем. Позвольте нам драться рядом с вами. Если мы погибнем, то хотя бы умрем как мужчины.

Рин поняла, что дело не в разрешении, Суцзы ошибался.

Цинень будет драться, согласятся они или нет. Он просто сообщал об этом. После всего, что ему довелось увидеть, ему хотелось получить прощение за то, что остался в живых, и он мог получить это прощение, только поставив на кон собственную жизнь. Рин было знакомо это чувство.

– Ты и твои друзья – не солдаты, – напомнил Суцзы.

– Но можем ими стать. Или ты думаешь, что мы будем отлеживаться, дожидаясь, пока нас спасут? Я рад тебя видеть, брат, но мы уже начали сражения без вас. Мы вам нужны. Мы уже все подготовили для вас, все устроили...

– Что?! – Суцзы бросил на него резкий взгляд. – Что это вы подготовили?

– Все, что боялся сделать отец. – Цинень гордо вскинул голову. – Мы знаем расписание всех их патрулей поминутно. Все записано шифром, который они не сумеют прочитать. Мы посылаем сигналы деревенским, и они точно знают, когда бежать, а когда прятаться. Мы снабдили каждую семью оружием. Делаем ножи из штырей или крестьянских инструментов, которые потихоньку таскаем из сараев. Мы готовы к сражению.

– Если они об этом узнают, то всех перебьют, – сказал Суцзы.

– Мы не боимся, – насупился Цинень. – Видели мою младшую сестру?

– Ту девчушку в хижине? – спросила Рин.

Он кивнул.

– Она тоже с нами. Мугенцы заставили ее работать в столовой, как и всех остальных детей, так время от времени она подсыпает то в одну, то в другую миску горсть болиголова. Особого ущерба от него нет – только рвота и понос, но это их ослабляет, и никто не подозревает ее.

Глядя на лицо Циненя, такое пылкое и отчаянное, Рин не могла не чувствовать смесь жалости и восхищения. Его храбрость поражала. Эти люди живут в драконьем логове и каждый день рискуют жизнью, готовя восстание, в котором, как наверняка им известно, они не смогут победить.

Но почему они все-таки надеются на успех? Они же просто крестьяне и дети. Мелкие акты сопротивления лишь разъярят мугенцев, но не прогонят их.

Может, в таких обстоятельствах сопротивление, пусть и бессмысленное, это единственный способ выжить?

– Мы вам поможем, – настаивал Цинень. – Только скажите где и когда.

Ей отчаянно хотелось сказать «да». Цинень может пригодиться. Легко сражаться, пустив вперед пушечное мясо. Даже самый опытный командир с готовностью выиграет несколько секунд или даже минут, бросив на врага заслон из тел.

Но Рин не могла забыть тот взгляд старосты Льена.

Теперь она уже знала цену войны на юге. И прочитала на лице Суцзы: «Даже не думай».

Она понимала, что если сейчас поступит неправильно, то потеряет поддержку и старосты Льена, и Железных волков.

– Суцзы прав. – Рин протянула руку и тронула плечо Циненя. – Это не ваша битва.

– Вот уж нет, – огрызнулся Цинень. – Здесь мой дом.

– Я знаю. – Она постаралась говорить искренне. – И тебе лучше всего позаботиться о безопасности горожан, пока мы атакуем.

Цинень явно пал духом.

– Но это же мелочи.

– Нет, – сказал Суцзы. – Это самое главное.

К тому времени как Рин и Суцзы добрались до лагеря, уже настал вечер. Атаковать собирались на закате следующего дня. Сначала возникла мысль ударить немедленно, под покровом темноты, прежде чем просочатся слухи об их прибытии. Но решили дождаться следующего вечера – старосте Льену нужно было время, чтобы эвакуировать горожан, а армии юга требовалось освоиться на местности и разместить войска на полях оптимальным образом. Следующие часы офицеры провели склонившись над картами и отмечая точки атаки.

Уже далеко за полночь они наконец разошлись на отдых. Вернувшись в шатер, Рин обнаружила на своей дорожной сумке тонкий свиток пергамента.

Она протянула руку, замерла и отдернула ее. Что-то тут не так. Никто в лагере не получал личных посланий. У Коалиции южан был лишь один почтовый голубь, и он мог только отнести сообщение в Анхилуун, в один конец. Чутье подсказывало, что это ловушка. Свиток может быть смазан ядом – в древности этот трюк провернули на бесчисленном количестве никанских генералов.

Она поднесла к свитку ладонь с крохотным огоньком, освещая его с разных углов. Но не увидела ничего опасного – ни тонких игл, ни темных пятен по краям. И все-таки натянула зубами рукав на ладонь, а уж потом взяла свиток и развернула. И чуть не выронила.

На восковой печати красовался дракон семьи Инь.

Рин медленно выдохнула, пытаясь утихомирить бешено колотящееся сердце. Это какая-то шутка, чей-то несмешной трюк, и шутники понесут наказание.

Записка была нацарапана неровным детским почерком, иероглифы расплылись и наезжали один на другой, пришлось прищуриться, чтобы прочесть.

Здравствуй, Рин!

Меня попросили написать это собственноручно, хотя не уверен, что ты узнаешь почерк – после твоего отъезда я почти не учился писать.

«Не смешно», – пробормотала Рин себе под нос.

Но она уже знала, что это не шутка. Никто в лагере этого не сделал бы. Никто не знал.

Это Кесег, если ты еще не поняла. Я уже некоторое время сижу в тюрьме Нового города и сам в этом виноват – по глупости похвастался тем, что ты моя сестра и я тебя знаю, об этом донесли охране, и вот я здесь.

Прости за все, мне правда жаль.

Твой друг сказал, что это будет несложно. Велел сказать тебе, что я выйду на свободу, как только ты появишься в Новом городе, но если ты приведешь с собой армию, мою голову выставят над городскими воротами. Он сказал, что нет нужды в кровопролитии, он просто хочет поговорить. И не хочет воевать. Он готов помиловать всех твоих союзников. Ему нужна только ты.

Хотя, признаться честно...

Остальная часть послания была вычеркнута жирными черными линиями.

Рин свернула свиток и выбежала из шатра.

– Кто это доставил? – спросила она у первого попавшегося под руку часового.

Тот непонимающе уставился на нее:

– Что именно?

Рин помахала перед ним свитком.

– Это было в моей дорожной сумке. Кто-то тебе это передал?

– Нет...

– Ты видел, чтобы кто-то рылся в моих вещах?

– Нет, но я только что заступил в караул, спросите Гиньсенья, он стоял здесь в карауле три часа и наверняка... Что с вами, генерал?

Рин не могла унять дрожь.

Нэчжа знает, где она. Знает, где она спит.

– Генерал? – снова спросил часовой. – Что-то случилось?

Рин скомкала свиток в кулаке.

– Найди Катая.

* * *

- Дерьмово, – сказал Катай, опуская письмо.
- Еще бы, – отозвалась Рин.
- Оно настоящее?
- В каком смысле?
- В смысле, а вдруг это фальшивка? Вдруг это не Кесеги?
- Не знаю, – призналась она. – Понятия не имею.

Она не могла утверждать, что это точно почерк Кесеги. Откровенно говоря, Рин даже не знала, умеет ли Кесеги читать, ведь ее сводный брат редко посещал школу. И понять, сам ли он сочинил слова, она тоже не могла. Конечно, она могла вообразить, как он это произносит, как сидит за столом, с кандалами на запястьях, и лицо его дрожит, пока Нэчжа диктует слова, одно за другим. Но откуда взяться уверенности? За много лет Рин едва перемолвилась с Кесеги парой слов.

- А если это фальшивка?
- Не знаю, стоит ли отвечать, – сказала Рин как можно спокойнее. – В любом случае.

До прихода Катай она уже поразмышляла над вариантами. Взвесила цену жизни своего брата и решила, что им можно пренебречь.

Кесеги – не генерал, даже не солдат. Нэчжа не станет пытками вытаскивать из него информацию. Кесеги не знает ничего существенного ни о Коалиции южан, ни о Рин. Он знает лишь девочку, которую она давным-давно убила в Синегарде, наивную продавщицу из Тикани, оставшуюся лишь в подавленных воспоминаниях.

- Рин. – Катай положил ладонь на ее руку. – Ты хочешь его забрать?

Рин ненавидела этот взгляд, полный жалости, словно он вот-вот разрыдается. От этого взгляда она чувствовала себя такой уязвимой.

Но именно этого Нэчжа и добивался. Она не позволит себе расстраиваться. Нэчжа и раньше манипулировал ее чувствами. А цыке погибли из-за ее сентиментальности.

– Дело не в Кесеги, – сказала она, – а в войсках Нэчжи. И в его длинных руках. Ведь как-то же он проник в мой шатер, Катай. И что, мы просто об этом забудем?

- Рин, если тебе нужно...

– Нам стоит обсудить, не привел ли Нэчжа армию на юг. – Ей просто нужно было продолжать разговор, перевести его в другое русло, она боялась чувств, распирающих грудь. – Хотя я не думаю, что такое возможно. Венка передает, что он повел отцовскую армию в провинцию Тигр. Но если они на юге, то скрываются так хорошо, что ни единый наш разведчик не заметил ни войск, ни дирижаблей, ни обоза.

– Вряд ли он на юге, – сказал Катай. – Скорее, просто играет с тобой. Собирает информацию и хочет посмотреть, как ты ответишь.

- Он не получит ответ. Мы не клюнем на приманку.

- Можем это обсудить.

– Нечего тут обсуждать, – отрезала Рин. – Это письмо – подделка. А условия Нэчжи – нелепы.

Она сжала свиток в пальцах. Остальное послание было написано гладким и элегантным почерком Нэчжи.

Здравствуй, Рин!

Нам пора поговорить.

Мы оба знаем, что от войны никому нет пользы. Нашу страну раздирает надвое. Наша родина страдает от войны, от природных

катаклизмов и бессмысленного зла. Сейчас Никан столкнулся с самым большим вызовом в истории. И за нами наблюдают гесперианцы, дожидаясь, станем ли мы сильнее или превратимся в очередных рабов, которых они могут эксплуатировать.

Я понимаю, за что ты их ненавидишь. Я не слепец и вижу их намерения, но не позволю им превратить нашу Республику в место для добычи ресурсов. Я не отдам нашу страну в руки чужаков. И знаю, что и ты этого не желаешь.

Прошу тебя, Рин, будь разумной. Ты должна быть на моей стороне. И ты нужна мне.

Он перечислил простые и невозможные условия. Мирное соглашение, полное разоружение и демобилизация, и тогда Кесеги вернется в обмен на Рин. Коалиция южан будет представлена самой себе или присоединится к республиканской армии, если пожелает.

Нэчжа не уточнил, что произойдет с Рин. Она подозревала, что ей будут каждый час давать лауданум и держать на операционном столе.

– Я ведь еще в своем уме, правда? – сказала она. – Это ведь ловушка, да?

– Не уверен, – отозвался Катай. – Думаю, Нэчже все-таки хочется оставить тебя в живых – в каком-то смысле. Он может попытаться уговорить тебя...

– Гесперианцы ни за что не позволят мне остаться на свободе.

– Если принять слова Нэчжи за чистую монету, похоже, он хочет бросить вызов гесперианцам.

Рин фыркнула:

– Ты и впрямь веришь, что он на такое способен?

– Не знаю... Семья Инь привыкла иметь дело с чужаками в гораздо большей степени, чем кто-либо еще из никанской знати. Потому они и купаются в серебре. Их вполне устроит роль управляющих при голубоглазых демонах. Но Нэчжа...

– Нэчжа – шаман.

– Да.

– И ты думаешь, что гесперианцы знают.

– Я думаю, Нэчжа понимает, что не сможет жить в мире, которым правят гесперианцы, – сказал Катай. – В этом мире его считают мерзостью. По их представлениям о мировом порядке, Нэчжа должен умереть, как и ты.

Не на это ли намекал Нэчжа? Что он переменял свое мнение о шаманах? Что, если Рин будет на его стороне, он сумеет разрушить альянс, выкованный отцом?

– Но я уже спорила на эту тему с Нэчжей, – сказала она. – Он считает, что гесперианцы правы. Что шаманы – мерзость и нам лучше умереть. Вот только он не может умереть.

– И значит, мы возвращаемся к началу. Мы понятия не имеем, что означает его письмо. И у нас нет причин доверять Нэчже.

Рин вздохнула:

– Так каков же будет наш ход в таком случае?

– Давай лучше начнем с того, что делать с твоим братом.

– Сводным братом, – поправила его Рин. – И я уже сказала – мы ничего не будем делать.

– Почему ты даже не хочешь это обсудить?

– Потому что он всего лишь мой брат.

Рин беспомощно уставилась на Катая.

– А я – последняя надежда всего юга. Какой, по-твоему, меня запомнят, если я брошу юг на произвол судьбы ради одного человека?

Катай открыл рот, помедлил и закрыл его. Рин понимала, что сейчас его разум бешено работает, Катай пытается найти способ спасти Кесеги, обмануть Нэчжу или найти причину, по которой одна жизнь может стоить, как тысячи.

Но так и не нашел ни одной причины. Рин прекрасно это понимала, но любила Катая за то, что он пытался.

– Пожалуйста, – сказала она, – просто забудь об этом.

И она была благодарна Катаю за то, что спорить он не стал.

– Тогда нам предстоит выиграть сражение. – Катай вернул ей свиток. – И думаю, мы оба согласны, что не стоит показывать письмо кому-то еще.

Рин поняла намек. Коалиция южан не должна об этом узнать. Ни Суцзы, ни Чжудень и, уж конечно, ни Гужубай. Предложение могло показаться чрезвычайно привлекательным – даже ей оно казалось заманчивым, она даже готова была пожертвовать собой, если бы не была так уверена, что все это ложь.

Если о письме станет известно, начнутся внутренние распри. Наместник провинции Обезьяна многому научил ее относительно политики юга. Письмо должно остаться в тайне.

– Конечно, – сказала она.

Рин вызвала в ладонь под свитком огненный шар. На мгновение слова Нэчжи вспыхнули ярко-красным. Края пергамента почернели, съежились, а потом свернулись, словно лапы умирающего паука.

Следующие несколько часов Рин пыталась урывками поспать. Она не понимала зачем – ведь ей никогда не удавалось заснуть накануне сражения. В конце концов она сдалась и остаток ночи до рассвета разгуливала по лагерю, дожидаясь восхода солнца. Она просто не могла сидеть на месте, погрузившись в раздумья, терзаться, перебирая варианты – жив ли еще Кесеги, говорит ли Нэчжа правду, следует ли ответить на письмо или забыть о нем.

Нужно было на что-то отвлечься. Ей нужно было сражение.

Позиция выглядела неплохо. Войска разделили на четыре ударные группы. Эскадрон, который вела сама Рин, возглавит атаку и будет удерживать мугенских солдат около поля сорго, пока два эскадрона поменьше обогнут мугенцев с флангов и образуют треугольный клин между городом и полем битвы. Железные волки Суцзы, четвертый эскадрон, проделают бреши в обороне врага с тыла, помешав им двинуться в сторону зоны эвакуации горожан.

Весь день без перерыва шла подготовка. Благодаря Льену теперь они располагали полезными сведениями. Рин точно знала, где спят мугенцы. Где они едят. Где и когда ходят патрули. Вылазка прямо как по учебнику, словно вопрос на экзамене в Синегарде.

Когда солнце начало скатываться к горизонту, Рин отдала последние распоряжения и отправила командиров по местам. План нужно было исполнить как по часам. Избежать встречи с патрулями, когда те делают обход. На картах точно вычертили местность. Все командиры эскадронов знали сигналы и расписание.

Единственным камнем преткновения осталась форма.

Староста Льен потребовал, чтобы они были в форме и тем самым отличались от горожан. Рин возразила, что у них нет формы.

– Это нелегко, – согласился Льен. – Но найдите какую-нибудь форму, или атака отменяется.

Договорились о головных повязках – тонких полосках ткани, повязанных вокруг лба. Но за час до атаки командиры эскадронов доложили, что ткани не хватит на всех. Солдаты и так уже ходили в обносках, ткань просто неоткуда было достать. Чжудень предложил Рин нарезать полосы от штанин.

– Забудь, – проворчала Рин. – Просто атакуйте.

– Так нельзя, – возразил Суцзы. – Ты же обещала.

– Это идиотизм! Кому есть дело до формы ночью?

– Например, мугенцам, – сказал Катай. – Им невыгодно убивать рабочую силу. Мелочь, но ты можешь это сделать. От этого может зависеть, будет трупов десять или тысяча.

В конце концов солдаты вымазали лица ярко-красной глиной из ближайшего ручья. От каждого прикосновения глина оставляла на одежде красные разводы и запекалась на коже сухими ломкими полосами, которые не сходили без воды.

– Выглядим по-дурачки, – констатировала Рин, осматривая ряды солдат. – Как играющие дети.

– Нет, мы выглядим как терракотовая армия. – Суцзы провел двумя пальцами по щеке, оставив густой след. – Самая лучшая армия Красного императора, свежее испеченная из южной глины.

Через полчаса после заката Рин пригнулась среди стеблей сорго. В воздухе висел густой запах масла – две тысячи человек позади нее держали в руках истекающие маслом факелы, в готовности зажечь их по ее сигналу. Солдаты Коалиции южан привыкли драться в темноте, как в Худле. Трудно было что-либо разглядеть, зато они получали громадное психологическое преимущество. Появляющаяся из крошечной тьмы армия сеяла панику и смятение.

Но сегодня Рин нужно было хорошо освещенное поле боя. Иначе в хаосе и темноте мугенцы могут наброситься на гражданских. Ей нужно увести врагов в поля, а значит, придется показать, где она находится.

«Ну что, готова, воительница?» – загудел в глубине разума Феникс в полной готовности.

Рин позволила просочиться наружу такой знакомой и теплой ярости, от которой в руке потеплело, как от пламени очага, а в голове мелькали картины разрушений.

Ох, как она жаждала начать битву.

«Я готова».

– Рин!

Она обернулась. Мимо стеблей сорго к ней пробирался запыхавшийся Суцзы, его лицо покраснело.

У Рин екнуло сердце. Суцзы здесь быть не должно. Он должен быть на восточном фланге с Железными волками, готовыми к атаке.

– Что ты здесь делаешь? – зашипела она.

– Подожди, – прохрипел он и согнулся пополам. – Не подавай сигнал. Что-то не так.

– О чем ты? Мы готовы, время пришло...

– Нет. Смотри. – Он порылся в карманах, вытащил подзорную трубу и протянул ей. – Смотри внимательно.

Рин поднесла подзорную трубу к глазу и уставилась на городские стены, пытаясь различить что-либо в темноте.

– Ничего не вижу.

– Чуть западнее. Сразу за полем.

Рин передвинула подзорную трубу. И тут увидела нечто бессмысленное.

Мугенские солдаты столпились у городских стен. И с каждой секундой выходили все новые. Они знали о нападении. Что-то или кто-то им подсказал.

Но они не шли вперед. Не поднимали мечи. Даже не встали в оборонительную позицию, как сделала бы любая армия.

Нет... Оружие было нацелено на городские ворота. Они не защищались от нападения, они не давали выйти горожанам.

И тут Рин поняла их тактику.

Они не собирались сражаться честно. Вообще не намеревались драться с Коалицией южан.

Мугенцы просто взяли весь Лэйян в заложники.

Рин схватила за руку первого попавшегося офицера и прошептала:

– Найди Катая.

Тот стремглав помчался к лагерю.

– Проклятье. – Рин ударила кулаком по колену. – Но как...

– Не знаю. – Лицо Суцзы впервые не излучало уверенность. Он был в ужасе. – Понятия не имею, не знаю, что теперь делать...

Что их выдало? Они готовились с двойной осторожностью. Патрули их точно не видели – солдаты передвигались в идеальном соответствии с расписаниями караулов. Может, кто-то видел, как Рин и Суцзы покидают город? Возможно, но откуда мугенцы прознали, на какое время назначена атака? И что она начнется с севера?

Теперь это уже не имело значения. Даже если в их рядах есть лазутчики, сейчас уже ничего не поделаешь, нужно разбираться с более срочной проблемой.

Мугенцы держат жителей Лэйяна на острие ножа.

Небольшой отряд мугенских солдат начал двигаться в сторону нападавших. Один махал красным флагом. Они хотели начать переговоры.

Рин лихорадочно перебирала варианты, чем все это может закончиться, и не могла придумать ни одного, чтобы спасти и гражданских, и армию южан. Мугенцы потребуют гарантии, что ее войска не вернутся.

Потребуют кровавую жертву. Скорее всего, уничтожат войска Рин в обмен на жизнь горожан.

Рин не знала, стоит ли платить такую цену.

– Что происходит?

Катай. Ну наконец-то! Рин повернулась к нему и начала объяснять обстановку, стараясь не скатиться к паническому лепету, но тут увидела, как лицо Суцзы искажается в ужасе и он тычет пальцем в сторону города.

Секундой позже в воздухе просвистела стрела. Мугенский знаменосец рухнул на землю.

Она машинально обернулась, выискивая в своих рядах солдата с поднятым луком, с еще вибрирующей тетивой. Какой идиот это сделал?

– О боги! – пробормотал Суцзы. Он по-прежнему не сводил глаз с города.

Рин повернулась обратно и решила, что у нее галлюцинации. Как иначе объяснить выходящую из ворот огромную колонну, толпу людей размером почти с армию?

Рин снова поднесла к глазу подзорную трубу.

Цинень. Это наверняка он. Он собрал сопротивление... Нет – судя по всему, собрал весь город. В колонне шли не только способные драться мужчины, но и женщины, старики и даже дети. В руках они несли факелы, бороны, мотыги, кухонные ножи и дубинки, явно смастеренные из ножек от стульев.

И они пошли в атаку.

Они знали, что цена сражения – их жизнь. Рин не станет атаковать, пока их держат в заложниках. Они понимали, что мугенцы заставят ее выбирать.

И приняли решение за нее.

Мугенские лучники развернулись к толпе горожан и начали резню. Командир отдал приказ.

Одно за другим падали тела горожан во главе колонны. Но люди продолжали наступать, переступая через мертвецов, неумолимо напирая, как поток муравьев. Снова посыпались стрелы. И снова полегли трупы. Горожане по-прежнему шли вперед.

Мугенцы стреляли недостаточно быстро, чтобы их сдерживать. Теперь горожан уже встретила сталь, и началась неравная схватка. Солдаты Федерации косили горожан, как только те подходили ближе. Выбивали оружие у них из рук, легко пронзали шею и грудь, ведь жертвы не умели защищаться.

Но горожане продолжали напирать.

На поле выросли груды трупов. Рин в ужасе наблюдала, как клинок врежется в плечо старухи. Но та подняла дрожащие руки, вцепилась в запястье солдата и не отпускала, пока ей в лоб не вошла стрела.

Горожане продолжали напирать.

Суцзы схватил Рин за плечо.

– Чего ты ждешь? – просипел он.

Через канал с душой Катая Рин обратилась к глубинам своего разума, где терпеливо дремал бог.

«Отомсти им», – приказала она.

«Как пожелаешь», – ответил Феникс.

И Рин пошла по полю сорго, чтобы смести все огнем. Она убивала всех подряд без разбора. Превращала людей в пепел – и врагов, и гражданских. Жители Лэйяна встречали огонь с улыбками на губах.

Они сделали выбор. Принесли себя в жертву.

За ней пошли в атаку войска, сверкая клинками в огненной ночи. Они сломали строй, но строй больше ничего не значил, остались только тела, кровь и сталь.

Вот так мы отвоюем юг, думала Рин, пока все вокруг поглощала волна огня. Идти вперед теперь было так легко. Рин не видела лиц, не видела боль. Только смутные контуры.

Они вернут себе юг лишь численным преимуществом. Не мечом, а телами. Мугенцы и Республика сильны, но южан больше. И если южане вышли из грязи, как гласят все легенды, то сокрушат врагов подавляющей силой земли и будут давить до тех пор, пока те еще дышат. Южане закопают врагов под своими телами. Утопят в своей крови.

Глава 6

Потом началась зачистка.

Рин ошалело брела по полю сорго, превратившемуся в ровный покров серого пепла. От ее одежды медленно струились спирали дыма. Она не притрагивалась к опиуму с начала похода, но сейчас ощущала знакомую эйфорию, зуд возбуждения, начинающийся с кончиков пальцев и разливающийся по груди к сердцу.

В Тикани летом повсюду было полно муравьев. Сухость и жара доводили злобных красных созданий до исступления, и они нападали на любого ребенка или животное, встретившиеся на пути. От одного укуса вздувался волдырь, десяток мог быть смертельным. Горожане мстили, поливая муравейники кислотой из подвешенных к длинным жердям кувшинов. Рин вспомнила, как в детстве сидела на корточках с пустыми кувшинами в руках и, прищурившись, наблюдала за разрушенной цивилизацией, пенящейся и сгорающей под солнечными лучами. Она всегда слишком долго выжидала. Ей нравилось слушать шипение кислоты, просачивающейся в самые глубокие муравьиные туннели. Нравилось видеть, как муравьи лихорадочно высыпают наверх, прямо в лужицы кислоты, которые она аккуратно разместила вокруг. Нравилось наблюдать, как они сучат лапками, корчатся и растворяются.

И сейчас она ощущала похожее удовольствие, садистский восторг от того, как на глазах испаряются люди, и осознания, что это сделала она. Что она обладает подобной властью.

«Да что со мной такое?»

Она ощущала такое же странное ликование, как когда отравила Ма Льена. Но сейчас не пыталась отделаться от этого чувства. Она купалась в нем. Ее власть питается яростью, а обратная сторона медали – удовольствие от возмездия.

Лэйян не вымер полностью. Когда солдаты Рин обыскивали руины в поисках тех жителей, у которых еще остался воздух в легких, они обнаружили, что таковых на удивление много. В панике и бешенстве мугенцы действовали беспечно, а не с жестокой точностью. Кололи и рубили любую незащищенную плоть, вместо того чтобы метить в жизненно важные органы.

Но все же Лэйян был мертв. Люди больше не могли здесь жить. Их осталось слишком мало, дома и все пожитки уничтожены. Им придется идти вместе с армией Рин дальше на юг, чтобы найти новый дом в тех городах, которые будут готовы их приютить.

Но выжившие в Лэйяне были свободны. И оно того стоило.

Каким-то чудом сам Цинень выжил. Узнав, что он в сознании, Рин пошла с ним повидаться.

Горстка врачей Коалиции южан превратила в полевой госпиталь скотобойню – одно из немногих зданий в центре Лэйяна, не сожженных дотла. Они обрабатывали раны уцелевших, как умели, но не могли избавиться от вони горелых свиных внутренностей. К концу дня в воздухе стоял густой и липкий запах крови, человеческой и звериной.

Цинень лежал на простыне снаружи, куда лекари отправляли всех пациентов, не нуждающихся в немедленной операции. Выглядел он кошмарно. Правую сторону тела покрывали ожоги, а кожа лица так жутко сморщилась, что он мог говорить только хриплым путаным шепотом. Его глаза были открыты, но заплыли, правый зрачок затянула белая пленка. Рин не понимала, видит ли он ее, пока его лицо не исказила жутковатая болезненная улыбка.

– Мне жаль... – начала она, но Цинень схватил ее за руку с удивительной силой.

– Я же говорил, – просипел он. – Говорил, что мы будем сражаться.

Отряд сопротивления во главе с Циненем действовал не в одиночку. Похожие организации существовали по всему Улью. Рин обнаружила это, когда города вокруг Лэйяна стали одним за другим с поразительной скоростью разделяться с оккупантами.

Без центрального руководства из Лэйяна оставшиеся мугенские солдаты были разобщены и отрезаны от коммуникаций, ресурсов и подкреплений. Вооруженные ножами и мотыгами горожане воспользовались возможностью и начали сражаться. Стали поступать сообщения о восстаниях по всей провинции Петух – люди брались за оружие и возвращали города прежним владельцам.

Рин отправила несколько эскадронов Чжуденя по всему Улью, чтобы ускорить процесс, и после этого сражения за окружающую территорию заняли не больше двух недель. Некоторые мугенские войска оказывали сопротивление и погибали в огне, желтом газе, стали и крови. Другие сдавались, моля об изгнании или снисхождении, но их немедленно казнили городские комитеты.

Объезжая Улей, Рин стала свидетельницей прокатившейся по провинции волны насилия.

В некоторых деревнях жители уже обезглавили мугенских солдат и насадили их головы над воротами, словно приветственные праздничные фонари. В другие города Рин прибывала в самый разгар резни. Несколько дней тянулся извращенный парад жестокости, настоящая оргия.

Рин поразила изобретательность издевательств. Освобожденные южане гнали голых мугенцев в цепях по улицам, а прохожие тыкали в них ножами. Мугенцев заставляли часами стоять на коленях на битых кирпичках, с жерновами на шеях. Их сжигали живьем, четвертовали, душили и бросали трупы в грязные гниющие кучи.

И жертвами становились не только мугенцы. Самую суровую кару победоносные освободители приготовили для предателей – городских чиновников, купцов и судей, которые склонились перед правлением Федерации. В одном городе в трех милях от Лэйяна Рин наткнулась на публичную церемонию, когда трех человек привязали к столбам – голыми и с тряпками во рту, чтобы заглушить крики. В углу две женщины прокалывали длинные ножи над огнем. Клинки светились зловещим оранжевым сиянием.

Рин догадалась, что дело кончится кастрацией.

Она повернулась к Суцзы:

– Ты знаешь, в чем виновны эти люди?

– Конечно. Торговали девушками.

– Что-что?

Он повторил.

– Они заключили с мугенцами сделку, чтобы те не хватали девушек прямо на улицах. Каждый день они забирали несколько женщин, обычно бедных или сирот, за которых некому заступиться, и приводили их в штаб-квартиру мугенцев. На рассвете возвращались, забирали женщин, приводили их в порядок и отправляли домой. Тем самым они оберегали совсем юных девочек и беременных женщин, хотя вряд ли те, кого они выбирали, были счастливы. – Он не моргая смотрел, как на помост поднялась девочка явно не старше четырнадцати и вылила чан кипятка на головы осужденным. – Они говорили, что это в интересах города. Но видно, не все согласны.

Громкое шипение смешалось с воплями. От запаха жареного мяса у Рин заурчало в животе. Она прижала руки к груди и отвернулась, подавив позыв к рвоте.

Суцзы хмыкнул:

– Что тебе не нравится, принцесса?

– Мне просто кажется...

Рин не могла облечь свое смятение в слова, не показавшись ханжой.

– А это не слишком?

– Слишком? – засмеялся он. – Seriously? И это говоришь ты?

– Это другое... – Рин запнулась. А в чем другое? Какое она имеет право судить? Почему сейчас сгорает от стыда и отвращения, хотя на поле боя регулярно причиняет в тысячу раз

более сильную боль? – Когда этим занимаются гражданские, это совсем другое. И выглядит... выглядит неправильным.

– А каково тебе было, когда ты вызвала на Спире Феникса?

Рин вздрогнула:

– Какое это имеет значение?

– Это было приятно, правда? – изогнул губы Суцзы. – О да, это был кошмар, не сомневаюсь, оставивший на душе шрам размером с кратер. Но и самое приятное чувство в твоей жизни, верно? Как будто ты снова поставила вселенную на нужное место. Уравновесила весы. Разве не так?

Он показал на мужчин, привязанных на помосте. Они больше не кричали. Лишь один слегка подергивался.

– Ты не знаешь, что сделали эти люди. Может, они и выглядят как невинные никанцы, но тебя не было здесь во время оккупации, ты не знаешь, какую боль они причинили. Южане не сжигают своих, если на то нет причины. Ты понятия не имеешь, отчего сейчас излечиваются эти горожане. Не мешай им.

Раны не залечишь, притворившись, что их никогда не было, – повысил голос Суцзы. – С этими ранами нужно обращаться как с зараженными инфекцией. Ты погружаешь раскаленный нож как можно глубже и вырезаешь гниющую плоть и только тогда получаешь шанс исцелиться.

Так что Рин не мешала югу купаться в океане крови. Она лишь наблюдала, как волна крестьянской жестокости взбухала до крайности, когда ее уже невозможно было обуздать, даже если бы очень хотелось. Никто не признавал вслух, какое удовлетворение это приносит – горожане притворялись, будто действуют по необходимости, а не ради потехи, но Рин видела жадный блеск в их глазах, когда они купались в криках.

Это было искупление. Им необходимо было пролить кровь, как необходимо дышать. Конечно, она понимала этот порыв и по ночам, наедине со своей трубкой, снова и снова показывала кровавые сцены Алтану, чтобы разум нашел подобие упокоения, пока Алтан жадно упивается этим зрелищем. Чтобы жить дальше, юг нуждался в возмездии. Как же она могла лишить этого народ?

Лишь Катай продолжал настаивать, что нужно положить конец беспорядкам. Он допускал необходимость смертной казни, но желал установить порядок, хотел устроить настоящий суд, а не судилище, хотел более умеренных наказаний, а не только казней.

– Некоторые из этих людей невиновны, – сказал он. – Они просто пытались уцелеть.

– Чушь, – фыркнул Суцзы. – Они сами сделали выбор.

– Ты понимаешь, какой выбор перед ними стоял? – Катай показал на двор, где вот уже три дня болтался человек, подвешенный вниз головой за лодыжки. – Вот он семь месяцев служил переводчиком. А почему? Потому что мугенцы схватили его жену и дочь и объявили, что, если он не будет на них работать, тех похоронят заживо и заставят его смотреть. А потом прямо на его глазах пытали дочь, чтобы убедить в своих намерениях. И какой выбор, по-твоему, он должен был сделать?

Но Суцзы был непоколебим:

– Он помогал убивать других никанцев.

– Все помогали убивать других никанцев, – не унимался Катай. – Хорошо быть чистым и незапятнанным, но некоторые люди просто пытались выжить.

– Ну, моей сестре мугенцы дали возможность выбирать, – сказал Суцзы. – Либо она будет двойным агентом и крысятничать на своих соседей, либо ее изнасилуют и убьют. И знаешь, что она предпочла?

Щеки Катая вспыхнули:

– Я не говорю, что...

– А ты в курсе, что мугенцам нравилось устраивать игры, выбирая, кого убить? – поинтересовался Суцзы.

– Я знаю, – ответил Катай. – В Голин-Ниисе...

– Я знаю, что они творили в Голин-Ниисе, – со сталью в голосе оборвал его Суцзы. – Хочешь узнать, что они делали здесь? Загоняли толпу горожан на крышу самого высокого здания, а потом разрушали лестницу, поджигали нижний этаж и стояли кружком, наблюдая, как люди орут. Вот к чему приложили руку предатели. И что, хочешь это простить?

– Катай, – тихо произнесла Рин. – Брось.

Но он не унимался:

– Но ведь они нацелились не только на мугенцев и предателей.

– Катай, прошу тебя...

– Они выдергивают любого, кого можно хоть отдаленно подозревать в сотрудничестве, – прошипел Катай. – Это не правосудие, а убийства без разбора, достаточно указать пальцем или шепнуть, и человек лишается жизни. Невозможно различить, кто в самом деле виновен, а кто не угодил соседям. Это не правосудие, а сумятица.

– Ну и что? – повел плечами Суцзы. – Гоняясь за крысой, можно разбить пару тарелок. Это революция, а не сраная чайная церемония.

* * *

В молчании они устало шагали по дороге обратно к Лэйяну. Восторг победы давно схлынул. После двух недель воплей и пыток, кем бы ни были жертвы, все вокруг стали изнуренными и бледными.

Они шли уже полдня, когда на дороге показался всадник в капюшоне. Офицеры поспешили вперед, выставив копыя и крикнув всаднику остановиться. Тот подчинился и поднял руки, показывая, что в них нет оружия.

– На землю! – велел Чжудень. – Кто ты такой?

– Ой, да брось. – Венка откинула с головы капюшон и спешила. Потом шагнула вперед, отводя рукой нацеленные копыя, словно отмахиваясь от облака гнуса. – Что за ерунда, Рин? Отзови этих придурков.

– Венка!

Рин бросилась вперед и обняла ее, но тут же выпустила – уж слишком сильна была вонь. От Венки несло, как от подпаленной сыромятни.

– Великая черепаха, когда ты в последний раз мылась?

– Дай передохнуть, – сказала Венка. – Я неслась во весь опор.

– Но лицо накрасить успела, – заметил Катай.

– В Синегарде все так делали. У меня осталось немного косметики в сумке. Ее проще достать, чем мыло, ясно тебе?

Рин не сдержала смех. А чего ж еще ожидать? Венка была избалованной синегардской принцессой, превратившейся в смертоносного воина, после того как ей удалось выжить. Конечно, она примчится в зону боевых действий с красной помадой на губах – просто потому, что ей это нравится.

– В общем, долго вы добирались, – выдохнула Венка. – Я болтаюсь на этой дороге со вчерашнего дня. Мне сказали, что вы в Лэйяне.

– Мы и были в Лэйяне, – ответила Рин. – Надо было кое-что подчистить.

– Что случилось? – спросил Катай. – Я думал, ты вроде неплохо устроилась на территории Республики.

Венка театрально вздохнула:

– Меня раскрыли. По-глупому. Я была совершенно незаметной служанкой в доме мирового судьи, и вдруг хозяйка вообразила, будто я обольщаю ее мужа, и вышвырнула меня на улицу.

– А ты... – начал Катай.

Венка смерила его уничтожающим взглядом.

– Конечно, нет. Я не виновата, что идиот паялился на мой зад.

– Я лишь хотел спросить, не узнал ли тебя кто, – смутился Катай.

– А! Нет, но близко к тому. Его жена меня уволила, а потом начала говорить всем соседям, чтобы меня не нанимали. Это привлекло ко мне внимание. Так что я совершила ночной налет на арсенал, уболтала мальчишку-конюха одолжить мне лошадь и сбежала на юг. – Она поведала все это с таким задорным легкомыслием, словно говорила о последней синегардской моде. – В Рюйцзине мне сказали, что вы ушли на юг, и я шла по следу из трупов. Чтобы вас догнать, много времени не потребовалось.

– Ну, мы... У нас разногласия с Рюйцзином, – призналась Рин.

– Я так и поняла. – Венка кивнула на ожидающие войска: – И как тебе удалось заполучить армию у Гужубая?

– Освободила для себя должность.

Рин оглянулась через плечо на солдат. Суцзы и другие офицеры застыли посреди дороги, с любопытством наблюдая.

– Это друг, – объяснила им Рин. – Пошли.

Колонна возобновила движение к Лэйяну. Рин тихо разговаривала с Венкой, время от времени оглядываясь, чтобы проверить, не подслушивает ли Суцзы.

– Слушай, а Нэчжа послал кого-нибудь на юг?

Венка выгнула брови:

– Насколько мне известно, нет. А что?

– Уверена?

– Предполагается, что он до сих пор плетет интриги во дворце. По слухам, дела у него неважные, он уже несколько недель не в строю.

– Что?! – вскинулась Рин. Ее сердце внезапно заколотилось. – Что это значит?

Катай с любопытством уставился на нее. Рин сделала вид, что не заметила.

– Он ранен? – спросила она.

– Вряд ли, – ответила Венка. – Он не был на полях сражений уже несколько недель. В прошлом месяце Вайшра отозвал его из провинции Тигр. Он много времени проводит с гесперианцами, ведет переговоры с их представителями, и ходят слухи о его болезни. Выглядит он паршиво, синяки под глазами. В общем, так говорят. Трудно сказать, слухи это или правда, раз никто из моих знакомых не видел его воочию, но мне кажется, все серьезно.

Рин ощутила укол глупого беспокойства и тревоги. Но тут же подавила его.

– Как думаешь, он умрет?

– Не знаю, – сказала Венка. – Говорят, с ним работают лучшие гесперианские лекари, хотя это может принести больше вреда, чем пользы. Сомневаюсь, что в ближайшее время он возглавит армию.

Значит ли это, что Рин ничего не грозит? Неужели Нэчжа просто водит ее за нос? Его болезнь – не помеха засланному в лагерь шпионам, он все равно знает, где она спит каждую ночь. Но если Венка права, если Нэчжа и его отец по-прежнему заняты севером, пока что можно не беспокоиться о грозящей ловушке.

Эта передышка долго не продлится, но Рин намеревалась воспользоваться каждым подаренным днем.

– В чем дело? – спросила Венка. – Ты чего-то боишься?

Рин и Катай переглянулись. Они пришли к молчаливому соглашению не говорить Венке о письме. Чем меньше народа знает, тем лучше.

– Ничего, – отозвалась Рин. – Просто... просто хочу быть уверенной, что нас не ждет сюрприз.

– Уж поверь, – фыркнула Венка. – Вряд ли он сейчас в состоянии даже ходить.

Некоторое время они ехали молча. Рин уже видела на горизонте силуэт Лэйяна, отсюда до города вела прямая дорога.

– Так что здесь произошло, во имя всех богов? – вскоре спросила Венка. – По пути я проехала через несколько деревень. Народ там совершенно свихнулся.

– Бремя победы, – ответила Рин. – Чем дальше, тем больше.

– Они сдирают с людей кожу заживо, – сказала Венка.

– Потому что те продавали девочек за еду.

– Ясно. Что ж, справедливо. – Венка смахнула с руки невидимую пылинку. – Надеюсь, их еще и кастрировали.

Позже в тот же день, когда Рин выехала посмотреть на тренировки бойцов, к ней подошла сморщенная старуха, тащившая за собой двух тощих девчушек со связанными руками.

– Мы слышали, ты берешь девочек, – сказала она. – Эти подойдут?

Рин так ошарашила подобная непочтительность, что она чуть не приказала отвести старуху к позорному столбу, но помедлила и всмотрелась получше. И увиденное ее озадачило. Девочки были худыми и костлявыми, явно не старше пятнадцати, они прятались за спиной старухи, словно боялись, что их кто-нибудь увидит. Вряд ли они хотели поступить в армию – все женщины, записавшиеся в армию юга, делали это с гордостью и по собственной воле.

– Так ты берешь девочек? – не унималась старуха.

Рин колебалась.

– Да, но...

– Они сестры. Можешь получить их за две монеты.

Рин вытаращила глаза:

– Что-что?

– За одну монету? – нетерпеливо предложила старуха.

– Я не дам тебе ни гроша, – нахмурилась Рин. – Я не...

– Они хорошие девочки, – сказала старуха. – Проворные. Послушные. И не девственницы...

– Девственницы? – повторила Рин. – Ты что себе вообразила?

Старуха посмотрела на Рин как на полоумную.

– Говорят, ты берешь девушек. Для армии.

И тут все встало на свои места. У Рин сжалось сердце.

– Нам не нужны проститутки.

Женщину ответ ничуть не смутил.

– Одна монета.

– Проваливай! – рявкнула Рин. – Или я брошу тебя в тюрьму.

Женщина харкнула Рин под ноги и прошла дальше, потащив девочек за собой.

– Стой, – велела Рин. – Оставь их.

Старуха остановилась, и на мгновение показалось, что она собирается возмутиться. Тогда Рин пропустила между пальцами тонкую струйку огня и закрутила ее вокруг запястья.

– Это не просьба.

Без единого слова старуха поспешно ушла.

Рин повернулась к девочкам. Все это время они даже не пошевелились. И старались не смотреть ей в глаза. Стояли смирно, безвольно свесив руки и потупившись, словно ожидающие приказа служанки.

Рин почему-то захотелось ущипнуть их за руки, чтобы проверить мускулы, взять за подбородки и заглянуть в рот, проверив, хороши ли зубы.

Да что с ней такое?

– Хотите стать солдатами? – спросила она, не придумав ничего лучшего.

Та девочка, что была постарше, бросила на Рин мимолетный взгляд, а потом равнодушно пожала плечами. Другая вообще никак не отреагировала, по-прежнему глядя в пространство.

Рин решила зайти с другой стороны:

– Как вас зовут?

– Пипацзы, – ответила старшая девочка.

Младшая потупилась.

– Что с ней? – спросила Рин.

– Она немая, – огрызнулась Пипацзы.

Рин заметила в ее глазах вспышку ярости, защитный порыв, и поняла, что Пипацзы всю жизнь пытается уберечь сестру.

– Понятно, – сказала Рин. – Ты говоришь за нее. И как ее зовут?

Лицо Пипацзы стало менее враждебным.

– Цзюто.

– Пипацзы и Цзюто, – повторила Рин. – А фамилия у вас есть?

Ответом было молчание.

– Откуда вы?

Пипацзы хмуро покосилась на нее:

– Не отсюда.

– Ясно. Ваш дом отобрали, да?

Пипацзы безмолвно передернула плечами, словно посчитала вопрос несусветной глупостью.

– Слушай, – сказала Рин, теряя терпение. Ей пора было вернуться к своим солдатам, а не болтать с хмурыми девчонками. – У меня нет на это времени. Теперь вы свободны и можете делать что пожелаете. Если хотите, можете вступить в армию...

– А кормить там будут? – прервала ее Пипацзы.

– Да. Дважды в день.

Пипацзы на секунду задумалась и кивнула:

– Хорошо.

Ее тон ясно давал понять, что больше у нее нет вопросов. Рин оглядела девочек еще разок, потом пожала плечами и указала пальцем:

– Ладно. Казармы – вон там.

Глава 7

Через две недели они подошли к Тикани.

Рин готовилась драться за родной город. Но когда войска приблизились к земляным валам Тикани, на полях стояла тишина. Окопы были пусты, ворота распахнуты настежь, и ни одного часового в поле зрения. И это была не обманчивая тишина готовящейся засады, а апатия покинутого города. Если мугенцы когда-то и угрожали Тикани, они сбежали. Рин без каких-либо препятствий вошла в северные ворота города, который покинула почти пять лет назад.

И не узнала его.

Не потому, что забыла, как он выглядит. Как бы ей ни хотелось, она не в силах была стереть контуры этого места из памяти – ни клубы красноватой пыли на улицах в ветреные дни, покрывающей все вокруг тонким алым пологом, ни заброшенные храмы и святилища на каждом углу, напоминание о более суеверных временах, ни шаткие деревянные строения, торчащие в грязи, как злобные вечные шрамы. Она знала улицы Тикани как свои пять пальцев, знала его переулки, скрытые туннели и опиумные притоны, знала, где лучше всего укрыться, когда бушует тетушка Фан.

Но Тикани изменился. Выглядел пустым и заброшенным, как будто кто-то выковырял ножом его внутренности и сожрал их, оставив лишь хрупкую израненную оболочку. Тикани никогда не был значительным городом империи, но в нем кипела жизнь. Как и многие южные города, он пользовался определенной независимостью, нахально вырезав себе местечко в твердой почве.

Федерация превратила Тикани в город мертвых.

Почти все здания-развалюхи исчезли, их либо сожгли, либо разобрали. Оставшиеся дома мугенцы превратили в военную базу. От библиотеки, оперы с открытой сценой и школы – единственных зданий в Тикани, приносивших Рин хоть толику радости, – остались лишь скелеты, дома явно разобрали намеренно. Рин решила, что мугенцы обдирали доски со стен на растопку.

Лишь бордели в квартале удовольствий остались целехонькими.

– Возьмите дюжину человек, лучше женщин, и обыщите эти дома, нет ли там выживших, – приказала Рин ближайшему офицеру. – И побыстрее.

Она знала, что они там найдут. Знала, что ей следовало бы пойти самой. Но Рин не хватило смелости.

Она двинулась дальше. Ближе к центру города, около здания суда и торжественных церемоний, она обнаружила свидетельства публичных казней. Половицы на стене окрасились бурым, пятна запеклись уже много месяцев назад. Там, где когда-то, целую вечность назад, она прочитала свой результат экзамена кэцзюй и поняла, что поступила в Синегард, теперь валялась груда хлыстов.

Но трупов нигде видно не было. В Голин-Ниисе они лежали на каждом углу. Улицы Тикани были пусты.

И это вполне объяснимо. Когда цель – оккупация, трупы убирают. Иначе они начнут вонять.

– Великая черепаха, – присвистнул Суцзы, шагнув ближе. Сунув руки в карманы, он взирал на царящее кругом опустошение, как ребенок на воскресном рынке. – А они тут трудились не покладая рук.

– Заткнись! – рявкнула Рин.

– В чем дело? Снесли твою любимую чайную?

– Я сказала – заткнись!

Рин не могла позволить себе расплакаться у него на глазах, но едва дышала под давящим на грудь бременем. Голова закружилась, в висках стучало. Она вонзила ногти в ладонь, чтобы сдержать слезы.

Лишь однажды Рин видела подобное опустошение, и это ее почти сломило. Однако здесь было еще хуже, чем в Голин-Ниисе, потому что там почти все были мертвы. Она предпочла бы увидеть трупы, а не выживших, которые сейчас вылезали из уцелевших домов и шурились, как сбитые с толку животные, слишком долго прожившие в темноте.

– Они ушли? – спрашивали ее. – Мы свободны?

– Вы свободны. Они ушли. Навсегда.

Горожане встречали эти слова опасливыми, сомневающимися взглядами, словно ожидали, что мугенцы вот-вот вернутся и сокрушат их за безрассудство. Потом они осмелели. Все больше людей выползло из хижин, шалашей и укрытий, гораздо больше, чем Рин рассчитывала обнаружить живыми. По городу призраков пополз шепоток, и выжившие стали заполнять площадь, сгрудившись рядом с солдатами, поближе к Рин.

– Это ты?.. – спрашивали ее.

– Я, – отвечала Рин.

Она позволила им прикоснуться к себе и убедиться, что она реальна. Показала им пламя, отправив вверх тонкие спирали и узоры, молча передавая слова, которые не в силах была произнести.

«Это я. Я вернулась. Простите меня».

– Им нужно помыться, – сказал Катай. – Почти у каждого вши, которые скоро перекинутся на солдат, если мы ничего не предпримем. А еще их нужно как следует накормить, организуем раздачу пайков...

– Ты с этим разберешься? – спросила Рин. Собственный голос так странно звенел в ушах, словно шел из-за толстой деревянной двери. – Мне нужно... нужно идти дальше.

Катай прикоснулся к ее руке:

– Рин...

– Все прекрасно, – сказала она.

– Не стоит тебе проходить через это в одиночку.

– Но я должна. Ты не понимаешь.

Она шагнула в сторону. Катай знал, что творится у нее на душе, но не мог разделить это чувство. Тут дело было в корнях, в почве. Он не вырос здесь, не знал, каково это.

– Ты... займись выжившими. А я пойду. Прошу тебя.

Катай сжал ее руку и кивнул.

– Но будь осторожна.

Рин отделилась от толпы и скрылась в боковом переулке, пока никто не видит, а затем в одиночестве направилась к своему бывшему кварталу.

Она и не думала заглянуть в дом Фанов. Там все равно не осталось ничего родного. Рин знала, что дядюшка Фан давно умер. Тетушка Фан и Кесеги, скорее всего, тоже умерли – в Арлонге. Не считая Кесеги, об этом доме она вспоминала только плохое.

Рин пошла напрямик к дому учителя Фейрика.

В его жилище было пусто. Она не нашла следов учителя ни в одной из пустых комнат, как будто здесь никто и не жил. Книги исчезли, все до единой. Даже книжные шкафы пропали. Остался только маленький табурет, который, видимо, не пригодился мугенцам, потому что был каменным, а не деревянным.

Она помнила этот табурет. В детстве Рин сидела на нем столько вечеров, слушая рассказы учителя Фейрика о местах, которые не чаяла увидеть. Она сидела на этом табурете и в ночь накануне экзамена, рыдая в ладони, пока учитель ласково похлопывал ее по плечам и бормотал, что все будет хорошо. «Да у такой-то девочки? Все всегда будет прекрасно».

Возможно, он еще жив. Успел сбежать при первом признаке опасности, может находиться в каком-нибудь лагере для беженцев на севере. Напрягаясь изо всех сил, Рин представляла, что он где-то там, целый и невредимый, просто вне досягаемости. Она утешала себя этой мыслью, но поскольку не знала наверняка, да и вряд ли когда-либо узнает, не могла не терзаться.

Она почувствовала вкус соли на губах и поняла, что лицо мокрое от слез.

Рин яростно смахнула их резким движением.

«Зачем тебе так нужно его отыскать? – услышала она вопрос Алтана. – Какая теперь разница?»

Она же годами не вспоминала учителя Фейрика. Выкинула его из головы, когда шестнадцать лет назад Тикани стал для нее чужим, когда она, как змея, сбросила шкуру и превратилась из сироты войны в студентку и солдата. А теперь память цеплялась за жалкую и трусоватую ностальгию. Учитель Фейрик – всего лишь реликт, напоминание о былых временах, когда маленькая девочка пыталась зубрить классиков, а добрый учитель показал ей единственный выход из тогдашней жизни.

Она искала остатки жизни, которая уже никогда не вернется. И Рин слишком хорошо понимала, что ностальгия может ее убить.

– Нашла что-нибудь? – спросил Катай, когда она вернулась.

– Нет. Там ничего нет.

Рин решила разместить штаб-квартиру в главном комплексе мугенцев, частично по праву освободителя, а частично потому, что это было самое безопасное место в окрестностях. Прежде чем въехать, они с Суцзы лично обыскали каждую комнату, проверяя, не прячется ли где наемный убийца.

Но не нашли ничего, кроме хлама – грязной посуды, формы и брошенного оружия. Мугенцы как будто испарились, оставив все свои пожитки. Даже главный кабинет выглядел так, словно генерал просто вышел за порог на чашку чая.

Рин порылась в столе генерала, вытаскивая груды записок, карт и писем. В одном ящике она обнаружила листы бумаги с портретами одной и той же женщины, выполненными углем. Генерал явно считал себя художником. Рисунки были не так уж плохи, но генерал с болезненным усердием пытался запечатлеть глаза возлюбленной, пренебрегая анатомическими деталями. Каждый набросок сопровождало одно и то же мугенское слово «худи», означающее бабочку. Рин уже забыла, как это произносится по-мугенски. Скорее всего, это не имя, а ласковое прозвище.

А он был одинок, поняла она. Что он чувствовал, узнав о судьбе острова в форме лука? Когда узнал, что ни один корабль больше не отплывет обратно через море Нариин?

На сложенном листе бумаги, засунутом между последними двумя рисунками, оказалась записка. Мугенские иероглифы не сильно отличались от никанских и многое позаимствовали, хотя произношение было совершенно другим, однако Рин понадобилось несколько минут, чтобы прорваться сквозь неряшливую чернильную запись и расшифровать содержимое.

Если это означает, что у меня сердце предателя, то пусть будет так, но я жалею, что император вызвал тебя на службу и забрал у меня. Все сокровища восточного континента, нет, даже все богатства вселенной ничего для меня не значат, если нет тебя.

*Я каждый день молюсь, чтобы море вернуло тебя обратно.
Твоя бабочка*

Этот кусок был оторван от большого письма. Остальное Рин так и не нашла.

Копаясь в вещах генерала, она почему-то чувствовала себя виноватой. Но что еще удивительнее, ей казалось, будто она вторглась сюда без спроса. Она столько времени размыш-

ляла, как лучше убивать мугенцев, что сама мысль о них как о людях с надеждами и мечтами вызывала легкую тошноту.

– Ты только глянь на стены, – сказал Суцзы.

Рин проследила за его взглядом. Генерал вел подробный настенный календарь, заполняя его аккуратным мелким почерком. И куда более разборчивым, чем в письме. Рин пролистала календарь до первой страницы.

– Они прибыли сюда только три месяца назад.

– В это время он начал вести календарь, – поправил ее Суцзы. – Уж поверь, на юге они гораздо дольше.

Между ними повисло невысказанное обвинение. Она могла бы прийти на юг еще три месяца назад. Могла бы это предотвратить.

Рин давно уже смирилась с этими обвинениями. Она знала, что виновата. В тот день в Лусане она могла бы принять предложение императрицы, подавить восстание Вайшры в зародыше и повести войска на юг. Но вместо этого заигралась в революцию, а заработала лишь змеящийся по спине шрам и болезненную культю на месте ладони.

А ведь стратегия Вайшры была совершенно очевидна с самого начала, и Рин ненавидела себя за то, что не сумела этого разглядеть. Теперь, при взгляде в прошлое, становилось ясно, почему юг был обречен гореть, почему Вайшра отказался ему помогать, даже когда наместники-южане молили у его ног.

Он мог с легкостью предотвратить кровопролитие. Знал, что к нему на помощь придет гесперианский флот, и мог бы отправить половину армии в ответ на призыв умирающего народа. Но вместо этого намеренно покалечил юг. Ему не пришлось бороться за политическую власть с наместниками юга, всю грязную работу сделали за него мугенцы, он лишь позволил им. А потом, когда дым рассеялся, когда империя лежала в руинах, он мог бы пойти на юг с республиканской армией и выжечь мугенцев из дирижаблей и аркебуз. Но к тому времени автономия южан была бы уже полной нелепостью, уцелевшие пали бы перед ним на колени и почитали как спасителя.

«А если бы он тебе рассказал? – однажды спросил ее Алтан, призрак Алтана. – Если бы сделал тебя сообщницей? Ты бы перешла на другую сторону?»

Рин не знала. Тогда она презирала южан. Ненавидела собственный народ, с той самой минуты, когда увидела в лагере беженцев. Ненавидела их темную кожу, сельский говор без модуляций и испуганные, бессмысленные взгляды. Так легко было спутать ужас с тупостью, а ей отчаянно хотелось считать их тупыми, ведь она тупой не была и искала причину как-то отделить себя от них.

Тогда отвращение к самой себе было настолько глубоким, что, если бы Вайшра откровенно рассказал ей все детали плана, она сочла бы его не зловещим, а гениальным и рассмеялась бы. Если бы Вайшра ее просто-напросто не продал, Рин, возможно, до сих пор была бы на его стороне.

Где-то в животе свернулся кольцом гнев. Рин оторвала календарь со стены и смяла его в пальцах.

– Я была дурочкой в руках Вайшры. Мне не следовало полагаться на его добродетели. Но и он не рассчитывал, что я выживу.

Посчитав штаб-квартиру генерала достаточно безопасной, чтобы там обосноваться, Рин отправилась к городским борделям. Ей страшно не хотелось это делать, она проголодалась и устала, глаза и горло жгло от непролитых слез, ей хотелось лишь свернуться клубочком в уголке, с трубкой во рту.

Но теперь она – генерал Фан, знаменитая спирка, и в долгу перед выжившими.

Венка уже была там. Она начала тяжелую работу, разбираясь с местными женщинами. На холодном каменном полу уже блестели лужи воды из перевернутых ведер и валялись клочья густых темных волос, кишаших вшами, – женщин помыли и остригли наголо.

Венка стояла в центре квадратного двора, сложив руки за спиной, как муштрующий солдат сержант. Вокруг нее столпился мрачный кружок женщин в накинутых на тощие плечи одеялах, с расфокусированными бессмысленными взглядами.

– Тебе нужно поесть, – сказала Венка. – Я тебя не отпущу, пока что-нибудь не проглотишь.

– Не могу.

Девушке перед Венкой могло быть и тринадцать, и тридцать – кожа на хрупких цыплячьих косточках так натянулась, что точнее не определишь.

Венка схватила девушку за плечо, а другой рукой поднесла к ее лицу паровую булочку – так близко, что почти раздавила о губы.

– Ешь.

Девушка крепко сжала губы и с воем вывернулась из хватки Венки.

– Да что с тобой?! – гаркнула Венка. – Ешь! Ты должна подумать о себе!

Девушка высвободилась и попятилась, в ее глазах выступили слезы, она сгорбилась, словно в ожидании удара.

– Венка! – Рин поспешила к ней и оттащила за руку. – Что ты делаешь?

– А что, по-твоему? – Щеки Венки побелели от ярости. – Все остальные поели, а эта сучка считает, что слишком хороша для нашей еды...

Другая женщина обняла девушку за плечи.

– Она никак не может прийти в себя. Оставьте ее в покое.

– Заткнись! – Венка окинула девушку уничижительным взглядом. – Что, умереть хочешь?

После долгого молчания девушка робко покачала головой.

– Тогда ешь. – Венка швырнула ей булочку. Та отскочила от груди и упала на грязный пол. – Сейчас ты самая везучая девица в мире. Ты жива. У тебя есть еда. Тебя спасли от голодной смерти. Тебе просто нужно засунуть эту булку в сраный рот.

Девушка расплакалась.

– Прекрати, – приказала Венка. – Не будь такой жалкой.

– Ты не понимаешь, – задыхаясь, выпалила девушка. – Я не могу... Ты не можешь...

– Все я понимаю, – спокойно ответила Венка. – Со мной случилось то же самое в Голин-Ниисе.

Девушка подняла голову:

– Значит, ты тоже шлюха. И мы обе должны умереть.

Венка занесла руку и вlepила девушке пощечину.

– Хватит, Венка.

Рин схватила ее за руку и увела со двора. Венка не сопротивлялась, но шла, спотыкаясь, словно во сне.

Она не злится, поняла Рин. Венка была на грани обморока.

И дело вовсе не в еде.

В глубине души Рин знала, что Венка повернулась спиной к родной провинции и вступила в ряды Коалиции южан – людей, чья кожа гораздо темнее, чем у нее, – не потому, что поддерживала их цели. Она сделала это из-за случившегося в Голин-Ниисе. Потому что наместник провинции Дракон Инь Вайшра осознанно допустил зверства в Голин-Ниисе, позволил подобному случиться по всему югу, и даже палец о палец не ударил, чтобы этому помешать.

Венка сражалась за саму себя. Но, как и Рин, она обнаружила, что сражаться легко. Разрушать легко. Гораздо труднее справиться с последствиями.

– Ты как? – тихо спросила Рин.

– Я просто пыталась все упростить, – дрожащим голосом ответила Венка.

– Я знаю, – сказала Рин. – Но не все такие сильные, как ты.

– Так пусть лучше научатся быть сильными, иначе сдохнут через несколько недель.

– Они выживут. Мугенцы ушли.

– И ты думаешь, что на этом все закончилось? – язвительно рассмеялась Венка. – Думаешь, на этом все? Стоило им уйти?

– Я говорила не о...

– Они никуда не делись. Это ты понимаешь? По-прежнему будут приходить во сне. Только теперь станут кошмарами, а не реальными людьми, и от них не убежишь, ведь они живут у тебя в голове.

– Прости, Венка, я не...

Венка продолжила, словно не слышала ее слов:

– Ты знаешь, что после Голин-Нииса две другие девушки, выжившие в том борделе, выпили щелок? Попробуй угадать, сколько девушек повесятся. Они не имеют права быть слабыми, Рин. У них нет времени приходить в себя. Просто нет такого варианта. Иначе они умрут.

– Я понимаю, – сказала Рин. – Но ты не можешь избавить их от твоих собственных демонов. Ты должна их защищать. Ты же солдат. Так и веди себя соответственно.

Венка уставилась на нее широко открытыми глазами. На секунду Рин показалось, что Венка ее ударит, но через мгновение плечи Венки опустились, словно из нее разом вышел весь запал борьбы.

– Ладно. Тогда поставь во главе кого-нибудь другого. С меня хватит. – Венка кивнула на бордель: – И сожги его дотла.

– Это невозможно, – ответила Рин. – Эти дома – единственные уцелевшие здания. Пока мы не построим какое-нибудь жилье...

– Сожги! – рявкнула Венка. – Иначе я сама найду масло и спалю его. А я не эксперт по поджогам. Либо ты спалишь здание аккуратно, либо будешь разбираться с последствиями огненного ада. Выбирай.

Прибывший разведчик спас Рин от бремени ответа.

– Мы нашли их, – доложил он. – Похоже, есть только одно место.

У Рин засосало под ложечкой. Она не была готова – после борделей ей хотелось только свернуться где-нибудь калачиком и спрятаться.

– Где оно?

– Полмили к югу от города. Там грязь, лучше надеть хорошие сапоги. Лейтенант Чен велел передать, что он уже в пути. Отвести вас?

Рин колебалась.

– Венка...

– На меня не рассчитывай. Мне на это смотреть неохота. – Венка развернулась и бросила на ходу через плечо: – И если до рассвета от борделей не останется один лишь пепел, я пойму, что мне самой придется этим заняться.

Рин хотелось догнать ее. Схватить за руку и вернуть, крепко обнять и не отпускать, пока обе не разрыдаются и вволю не выплачутся. Но Венка расценила бы это как жалость, а жалость она ненавидела больше всего на свете. Жалость она считала оскорблением, для нее это значило, что после всего пережитого кто-то считает ее хрупкой и сломленной, стоящей на грани. Рин не могла так с ней поступить.

И она решила сжечь бордели. Выжившие могут несколько ночей провести на свежем воздухе. У нее хватит огня, чтобы они не замерзли.

– Генерал? – тихо сказал разведчик.

Рин прищурилась, глядя на удаляющуюся Венку.

– Дай мне немного времени. Встретимся у восточных ворот.

Она вернулась в кабинет мугенского генерала, чтобы надеть сапоги и поспрашивать в казармах, не одолжит ли ей кто лопату. А затем последовала за разведчиком на поля смерти.

Путь оказался короче, чем она ожидала.

Рин поняла, куда идет, еще за четверть мили. Она узнала это место по запаху, вони гниения под тонким пологом пыли; по жирным, шныряющим под ногами насекомым и стервятникам, рассевающимся на торчащих из земли белых костях. Она узнала это место по бесцветной перекопанной почве, по волосам и обрывкам одежды, валяющимся в грязи, потому что мугенцы не слишком усердно старались закопать трупы.

Рин остановилась в десяти шагах до могил. Ей нужно было передохнуть, чтобы набраться сил идти дальше.

– Пусть этим займется кто-нибудь другой, – сказал Катай, положив руку ей на плечо. – Ты можешь вернуться.

– Нет, не могу. Это должна сделать я.

Это должна была сделать Рин, потому что виновата только она. Она обязана это увидеть. Обязана отдать мертвым хотя бы такую дань уважения.

Рин хотелось закопать все тела, забросать неглубокую могилу горой земли и как следует утрамбовать ее лопатами, а потом проехать телегами, чтобы сровнять с окружающим пейзажем, и тогда однажды настанет день, когда никто не догадается, что здесь было.

Но нужно опознать тела. Столько южан заперты в кошмарной ловушке неизвестности, не зная, погибли ли их близкие, а неизвестность мучает больше, чем горе. Найдя тела, они хотя бы смогут их оплакать.

А потом тела нужно очистить, это важный похоронный ритуал на юге. В мирные времена похороны в Тикани занимали целый день. Толпы скорбящих, иногда включая нанятых плакальщиц, которые распалили остальных (если семья усопшего могла себе такое позволить), рыдали и завывали, следуя за гробом по городу к тщательно подготовленному семейному склепу. Души умерших нужно правильным образом поместить в могилу, чтобы они покоились с миром, а не бродили, преследуя живых. В дальнейшем требовалось регулярно делать подношения, сжигая бумажные предметы и благовония, чтобы задобрить духов из потустороннего мира.

Теперь Рин имела представление, как выглядит потусторонний мир. Она знала, что это не милый параллельный городок, населенный призраками, в котором сожженные бумажные подношения превращаются в истинные сокровища. Но все же постыдно бросать тело родного человека вот так гнить в открытой могиле.

Она отбросила почти все традиции провинции Петух. Утратила диалект и дурные манеры. С первого курса в Академии одевалась и разговаривала, как синегардская элита. Отвергла южные суеверия и не собиралась сейчас притворяться, что это не так.

Но смерть священна. Смерть требует к себе уважения.

Лицо Катая позеленело, как будто его вот-вот стошнит.

Рин потянулась за его лопатой.

– Тебе необязательно оставаться, если тяжело. Это не твой народ.

– Мы связаны. – Он забрал у Рин лопату и устало и болезненно улыбнулся. – Твоя боль всегда будет и моей.

И они начали копать вместе.

Это было нетрудно. Мугенцы закидали убитых тонким слоем земли, едва прикрыв спутанную груды рук и ног. Как только Рин отбросила достаточно земли, чтобы обнажить верхний слой тел, она остановилась и двинулась дальше, не тудясь разгрести уже размякшие, разлагающиеся тела.

– На севере мы сжигаем покойников, – сказал Катай через час. Он стер со лба пот, оставив грязные разводы. – Так чище.

– А мы примитивны, – отозвалась Рин. – И что?

У нее не было сил на оправдания. Захоронение в земле – самый древний ритуал на юге. Жители провинции Петух вышли из земли, их тела и души принадлежат земле предков, отмеченной и унаследованной многими поколениями, еще с тех времен, когда только началась история провинции. И что с того, если эти традиции превратили их в отбросы империи с кожей цвета глины? Земля останется всегда, земля не прощает. Земля восстанет и поглотит всех захватчиков.

– Половину тел невозможно будет опознать, – сказал Катай. – Они слишком разложились, ты только посмотри...

– Осталась одежда. Украшения. Волосы. Зубы. Их опознают.

И они продолжали копать. И сколько бы лиц ни открывали, неглубокая могила, казалось, тянулась бесконечно.

– Ты ищешь кого-то конкретного? – через некоторое время спросил Катай.

– Нет.

И она не соврала. На мгновение она подумывала поискать учителя Фейрика. Пыталась вспомнить приметы, по которым его можно опознать. Он был среднего роста и сложения. Она могла бы поискать его по бороде, но в Тикани сотни стариков носили подобные бороды. Его одежда всегда была неприметной, возможно, в кармане у него завалялась игральная кость на удачу, но Рин не могла и думать о том, чтобы пройти вдоль рядов, шаря в карманах каждого бородатого трупа в попытке опознать умершего.

Она никогда больше не увидит учителя Фейрика. Она давно это поняла.

Через несколько часов Рин приказала остановиться. Они копали уже больше трех часов. Солнце опустилось к горизонту, и вскоре станет слишком темно, чтобы разглядеть, куда входит лопата – в почву или в плоть.

– Пошли обратно, – прохрипела Рин. Ей отчаянно хотелось глотнуть воды. – Вернемся завтра, когда взойдет солнце.

– Стойте! – окликнул их солдат, стоящий чуть дальше. – Тут кто-то шевелится.

Поначалу Рин приняла едва заметное движение за обман зрения, блики света на закопанном металле, а может, какой-то одинокий стервятник ковырял труп. Потом она подошла ближе и увидела руку – костлявую ладонь, прорывающуюся сквозь щель в груде тел, слегка покачиваясь.

Солдаты поспешили оттащить трупы. Когда шесть тел отволоки в сторону, показался обладатель руки – тощий, кашляющий парнишка, весь покрытый запекшейся кровью.

Когда его вытащили из могилы, он был в сознании и ошеломленно вытаращился на солдат. А потом его глаза закрылись, голова упала набок.

Рин отправила в город гонца за лекарем. Тем временем они уложили мальчишку на траву и как могли стерли водой из фляжек кровь и засохшую грязь с его кожи. Рин осмотрела грудь паренька – она была покрыта кровью и синяками, а кожа бледная, но ритмично поднималась и опускалась.

Когда прибывший лекарь отмыл мальчика спиртом, оказалось, что рана, откуда натекла кровь, не так уж глубока – всего лишь порез в левом плече, глубиной с палец. Достаточно, чтобы потерять сознание, но не смертельно. Грязь сыграла роль повязки, перекрыв поток крови, иначе бы он умер.

– Держите его крепче, – велел лекарь.

Он открыл бутылку рисового вина и вылил на рану.

Мальчик дернулся и очнулся, зашипев от боли. Его глаза открылись и остановились на Рин.

– Ты цел, – сказала она, не позволяя ему подняться. – Ты жив. Крепись.

Его глаза выкатились из орбит. Под сомкнутыми челюстями запульсировала вена, мальчик извивался и дергался, но ни разу не крикнул.

Он вряд ли прожил здесь больше нескольких дней. Он погиб бы от отсутствия воды и заражения. А значит, поля смерти совсем свежие. Мугенцы убили этих людей за несколько дней до прибытия армии южан.

Рин задумалась о том, что это означает.

Зачем устраивать массовую резню накануне прихода армии?

Чтобы придать победе Рин оттенок горечи? Впрыснуть толику яда в армию, которую им не суждено победить? Оставить последнее жестокое послание?

Нет. Боги, умоляю, только не это!

Но она не могла придумать иного рационального объяснения. Когда глаза мальчика закатились, кровь прилила к ее вискам. Она боялась встать, потому что тоже могла грохнуться в обморок.

«Это сделала ты, – обвиняло поле смерти. – Ты заставила нас их убить. Мы оставили бы горожан в покое, если бы не явилась ты, так что это твоя вина».

Рин отправила солдат в город, а сама осталась, дожидаясь захода солнца. Ей нужно было побыть несколько минут в тишине. Побыть наедине с могилами.

– Здесь больше нет живых, – сказал Катай. – Пошли.

– Ты иди, – ответила Рин. – Я догоню.

Он сделал несколько шагов и остановился:

– И от этого тебе полегчает?

Он не стал уточнять, но Рин поняла, о чем он спрашивает.

– Даже не предлагай.

– Но я готов, – напирал он. – Так будет легче.

Рин не могла этого отрицать. Катай понимал, что она не станет признавать это вслух, но мог читать ее разум как открытую книгу.

– Прошу тебя, – сказала она. – Дай мне самой разобраться. Пожалуйста, уходи.

Катай понял, что спорить бесполезно. Он кивнул, сжал ее руку и ушел вместе с остальными.

Катай был прав. Он знал, какое отпущение грехов она искала на этих полях смерти. Знал, что Рин необходимо было остаться, потому что, если она увидит все, сделанное мугенцами, своими глазами, если вдохнет запах разлагающихся трупов, если напомним себе, что у нее есть причина ненавидеть, ей будет легче примириться с тем, как она поступила с островом в форме лука.

Не важно, как громко вопили умирающие мугенцы в ее снах. Они были чудовищами, бессердечными тварями, заслуживающими всего, что она с ними сделала.

Это должно быть так, иначе она рассыплется на части.

Рин не знала, сколько времени простояла вот так. Но когда она наконец-то пошла обратно, солнце уже полностью село, и вид открытых могил так глубоко запал ей в голову, что каждая деталь останется с ней навсегда. Как лежат кости. Как тела изгибаются и обхватывают друг друга. Как кости блестят в последних лучах умирающего солнца.

«Ты не забудешь, – заверил ее Алтан. – Я тебе не позволю».

Рин зажмурилась, глубоко вздохнула и побрела к городу.

Но через два шага замерла. Что-то заставило ее остановиться. Она посмотрела в сторону леса. И точно – там что-то двигалось, именно это и привлекло ее внимание. Кто-то бежал в лес.

Рин оттолкнулась от земли и помчалась вдогонку.

– Стой!

Она вломила в лес, и полыхающее на руке пламя залило тьму вокруг светом.

Потом она резко остановилась. Ее цель тоже остановилась. Это был не солдат и не лазутчик, а маленькая девочка, которая присела в неглубокой ложбине, обхватив колени руками и пригнув голову. Ее губы шевелились, словно она вела какой-то подсчет.

Кто-то ее явно этому обучил. Практически выдрессировал. В детстве Рин учили тому же – если за тобой кто-то гонится и ты не можешь убежать, спрячься где-нибудь и считай, пока он не уйдет.

– Привет. – Рин медленно приблизилась, раскинув руки и растопырив пальцы левой ладони в жесте, который, по ее мнению, обозначал миролюбие. – Все хорошо.

Девочка покачала головой и продолжила считать, крепко зажмурившись, словно, если она не увидит Рин, та просто исчезнет.

– Я не мугенка. – Рин растягивала слоги, пытаясь воспроизвести давно забытый акцент. – Я местная. Одна из вас.

Девочка открыла глаза. И медленно подняла голову. Рин шагнула ближе.

– Ты одна?

Девочка покачала головой.

– Сколько вас?

– Трое, – прошептала девочка.

Рин заметила в темноте еще одну пару глаз, широко раскрытых в ужасе. Как только она бросила взгляд в ту сторону, глаза скрылись за деревом.

Рин тут же выпустила вокруг себя большое кольцо огня, чтобы осветить всю поляну. И обнаружила двух истощенных девочек, которые уставились на нее в откровенном восхищении. Глаза на худых лицах казались огромными.

– Что это ты делаешь?

В чаще захрустели шаги. Рин резко обернулась. На поляну выскочила женщина, а может, старшая сестра, Рин не могла толком понять, схватила девочек за руки и потащила за собой.

– Ты что, свихнулась? – Женщина тряхнула за плечо ту девочку, что была повыше. – О чем ты только думала?

– Она купалась в огне, – ответила девочка.

– Что?!

Девочка не сводила глаз с Рин.

– Мне хотелось посмотреть.

– Вы в безопасности, – быстро произнесла Рин. – Я никанка, из провинции Петух. Я ваша защитница.

Но она уже знала, что в объяснениях нет необходимости. Глаза женщины распахнулись – она узнала Рин и, похоже, только что сообразила, что пламя, освещающее поляну, исходит не от факела, а от кожи Рин.

– Так ты – спирка, – прошептала женщина.

– Да.

Несколько секунд женщина беззвучно шамкала губами, прежде чем произнесла слова:

– Значит, ты... И они...

– Да, – сказала Рин. – Они ушли.

– Правда?

– Да. Все они мертвы. А вы свободны.

Рин не заметила радости на лице женщины, лишь недоумение и недоверие. Приглядевшись, Рин поняла, что женщина моложе, чем показалось сначала. Она была истощена и чудовищно грязна, но лицо под толстым слоем сажи принадлежало человеку не намного старше Рин.

– Что вы делаете в лесу? – спросила Рин.

– Мы убежали. Как только услышали, что скоро в городе будут мугенцы. Я знаю, что они делают с женщинами. Я не собиралась... То есть они не...

– Они твои сестры?

– Нет. Просто две девочки, которые жили в моем переулке. Я хотела увести и других. Но они не пошли.

– Ты поступила мудро, что сбежала, – сказала Рин. – И как вы жили все это время?

Женщина задумалась. Рин прочитала по ее глазам, что она собирается солгать. Явно не была уверена, стоит ли говорить правду.

– Та женщина в хижине, – вдруг пропищала младшая девочка.

Лицо женщины окаменело – а значит, девочка сказала правду.

– Какая женщина? – спросила Рин.

– Она нам помогла, – ответила девочка. – Она многое знает. Говорила нам, когда прятаться, какие корешки можно есть, как ставить силки на птиц. Она сказала, что, пока мы ее слушаемся, нам ничто не грозит.

– Тогда ей следовало бы увести вас подальше отсюда.

– Она не могла. Она не может отсюда уйти.

У Рин вдруг зародилось болезненное подозрение о том, кто это.

– И почему же она не может уйти? – спросила она.

– Тс-с, – шикнула женщина, но девочка продолжала говорить:

– Потому что она потеряла свою дочь во дворце Дракона и ждет ее возвращения.

Рин почувствовала вкус крови во рту. Ее колени подогнулись.

Что она здесь делает?

Женщина осторожно тронула Рин за локоть:

– Что с тобой?

– Она здесь, – прошептала Рин. Слова легли на язык густым привкусом меди. – Отведите меня к ней.

Ей придется пойти. У нее нет выбора. Рин была попавшейся в паутину мухой, загипнотизированной мышью, ползущей прямо в пасть гадюки. Теперь она уже не сможет уйти, не узнав, чего хочет Су Дацзы.

Глава 8

Рин последовала за девочками по петляющей тропинке в чащу леса. Лунный свет не проникал сквозь плотный полог листвы, казалось, деревья перешептываются и гудят, а лес насыщен опасностями, скрывающимися в тени. Рин оставила огонек в ладони, служивший фонарем, но в таком густом лесу боялась сделать пламя ярче, иначе спалит все вокруг.

Как бы ей хотелось утихомирить колотящееся сердце. Она ведь не какая-то испуганная девчонка. Она не боится темноты. Но Рин не могла избавиться от страха перед тем, что ждет впереди.

– Сюда, – сказала женщина.

Рин пригнулась под ветками и раздвинула их, поморщившись, когда острые шипы оцарапали колени.

«Что я делаю?»

Если бы здесь был Катай, он назвал бы ее идиоткой. Предложил бы просто спалить весь лес, да и дело с концом, будь проклят Триумвират. Но вместо этого Рин шла прямо в логово Дацзы, как загипнотизированная, замороженная добыча хищника. Прямо в руки женщины, которая почти весь прошлый год только и делала, что пыталась ее схватить, замучить или манипулировать ею.

Но Дацзы не хотела ее убить. Ни прежде, ни теперь. В этом Рин была уверена. Если Дацзы желала ей смерти, то убила бы у подножия Красных утесов. Вонзила бы в артерии Рин град игл и с улыбкой наблюдала, как та истекает кровью на песке у ее ног.

Рин выжила в битве у Красных утесов только потому, что так решила Дацзы. Гадюке по-прежнему что-то было от нее нужно, и Рин хотела узнать, что именно.

– Пришли, – сказала женщина.

Рин осторожно увеличила пламя, чтобы осветить окрестности. Они остановились у крошечной хижины, сооруженной из веток, лиан и оленьих шкур. Внутри с трудом вмещалось не больше двух человек.

– Госпожа, мы вернулись! – прокричала женщина.

– Я слышу четыре пары ног, – донесся изнутри слабый, дрожащий голос. – Кого вы с собой привели?

– Гостью, – сказала Рин.

– Входи, – раздался ответ после короткой паузы.

Рин опустила на колени и вползла в хижину.

Бывшая императрица Никана сидела в темноте. У нее не осталось ни платьев, ни драгоценностей. Грязная и вонючая, она куталась в рваные обноски, так заляпанные грязью, что не определишь первоначальный цвет. Волосы Дацзы утратили блеск, а глаза – завораживающее сияние. Всего за несколько месяцев она состарилась на двадцать лет. И не только от бремен войны, не только от изматывающих попыток уцелеть, пока страна разваливалась на части. Красоту Дацзы разъедало нечто сверхъестественное, какая-то злобная сила, сделав то, чего не сумели бы ни время, ни лишения. На мгновение Рин ошарашенно застыла, решив, что ошиблась – может, перед ней все-таки не Гадюка, а какая-то старая карга, живущая в лесу.

Но потом Дацзы уставилась на Рин единственным глазом, и растрескавшиеся губы изогнулись в такой знакомой улыбке.

– Долго же ты добиралась.

Кровь прилила к голове Рин, зашумела в ушах. Она оглянулась на вход в хижину. Снаружи стояли в ожидании девочки.

– Оставьте нас, – приказала она.

Девочки не сдвинулись с места. Они смотрели на Дацзы, ожидая ее указаний.

– Ступайте, – велела Дацзы. – Возвращайтесь в город. Бегите.
И они умчались.

И как только они скрылись, Рин вытащила из-за пояса нож и приставила его к мягкой коже под подбородком Дацзы.

– Сломай Печать.

Дацзы лишь засмеялась, и белое горло запульсировало под острием ножа.

– Ты меня не убьешь.

– Клянусь богами...

– Иначе ты бы уже это сделала. – Дацзы отмахнулась от ножа, как котенок от мухи. – Хватит театральных представлений. Я нужна тебе живой.

Рин не отвела нож.

– Сломай Печать.

Перед глазами у Рин встал красный туман. Ей пришлось сосредоточиться, чтобы рука не соскользнула, случайно не порезав кожу. Рин слишком много часов фантазировала, как поступит, если Дацзы когда-нибудь окажется у нее в руках. Если бы ей удалось заставить Дацзы снять Печать, блокирующую разум, то не пришлось бы больше полагаться на Катая. Она никогда больше не проснется посреди ночи с пересохшим от кошмаров горлом, барахтаясь среди лиц мертвецов. Ей никогда больше не придется видеть, какую боль она причиняет Катаю – его мертвенно-бледное лицо, кривые шрамы на его ладони – каждый раз, когда она вызывает огонь.

– Тебя это мучает, да? – Дацзы запрокинула голову и изучала Рин с ленивой и беспечной улыбкой. – Он так страдает?

– Сломай Печать. В третий раз просить не буду.

– А что, Сорган Шира не сумела?

– Ты знала, что у нее не получится! – рявкнула Рин. – Ведь это ты наложила Печать, это твоя отметина, и только ты можешь ее снять.

Дацзы передернула плечами:

– Какая жалость.

Рин надавила ножом сильнее. Как сильно нужно надавить, чтобы пустить ей кровь? Возможно, не стоило метить в шею, там слишком легко попасть в артерию, и тогда Дацзы истечет кровью, прежде чем успеет сделать что-нибудь путное. Рин переместила острое сверкающее лезвие ниже, к ключице.

– Может, тебя убедят кое-какие украшения. Какую сторону ты предпочитаешь?

Дацзы сделала вид, что зевает.

– Попытки не помогут.

– Не думай, что я этого не сделаю.

– Не сделаешь. Ты не Алтан.

– Не искушай меня. – Рин пустила по лезвию ручеек огня, чтобы только слегка обжечь кожу. – Я не собираюсь всю жизнь провести как зверь на поводке.

Дацзы изучала ее некоторое время. Раскаленный металл прижигал ее ключицу, оставляя на коже черные отметины, но Дацзы даже не поморщилась. И все-таки в конце концов подняла руки в мольбе.

– Я не знаю, как это сделать.

– Ты лжешь.

– Я не знаю, милое дитя, клянусь.

– Но ты... – Рин не могла сдержать дрожь в голосе. – Почему?

– Ох, Рунин. – Дацзы окинула ее полным жалости взглядом. – Думаешь, я не пыталась? Думаешь, я не пыталась с самого твоего рождения?

И она явно не насмехалась. В голосе не осталось ни следа снисходительности. Это было честное признание, а печаль в голосе отражала подлинную уязвимость.

Рин предпочла бы, чтобы Дацзы над ней насмехалась.

– Я бы все отдала, чтобы сломать Печать, – прошептала Дацзы. – Я пыталась ее сломать много десятилетий.

Значит, она имела в виду не Рин. Она говорила о собственной Печати.

Рин опустила нож. Пламя тоже отступило.

– Тогда зачем ты это сделала?

– Ты как-никак пыталась меня убить, милочка.

– Я не про себя. Про них.

– Я не хотела. Но решила, что они поубивают друг друга. А умирать мне не хотелось. – Дацзы встретила с ней взглядом. – Ты-то уж должна понять.

И Рин поняла.

Она не знала всего, полностью обо всем знали только Цзян и Дацзы, но оба скрывали от нее эту историю, однако Рин знала достаточно. Однажды Дацзы прокляла двух других участников Триумвирата, Дракона-императора и Стража, наложив на них Печать. И потом не сумела ее сломать. После одной стычки, таинственной битвы два десятилетия назад, причины которой никто в империи не понимал, Триумвират перестал существовать, потому что Дацзы не сумела сломать Печать.

«Один из вас умрет, – предрекла Тсевери из рода Кетрейдов за секунду до того, как Триумвират вырвал у нее сердце. – Один будет править, а третий уснет навеки».

И в конце концов Тсевери была отомщена.

Рин села на пятки. Вся энергия борьбы внезапно иссохла. Ей следовало бы разозлиться. Ей хотелось разозлиться, снести Дацзы голову в бездумном припадке ярости. Но глядя на это старое и отчаявшееся существо, Рин ощущала к ней только горькую и выдохшуюся жалость.

– Мне стоило бы тебя убить. – Нож выпал из ее руки. – Почему я не могу тебя убить?

– Потому что я тебе нужна, – мягко сказала Дацзы.

– Зачем ты сюда пришла?

– Разумеется, чтобы дождаться тебя. – Дацзы коснулась двумя пальцами щеки Рин. Рин даже не вздрогнула. Жест не был жестоким или снисходительным. Удивительно, но, похоже, это была попытка утешить. – В Лусане я сказала тебе правду. Позволь мне тебе помочь. Нас осталось так мало.

– Но как ты...

– Как я узнала, что ты придешь в Тикани? – Дацзы вздохнула и хихикнула. – Потому что все спирцы одинаковые. Вы привязаны к своим корням, именно они определяют вашу суть. Ты думала, что в Синегарде создала новую личность и убила девочку, которой когда-то была. Но ты ничего не сможешь с собой поделать – тебя всегда будет тянуть к тому месту, где ты выросла. Все спирцы такие. Люди своего племени.

– Мое племя мертво, – возразила Рин. – Южане – не мое племя.

– Ох, ты знаешь, что это не так. – Губы Дацзы изогнулись в сочувственной улыбке. – Теперь ты южанка. Провинция Петух – часть твоей истории. Как же иначе? Больше у тебя ничего не осталось.

* * *

– Это безумие, – сказал Катай.

– Ну, больше мы нигде не можем ее поместить, – отозвалась Рин.

– И ты готова держать ее здесь? – Катай всплеснул руками, лихорадочно расхаживая по кабинету генерала. – Мы здесь спим!

– Значит, она будет спать в другой комнате.

– Ты прекрасно знаешь, что я не об этом. А Суцзы ты расскажешь? Чжуденю?

– Конечно же нет, и ты тоже не расскажешь.

– Он твой якорь? – спросила из дверного проема Дацзы. Она впиалась взглядом в Катая, словно в самый сочный кусок добычи. – И ты с ним спишь?

Катай заметно напрягся. Рин уставилась на Дацзы, слишком ошарашенная, чтобы ответить.

– Я... Что?!

– А стоило бы попробовать. Иногда. Якорная связь делает это особенным. – Дацзы шагнула вперед, улыбаясь и продолжая рассматривать Катая. – А, я тебя помню. По Академии. Студент Ирцзаха. Сообразительный мальчик.

Рука Катая потянулась к ножу за поясом.

– Еще шаг, и я тебя прикончу.

– Она нам не враг, – поспешила вмешаться Рин. – Она хочет нам помочь...

Катай разразился лающим смехом.

– Ты совсем свихнулась?

– Она нас не тронет. Если бы она хотела меня покалечить, то уже сделала бы это у Красных утесов. Теперь баланс сил сместился, и у нее нет причин...

– Из-за этой стервы погиб мой отец, – медленно выговорил Катай.

Рин умолкла.

– Мне так жаль, – сказала Дацзы. Удивительно, но ее глаза излучали сожаление, а насмешливая улыбка исчезла с губ. – Министр Чен был верным слугой. Сожалею, что его унесла война.

Катай явно поразился, что она посмела к нему обращаться вот так.

– Ты чудовище.

– Я три года жила среди Кетрейдов и знаю о Пантеоне гораздо больше, чем вы оба, вместе взятые, – сказала Дацзы. – Только я способна вести войну с гесперианцами или с Инем Вайшрой, если уж на то пошло. Я нужна вам, если вы хотите уцелеть в грядущих событиях, и лучше прекрати мне угрожать, мальчишка. Это что, лучшие данные вашей разведки?

Дацзы резко повернулась к столу Катая и начала копаться в тщательно нарисованных картах. Катай дернулся, чтобы ее остановить, но Рин преградила ему дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.